

3
1965

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ ГЛОБУСА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Внимание! ЗС-48!

НАУКА-ПОИСК

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

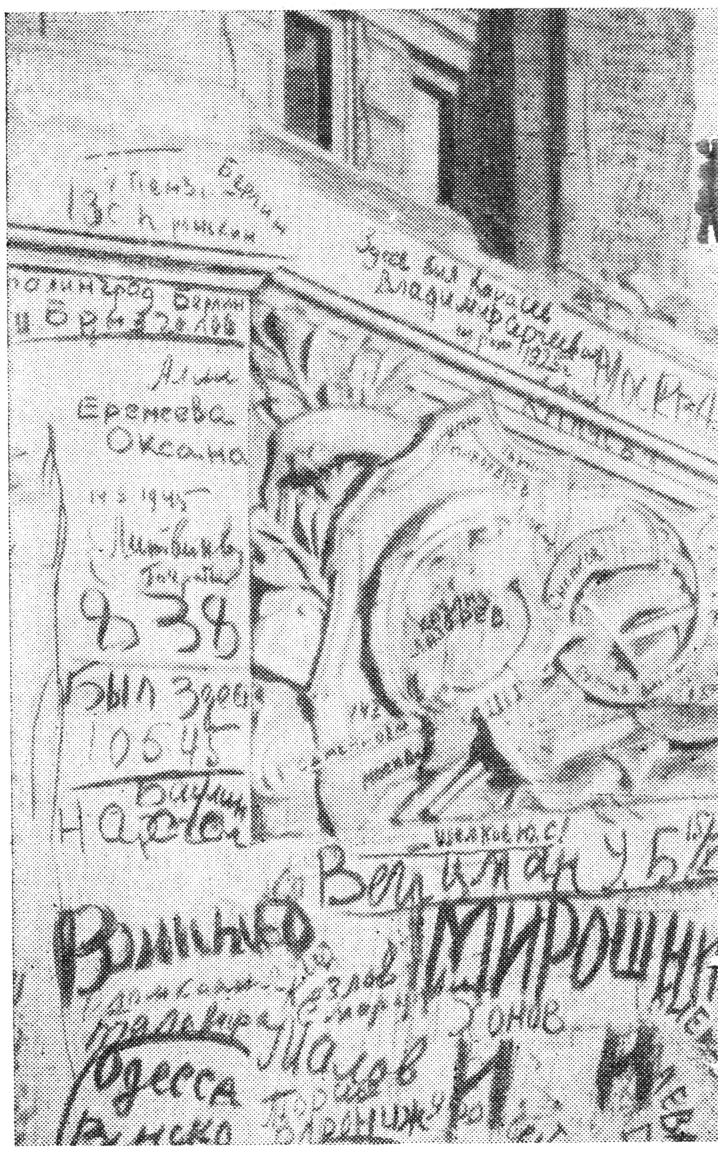
ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

С. КРИВОШЕИН. Солдаты Победы	4
Новая эра в освоении вселенной	11
Василий ЧИЧКОВ. Чертовое колесо	22
Эдвин РОЗЛУБИРСКИЙ. Месть за Па- вьяк	27
Охотники за оружием	32
Н. ПАВЛОВ. Внимание! ЗС-48!	36
А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ. Тонкая нить	53
С. ГАНСОВСКИЙ. Доступное искусство	94
Глеб ГОЛУБЕВ. Огненный пояс	106
Жорж СИМЕНОН. Револьвер Мегрэ	120
Ю. ПЕРОВ. «Тень»	145
Э. П. БАТЛЕР. Совсем как живая	152

№ **3** (27)

1965
ПЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Пенза, Берлин
130 и ринсон

Позинерод Берлин
БР 4 28 108

Зубов был Ковалев
Владимир Фадеев
1925

Анна
Еременова
Оксана

195 1945

Митчик
Точай

838

Был Зубов

10545

Бучин
Настя

Великий ул. 5/1

Вильнюс

МИРОШНИК

Одесса
Винско

Малов
Торгов

И
И

И

Стены рейхстага, май 1945 года.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. М. Кривошеин командовал во время Великой Отечественной войны крупным танковым соединением, которое участвовало в штурме Берлина.

Автор нескольких книг.

Солдаты Победы

Вечером 22 апреля 1945 года наши танки уже завязали бои в пригороде Берлина — Вайсензее.

С 23 по 30 апреля Первый Красноградский механизированный корпус всеми силами прогрызал оборону гитлеровцев. Стрелковые батальоны форсировали Шпрее. Бои развернулись в ближайших кварталах к рейхстагу. Наши танки подстерегали на каждом шагу минные поля, «фаустники», засевшие в подвалах прочных домов времен Фридриха Великого.

Сколько новых славных подвигов совершили в эти дни воины, прошедшие героический путь от Подмосковья, от берегов Волги, от Курска и Белгорода к логову врага! Наша победа ковалась все четыре года — на фронтах и в тылу. И вот — последние дни войны.

Незабываемой славой покрыл себя экипаж комсомольца Сизова. Его танк был подбит и, потеряв возможность двигаться, остался между нашими и фашистскими позициями. В течение

двух суток танкисты отражали десятки атак противника. К концу третьих суток все из экипажа танка оказались ранеными, снаряды и патроны подошли к концу. Вокруг танка — сотни трупов гитлеровцев, семь подбитых и сгоревших вражеских танков. Когда на выручку подоспели наши части, сержант Сизов напрягал последние силы, но огня не прекращал.

Командир танкового батальона капитан Бочковский, руководя боем на Фридрихштрассе, вышел из своего танка. Он не видел, что из-за угла соседнего дома в него целился фашист. Находившийся рядом комсомолец старшина Крутнов бросился к капитану и заслонил его. Ценой собственной жизни Крутнов спас командира...

На обоих бортах танка — полуметровая цифра «172». В составе штурмовой группы он упорно пробивался к рейхстагу. Его комсомольский экипаж прошел тяжелый путь от Волги до Берлина. 32 танка и самоходных орудия врага, до сотни грузовых машин с гитлеровскими солдатами и офицерами, множество другой военной техники, уничтоженной в боях, числятся на боевом счету этого в заплатках и вмятинах танка...

«Старшинский» экипаж. Его командир — старшина Иван Пивных, механик-водитель — старшина Воскобойников, заряжающий — старшина Назарьян, радист — старшина Бондаренко. Их знала и любила вся бригада. Они прославились не только в боях. Их любили также за заразительный смех, веселые шутки, мастерские пляски на отдыхе. Синие танковые комбинезоны, казалось, с трудом выдерживали игру мышц их ладных фигур. Сам суровый полковник Вайнруб не мог скрывать ласковой улыбки, когда вызывал старшину Пивных и ставил ему ответственную задачу на лихую разведку врага или действия в засаде. Полковник всегда был уверен, что задача будет выполнена в срок.

Ворваться в рейхстаг, водрузить на нем красное Знамя Победы было заветной мечтой каждого солдата, каждого танкового экипажа в жестоких боях за Берлин.

И вот танк Пивных ведет бой в последних кварталах перед рейхстагом. На подступах к нему не только дом, а каждую комнату, лестничную клетку нужно брать штурмом. Продвижение штурмовой группы задержал сильный пулеметный и орудийный огонь на перекрестке улицы.

Пять танков противника быстро вынырнули из-за угла и на большой скорости ринулись на штурмовую группу.

Пивных точно и быстро посадил головной танк на перекрестье прицела, нога нажала на спуск. Фашистский танк остановился, задымил. Еще один меткий выстрел... Горит второй танк... Два выстрела подряд — и в пробитом боку третьего фашистского танка показалось пламя... Два танка повернули, стали удирать.

«Вперед! За Родину!» — подал команду Пивных, и его танк, выйдя из-за развалин, за которыми маскировался, стремительно помчался вперед, ведя огонь из пушки и пулемета по уходящим машинам, по окнам домов. До перекрестка остается 15, 10 метров. Вдруг сильный взрыв. Танк как будто под-

бросило вверх, он остановился. «Минное поле!» — мелькнуло в голове Пивных.

— Покажем фашистам, как умеют драться за Родину советские танкисты! — крикнул он раненым товарищам.

Ливень огня из пушки и пулемета обрушился на врага...

Радио чуть слышно передало последние слова героического «старшинского» экипажа, расстрелянного вражеской артиллерией:

— Прощайте, друзья! Родина любимая, твои сыны отдали все... «Это есть наш последний и решительный бой!»

* * *

Гитлеровцы обороняются с упорством. Все улицы пересечены баррикадами, завалены каменными глыбами. По существу, нет ни площадей, ни скверов — везде окопы, блиндажи, огневые позиции пехоты, артиллерии и танков...

Огромные клубы черного дыма поднимаются и висят над Берлином. Город горит...

Медленно освобождают наши войска дом за домом, улицу за улицей: все глубже они проникают в центр логова Гитлера.

На участке моего корпуса бой достиг наивысшего напряжения. Особенно сильное сопротивление оказывают фашисты 35-й механизированной бригаде. Развернулись во всю ширь солдатские таланты: ловкость, мужество, бесстрашие и находчивость. Одним из домов, где стены толщиной более метра, начинали овладевать с подвала. Потом дрались за лестничную клетку первого этажа, за каждую комнату в нем. Чтобы попасть из одной комнаты в другую, применяли толовые шашки. Ими пробивали дыры в толстых комнатных стенах. Солдаты мастерски использовали для укрытия каждый выступ печки, каминны. Сотни пуль тщательно проверяли каждый угол комнаты, прежде чем солдат входил или проползал в нее. Часто шли в дело гранаты.

Другой дом брали с крыши, куда смельчаки пробрались по водосточным трубам. В нем также упорно приходилось бороться за каждую комнату или лестничную клетку.

Наконец штурмовые группы 3-го мотострелкового батальона капитана Туровца и Стрелкова вышли к реке Шпрее. Внизу плещется грязная, мутная речонка. В жесточайших боях под Москвой, под Ленинградом, на крутых берегах Волги не один из нас мечтал побывать на этой реке. И вот мы пришли к Шпрее!

Наша артиллерия и танки открыли ураганный огонь по всем домам, прилегающим к реке. Фашисты не успели полностью взорвать железнодорожный мост у Рулебена. Мы воспользовались этим. Противник, сосредоточив по мосту сильный минометный огонь, старается не допустить движения наших частей через реку.

Танк за № 317 из штурмовой группы командира пулеметной роты старшего лейтенанта Лактионова, славившегося во всем

полку своим бесстрашием, отлично помогал пехоте. Все его звали экипажем четырех «С»: командир танка — лейтенант Сычев, механик-водитель — старшина Сережкин, заряжающий — сержант Сарьян, радист — рядовой Сирко.

— Товарищ командир, из круглого окна дома, что с башней, бьет пулемет, — доложил Сарьян.

— Осколочным заряжай! — подал команду Сычев, наводя пушку на круглое окно.

— В развалинах справа, что у фонаря, появилась группа фашистов! — опять закричал Сарьян.

— Заряжай осколочным, а я прибавлю им огонька из пулемета! — весело командовал Сычев, быстро поворачивая подъемный и поворотный механизм на новую цель.

— Товарищ командир, впереди мост, вроде не совсем взорванный, — послышался хрипловатый бас механика-водителя Сержкина.

— Самый полный вперед! Прорвемся к фашистскому логову — рейстагу, — приказал горячий комсомолец Сычев.

И «тридцатьчетверка» на предельной скорости понеслась к мосту, благополучно перескочила дыру в нем и стала в упор расстреливать фашистов в близлежащих домах. У второго танка, двинувшегося вслед за танком Сычева, на резком повороте у самого моста свалилась гусеница, он загородил дорогу другим танкам. Фашисты, воспользовавшись заминкой, усилили огонь. Пехота 3-го мотострелкового батальона залегла под огнем врага. Выскочивший из-за угла дома капитан Туровец с криком: «Вперед за Родину! Смерть фашистам!» — поднял батальон в атаку. Старший лейтенант Лактионов, бежавший рядом с Туровцом, увидел на остановившемся танке реющее красное знамя.

— Танкисты, давай знамя вперед! — закричал он.

И вот обгоревшее с одного конца знамя заколыхалось на мосту. Оно как магнитом притягивает к себе бегущих в атаку бойцов, гордо и настойчиво движется вперед, зовет, требует, приказывает. Через минуту знамя уже на той стороне Шпрее и вдруг... резко падает. Вместе с ним рухнул на землю старший лейтенант Лактионов, сраженный пулеметной очередью.

Пробитое пятью пулями, политое кровью офицера Лактионова знамя подхватил капитан Туровец. Оно опять величественно поднялось над боевыми порядками мотострелкового батальона, опять звало вперед. Батальон обеспечил переправу другим частям корпуса через Шпрее.

Переправившиеся части 35-й и 19-й механизированных бригад с большими потерями отражали яростные атаки гитлеровцев. Немного продвинувшиеся вперед части батальона Туровца 26 апреля в 12 часов 00 минут соединились с частями Первого Украинского фронта, наступавшего на Берлин с юга: внутреннее кольцо окружения берлинской группировки гитлеровцев замкнулось.

На всю жизнь запомнился этот исторический момент. Заняв дом на южной окраине Рулебена, 35-я механизированная брига-

да вела упорные бои за каждый дом на улицах Рейхштрассе и Олимпиштенштрассе. За два часа боя батальоны отразили пять атак гитлеровцев.

С наблюдательного пункта вижу рукопашные схватки батальона Туровца. Вдрую, смотрю, гитлеровцы повернули назад, замешательство. Из-за домов выскочило несколько «тридцатьчетверок».

— Видишь танки? — спросил я у стоящего рядом помощника начальника штаба по разведке.

— Так точно, наши «тридцатьчетверки!» — радостно ответил он.

— Откуда взялись?

— Не могу знать...

— Разведчик, а не знаешь! Немедленно выяснить! — приказал я майору.

Пока разведчик бегал узнавать, а я связывался с командирами батальонов, Туровец прислал офицера, который, запыхавшись, доложил, что бойцы их батальона обнимаются и целуются с танкистами 7-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Новикова Василия Васильевича. Я поспешил к месту этой радостной встречи.

Чумазые танкисты по-медвежьи сжимают стрелков Туровца, целуют и кричат каждый свое.

— Братцы, да откуда, окаянные, вы взялись?

— Известно откуда! С того же самого проклятого гитлеровского логова!

— Спасибо за выручку!

— Дай я тебя расцелую, черта грязного!

— Грязь — не сало, потер — да отстала. А такого орла только в Берлине и встретишь.

— Братишка, родной! Вот где довелось за три года встретиться!

Не удержался и я, стал целоваться со всеми танкистами подряд.

Упорные бои велись и в последующие дни. Уже освобождены кварталы Вайсензее, заняты газовые заводы в Сименсштатде. В освобожденной части города из развалин и подвалов появились немцы — женщины, старики и дети. Испуганными глазами провожают они наши танки, артиллерию на тракторах. Почти не отрываясь от танков, по Вайсензее мчится машина с кухней на прицепе. Один из офицеров обратил мое внимание на нее:

— Смотрите, товарищ генерал! Это знаменитый повар 219-й бригады Есенин. В бригаде его именуют командиром «лапшевного танка». Он никогда не отстает от боевых порядков, всегда кормит танкистов вкусным лапшевником. Под халатом у него орден Красной Звезды, медали за отвагу и боевые заслуги. Есенин — бесстрашный человек. Он потерял жену и детей в первые дни войны: их сожгли гитлеровцы в одной из белорусских деревень... Смотрите, смотрите, товарищ генерал, что делает Есенин!..

Повар остановил машину около толпы немецких женщин, детей и стариков, вылез из нее и, подойдя к кухне, отвинтил крышку бака. Затем он оглядел толпу и, подхватив большой черпак, налил в миску маленькой худенькой девочке танковый борщ. Немцы быстро выстроились в очередь.

Мы подъехали ближе. Есенин в довольно грязном белом халате и белой pokrышке на шапке стоял на ступеньке кухонного котла. Голодными глазами провожали немцы каждое его движение. Размеренно и плавно Есенин наливал в протянутые посудыны вкусно пахнущее варево и говорил:

— Граждане, не торопитесь! Не спешите! Всем хватит! Советская власть — это не гитлеры! У нас всего много!..

— Товарищ Есенин, вы же раздадите весь обед. А танкистов не забудете? — улыбнулся я, подходя к кухне.

— Товарищ генерал, танкистов сейчас до вечера к кухне ничем не заманишь. Я их порядки хорошо знаю. Они фашистов бьют, а я вот гражданское население кормлю.

Бои продолжались.

Наконец ворвались в район Берлина Шарлоттенбург. Клубы дыма валят со стороны парка. Дымит рейхстаг. Всего две улицы отделяют части корпуса от рейхстага.

...Советское командование объявило приказ о последнем штурме города.

От разрывов мощных авиабомб, снарядов тяжелой артиллерии взлетали ввысь и превращались в щебенку крепкие каменные стены. Там, где артиллерии не удавалось разрушить вековой постройки дома, на помощь приходили саперы.

...Постепенно стрельба стихает. С моего наблюдательного пункта хорошо виден город — большой, мрачный, окутанный дымом пожарищ, с редкими вспышками огня от выстрелов. Еще казалось, что закоптелые трубы заводов, островерхие купола кирок, готических башен, домов со смотрящими в небо шпилями, высокие кружева антенн — все это таит в себе новые козни врага, и как бы по ассоциации перед моими глазами встали развалины Воронежа, Белгорода, Смоленска, Минска...

Вон идет нестройная колонна грязных, закопченных, ободранных фашистских пленных. Худые, изможденные лица, сгорбленные спины, глаза, смотрящие только на рваные ботинки... Заслуженный позор фашистских «завоевателей мира».

На соседней улице из-за развалин показался белый флаг, потом появился гитлеровский офицер. О чем-то поговорил с нашим командиром, вызвал свою часть, и фашистские солдаты стали складывать оружие. Штабеля винтовок, автоматов, пулеметов, горы патронов и пулеметных лент росли с каждой минутой.

Я спустился вниз и сразу попал в атмосферу буйной радости: все обнимались, целовались, что-то радостно выкрикивали...

— Товарищ генерал, поздравляю вас с победой! Дошли до Берлина, — кричал, обнимая меня, командир танкового полка 19-й механизированной бригады Матвей Нестерович Бортовский.

Танки славного Первого Красноградского механизирован-

ного корпуса прекратили свой боевой марш-маневр в 200 метрах от рейхстага, над которым уже реяло красное знамя — великое Знамя Победы.

Сколько отваги, героизма и мужества проявил советский народ, сколько благородных, самоотверженных поступков нужно было совершить во имя Родины, чтобы дойти до Берлина!

Никогда не забудется человечеством великий подвиг нашего народа, который в тяжелой борьбе отстоял честь и независимость Советской Родины, спас людей всей планеты от угрозы фашистского порабощения.

В этот долгожданный, радостный, весенний день 2 мая, когда в Берлине водворилась тишина и над уцелевшими домами взметнулись ярко-красные флаги и полотнища, с первым словом любви и благодарности мы обратились к родной Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, которые привели нас к лучезарным вершинам Великой Победы.

...Пронесся неожиданный весенний ливень, но вскоре яркое солнце снова выглянуло из-за быстро несущихся облаков. Его лучи радостно заблестали на уцелевших листьях старых каштанов, на покоробленных листьях железа разрушенных крыш, на длинных стволах танковых пушек, на лицах людей. Все кругом весело блистало, шумело...

НОВАЯ ЭРА В ОСВОЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ

Новый беспрецедентный успех советской космонавтики — успешный полет корабля-спутника «Восход-2» и первый в истории выход человека в космическое пространство — это еще одна выдающаяся победа нашего героического народа, строящего коммунизм.

Стартами космических кораблей страна салюрует двадцатилетию исторической Победы советского народа в Великой Отечественной войне, доблестным воинам нашей армии и флота, партизанам, бойцам фронта и тыла, которые отстаивали свободу и независимость нашей Родины, разбили гитлеровскую Германию, спасли мир от коричневой чумы.

Командир корабля «Восход-2» Герой Советского Союза
летчик-космонавт П. И. Беляев.

ГОВОРЯТ

**Президент Академии
наук СССР академик
М. КЕЛДЫШ**

Советский народ планомерно и последовательно осуществляет изучение и освоение космического пространства. В нашей стране создана передовая космическая промышленность, позволяющая

Второй пилот корабля «Восход-2» Герой Советского Союза летчик-космонавт А. А. Леонов.

УЧЕНЫЕ

советским ученым и инженерам решать грандиозные задачи проникновения в глубины вселенной.

От первого в мире искусственного спутника Земли, первых полетов к Луне до космических кораблей, пилотируемых советскими людьми, — наша наука и техника продемонстрировали перед всем миром, каких высот достиг советский народ, руководимый партией Ленина.

Предстояло решить одну из самых принципиальных задач — выход человека из космического корабля непосредственно в космическое пространство. Решение этой задачи открывает новые большие возможности для осуществления дальнейших полетов человека к Луне и другим небесным телам, для создания обитаемых межпланетных станций.

Осуществление проведенного эксперимента по выходу человека в космос — одно из самых замечательных свершений на пути освоения космоса. Это событие знаменует собой начало качественно нового этапа в исследованиях вселенной. Теперь открываются новые грандиозные перспективы создания орбитальных станций, стыковки космических кораблей на орбите, проведения астрономических и геофизических исследований в космосе. В недалеком будущем на орбите вокруг Земли можно будет создать Космический научно-исследовательский институт, в котором смогут работать ученые самых различных специальностей.

Академик Н. СИСКАЯН

Межпланетные полеты немыслимы без выхода космонавта из кабины корабля, в связи с чем первый выход человека в космическое пространство можно рассматривать как репетицию одной из наиболее волнующих сцен будущих межпланетных полетов. Можно утверждать, что успешный полет корабля «Восход-2» приблизил к нам время, когда, по образному представлению нашего великого соотечественника К. Э. Циолковского, человек сумеет стать ногой на почву астероидов, поднять камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве, образовать живые кольца вокруг Земли, Луны, Солнца, наблюдать Марс на расстоянии нескольких десятков верст...

Нахождение человека за пределами космического корабля создает исключительно благоприятные возможности для изучения такой важной проблемы, как биомеханика движений человека в условиях невесомости в свободном космическом пространстве. Биомеханику человека на Земле, как известно, изучал еще Леонардо да Винчи. Дальнейшее развитие эта отрасль знания получила в трудах И. М. Сеченова и многих других исследователей. В настоящее время эта проблема успешно разрабатывается советскими физиологами.

Однако биомеханика движений в условиях невесомости является новой проблемой. Более того, впервые представилась возможность изучать биомеханику в свободном безопорном пространстве, лишенном воздушной среды, в условиях, когда человек не имеет обычных зрительных ощущений, помогающих ему ориентироваться в пространстве. Находясь вне корабля, космонавт А. А. Леонов обследовал наружную поверхность корабля, включил кинокамеру и провел визуальные наблюдения Земли и космического пространства.

Последующий анализ данных, полученных с помощью телевидения, даст весьма ценный материал для изучения механики движения в столь необычных условиях, поможет глубже понять физиологию органов чувств (анализаторов) человека, их взаимодействие и особенности пространственного анализа в таких условиях. Кроме того, этот эксперимент позволит еще лучше определить возможности космонавта как оператора, механика и монтажника будущих космических и планетных станций, а также больших космических кораблей.

Успешные и уверенные действия А. А. Леонова за бортом корабля рассеяли также сомнения ряда зарубежных психологов об опасности появления у космонавта страха перед необъятным пустым пространством космоса, вызванного отчужденностью от Земли и всего земного.

Особое значение для осуществления космического полета корабля «Восход-2» имела система мероприятий, направленных на обеспечение выхода космонавта из корабля в космическое пространство и его возвращение. Основным устройством, предназначенным для решения этой задачи, является космический скафандр. Создание космического скафандра является весьма сложной технической проблемой, решение которой оказалось возможным благодаря проведению разносторонней научной работы, в том числе и специальных медико-биологических исследований.

Наиболее важной и сложной проблемой является выбор состава и физических свойств искусственной газовой среды, окружающей человека, учитывающий физиологические возможности организма и реальность технических решений. Приступая к этой проблеме, необходимо заранее отказаться от копирования обычных земных условий существования человека, так как воспроизведение их в искусственной атмосфере космического скафандра представляет огромные технические трудности, не оправданные биологической целесообразностью.

Это относится прежде всего к определению общей величины барометрического давления в скафандре. Многочисленными исследованиями отечественных и зарубежных ученых было доказано, что снижение барометрического давления до известных пределов при повышении концентраций кислорода во вдыхаемом воздухе не вызывает каких-либо сдвигов основных физиологических функций человека.

Эти исследования подтвердили возможность существенного снижения барометрического давления как в кабинах космических кораблей и планетных станций, так и в скафандрах, предназначенных для длительной работы человека в космическом пространстве и на небесных телах, лишенных атмосферы.

Однако снижение барометрического давления в атмосфере, непосредственно окружающей человека, имеет свои пределы. В случае, когда давление падает до величин, меньших 0,27 атмосферы, неизбежно наступает кислородное голодание, несмотря на то, что человек продолжает дышать чистым кислородом. Кислород при столь низком давлении уменьшает свою способность связываться с белком крови — гемоглобином — и поэтому не поступает в необходимом количестве к органам и тканям.

При выборе барометрического давления для космического скафандра необходимо учитывать физиологически безопасные пределы, лежащие в диапазоне 0,4—0,35 атмосферы.

Большим достижением советской науки и техники является создание космического скафандра для корабля «Восход-2», в котором удалось сочетать требования поддержания безопасного барометрического давления с высокой подвижностью, обеспечившей космонавту А. А. Леонову выполнение сложных операций и координированных движений при минимальных физических усилиях.

Наиболее существенной частью космического скафандра является автономная система жизненного обеспечения, предназначенная для поддержания оптимального состава газовой среды в подшлемном пространстве и создающая благоприятные температурные условия космонавту. Проблема регуляции температуры внутри скафандра после выхода человека в космическое пространство в настоящее время является одной из наиболее сложных. Отсутствие материальной среды, обеспечивающей теплопередачу, большие температурные контрасты, которые могут создаваться на поверхностях скафандра, освещенных и не освещенных Солнцем, значительное и непостоянное по величине выделение тепла человеком требовали создания сложных и оригинальных устройств для поддержания нормальных температурных условий.

Проблема создания средств жизнеобеспечения является, по существу, проблемой создания искусственной биосферы. Она расширяет наши современные представления о зоне, в которой возможно существование жизни, о ее характеристиках и границах. Она требует высокого уровня наших знаний об экологии, то есть сложных взаимоотношениях организма со средой. И мы видим, как на наших глазах усилиями советской науки и техники все более и более расширяются пределы и границы, в которых возможно создание искусственной биосферы. Успешное создание космического скафандра приближает нас к решению проблемы автономного существования, жизнеобеспечения и активной деятельности человека в различных условиях космического пространства и на небесных телах.

Академик В. ФЕСЕНКОВ

Современная наука не может основываться лишь на ограниченном опыте, доступном в земных условиях, и остро нуждается во все расширяющемся познании космоса в целом. Например, впервые мы наблюдали проявление атомной энергии именно в звездах. Именно в их центрах происходит непрерывное превращение водорода в гелий, что и служит источником звездного и солнечного лучеиспускания. Исследования этих явлений помогают нашим физикам глубже понять процессы, происходящие в недрах атома, быстрее решать проблемы, связан-

ные с использованием неисчерпаемых источников ядерной энергии. В настоящее время известны различные космические источники, в которых выделение энергии происходит в результате еще более интенсивных процессов, совершенно недоступных в наших лабораторных условиях.

К сожалению, возможности изучения космоса для наблюдателя, находящегося на земной поверхности, очень ограничены. Дело в том, что плотная атмосфера Земли пропускает только два рода излучений: в видимом участке спектра, включая инфракрасную и ультрафиолетовую области, и в диапазоне радиоволн длиной от миллиметров до нескольких метров. Вся остальная радиация полностью задерживается в верхних слоях атмосферы и не достигает земной поверхности. Это затрудняет изучение звезд и планет.

Подъем даже на сравнительно небольшую высоту значительно облегчает исследования и позволяет решать разнообразные задачи, недоступные земному наблюдателю. Так, стратостаты, поднимавшиеся всего на 20 километров, позволили с большой точностью определить распределение и структуру слоя озона на разных высотах. При почти полном прекращении атмосферных дрожаний на подобных высотах можно было с большой четкостью получать тончайшие структурные особенности солнечного диска. Выход за пределы слоя водяных паров земной атмосферы дал возможность определить содержание воды в атмосфере Марса, которое оказалось всего лишь 0,0015 миллиметра на квадратный сантиметр. Удалось также определить, что облачный слой Венеры, сплошь покрывающий ее поверхность, состоит из кристаллов льда.

Первостепенные результаты получены с помощью искусственных спутников Земли, начиная с самого первого, запущенного Советским Союзом в октябре 1957 года. Спутники систематически измеряют тепловое излучение земной атмосферы и вообще позволяют судить о тепловом балансе Земли как планеты. Кроме того, они дали возможность открыть на больших высотах гелиевую прослойку и установить, что магнитные возмущения повышают температуру в высоких слоях атмосферы.

Быть может, еще большее значение имеет применение искусственных спутников для целей геодезии. Они позволяют с большой точностью измерять расстояния между континентами. С их помощью значительно уточнена подлинная гравитационная фигура Земли, так называемый геоид, и отклонение его в разных областях от принимаемой средней фигуры Земли — эллипсоида вращения. Выяснилось, что существует определенное соответствие между подобными отклонениями и тепловым излучением из недр Земли. Определено также, что структурные особенности континентов простираются до огромных глубин, доходящих, по всей вероятности, до 10 процентов земного радиуса. Наконец, оказалось, что Земля вовсе не находится в гидростатическом равновесии, как это принималось в соответствии с гипотезой изостазии, по которой материи как бы плавают на пластичной подкорковой магме. Отсюда можно сделать вывод, что Земля подвержена внутренним конвективным течениям, то есть вертикальным перемещениям масс из верх-

них слоев в нижние и наоборот. Все это значительно расширило наши представления о строении Земли в целом.

Замечательное открытие протяженных радиационных поясов вокруг Земли было сделано при помощи космических ракет. Оно позволило установить непосредственную связь между земным внутренним ядром, находящимся в жидком состоянии и производящим общее магнитное поле, и этими радиационными поясами, отстоящими от Земли на много земных радиусов. Действительно, магнитные силовые линии защищают Землю от налетающих на нее солнечных вихрей, состоящих из протонов и электронов. Благодаря воздействию магнитного поля эти частицы огибают Землю на минимальном расстоянии около 10 земных радиусов. Можно также упомянуть об открытии вокруг Земли обширного космического облака, простирающегося на расстояние около 100 тысяч километров и еще неизвестного происхождения.

Выход самого человека в космос, хотя бы в его области, соседние с Землей, особенно важен потому, что позволяет открыть новые явления, которые нельзя было заранее предвидеть, дает возможность проверить ранее высказанные гипотезы, а главное — подготовить условия для более отдаленных путешествий, включая посещение Луны и планет.

Как уже говорилось, только на расстоянии около 100 тысяч километров Земля перестает искажать своим влиянием свойства межпланетного пространства. Естественно поэтому, что, поставив перед собой задачу организовать всесторонние космические исследования, было бы наиболее подходящим построить соответствующую обсерваторию на Луне, которая по своему расстоянию от Земли и своим физическим свойствам, по видимому, вполне подходит для этой цели. Поразительные достижения с запуском космических кораблей «Восход», осуществленные в СССР, и особенно выход из корабля практически в пустое безвоздушное пространство, выполненный космонавтом Алексеем Леоновым, позволяют считать, что подобная лунная обсерватория — дело не очень отдаленного будущего.

Дальнейшим этапом в освоении космоса будет непосредственное посещение сначала автоматическими устройствами, затем людьми различных тел солнечной системы с целью исследования их природы.

Для полного познания закономерностей развития нашей Земли в течение миллиардов лет ее существования очень важно провести сравнительное изучение планет земной группы, прежде всего Венеры, Марса, а также астероидов. Как известно, много интригующих загадок представляет соседний с нами Марс, подходящий к Земле во время своих противостояний на наименьшее расстояние — всего лишь в 50 миллионов километров. Три пятых поверхности этой планеты покрыто однородными желтыми пятнами, представляющими собой, как принято считать, отложения минерала лимоната. Если бы удалось определить толщину слоя этого материала, возникающего постепенно при определенных условиях из более темного магнетита, то можно было бы сделать заключение о том, были ли когда-либо на Марсе открытые водные пространства или эта планета всегда была такой же высохшей, как и в настоящее время.

Посещение Марса и даже достаточное приближение к нему позволило бы решить вопрос о природе его темных областей и о наличии каких-то форм жизни, которые могут быть совершенно отличными от земных, поскольку на каждом космическом теле, пригодном для обитания, подобно Марсу, жизнь должна зародиться самостоятельно. Нет надобности указывать, какое значение подобные исследования могли бы иметь для всех отраслей естествознания, прежде всего для биологии.

**Профессор В. ПАРИН,
действительный член Академии
медицинских наук СССР**

Являясь важнейшей исторической вехой в развитии космонавтики, первый выход человека в космос дает новый толчок не только инженерно-технической мысли, но заставляет по-новому взглянуть и на перспективы космической биологии и медицины.

Одной из важных проблем космической медицины является обеспечение безопасности космических полетов, выхода в космос и на поверхность других небесных тел. Длительное пребывание в космическом пространстве и особенно работа вне корабля предъявляют особые требования к организации надежного врачебного контроля. Такой контроль должен в случае опасности обеспечить принятие верного решения в кратчайшее время. Поэтому, кроме разработки специальных средств для сбора медико-биологической информации в полете, в отношении которых в нашей стране уже достигнуты серьезные успехи, потребуется энергичное развитие методов автоматической обработки данных на борту космического корабля, широкое внедрение вычислительной техники, создание специальных бортовых «диагностических машин». Такая машина будет играть важную роль при выявлении опасных состояний также и при наличии в составе экипажа врача. Кстати, исследования в области бортовых «диагностических машин» представляют большой интерес и для земной медицины, так как подобные устройства крайне нужны для исследовательской работы.

Главными трудностями при разработке бортовых «диагностических машин» являются не технические решения, а выбор медицинских программ работы вычислительной машины, разработка так называемых диагностических алгоритмов. Если на земле для врачебного контроля в клинике диагностические алгоритмы могут основываться на опыте диагностики и лечения тысяч больных, то в космосе мы имеем дело с малоисследованными ситуациями. В космосе важную роль должно играть прогнозирование неблагоприятных состояний космонавта, особенно при его работе вне корабля.

Одной из центральных задач космической медицины является изучение механизмов регуляции физиологических функций

при действии факторов космического полета. Организм представляет собой сложную динамическую самонастраивающуюся систему, которая обладает выраженной способностью приспособления к самым разнообразным условиям. Сейчас важно синтезировать результаты физиологических исследований, проводимых в самых разнообразных направлениях по изучению воздействий различных факторов космического полета на организм человека, на его анализаторные и эффекторные системы. Необходимо выяснить роль и значение каждого из звеньев регуляторно-приспособительных механизмов в обеспечении высокой надежности и устойчивости организма в целом. Особое значение, по-видимому, будет придаваться исследованию взаимосвязей центральной нервной системы с вегетативными системами организма, в частности с аппаратом кровообращения. Здесь весьма важную роль предстоит сыграть математическим и кибернетическим методам, которые со все большим эффектом начинают применяться в медицине, в том числе в космической медицине.

Первый выход человека в космос заставляет нас по-новому осмыслить и более далекие перспективы космонавтики, например межпланетные полеты. Межпланетный полет будет во многих отношениях отличаться от современных космических полетов. В составе экипажа межпланетного корабля, несомненно, будет врач, который сможет не только обеспечить медицинское обслуживание космонавтов, но и будет вести большую научно-исследовательскую работу. Датчики и электроды, по-видимому, не будут постоянно находиться на теле космонавта, и врачебный контроль будет осуществляться только в тех случаях, когда возникнет опасность появления опасных отклонений в состоянии здоровья членов экипажа. Подобные ситуации могут возникнуть, например, при выходе в космос для производства ремонтных работ, при внезапном резком увеличении радиации и т. п. В таких случаях необходимые электроды и датчики будут установлены врачом, и соответствующие физиологические данные будут поступать на врачебный пост корабля. Кстати, первый опыт применения съемных датчиков для медицинского исследования в космосе был получен во время полета корабля «Восход». Понятно, что для быстрой оценки состояния космонавта потребуются автоматическая обработка данных, что может быть осуществлено при помощи вычислительной машины, которая будет на борту межпланетного корабля.

Изучение возможной деятельности человека в кабине корабля и вне кабины, как и вопросы врачебного контроля, ставит проблему создания систем биологического управления. Возможность управления сложными устройствами при помощи биопотенциалов мышц представляет большой интерес для космонавтики. Такой тип биоуправления важен, например, при действии на космонавта больших перегрузок. Биоуправление средствами сигнализации и аварийного спасения, например срочной подачей кислорода, относится к числу задач, имеющих непосредственное отношение к обеспечению безопасности полета.

Все эти перспективные проблемы кажутся сегодня еще очень сложными, но сама постановка их стала возможной благодаря успехам советской космонавтики. 18 марта 1965 года советская

и мировая наука совершила важный шаг на пути освоения человеком космического пространства. Этот шаг будет иметь большое значение для развития космической науки в целом и космической биологии и медицины в частности.

Академик Л. СЕДОВ

Выход человека в космос является результатом новых больших достижений в развитии космической техники. Такие выходы будут осуществляться во многих последующих опытах. Они нужны при встречах космических кораблей, при их стыковке, при переходе людей из одного корабля в другой.

Выход космонавтов требуется при различных монтажных работах вне космических кораблей и при постройке в космосе больших летающих лабораторий, части для которых последовательно будут доставляться ракетами. Эти лаборатории будут играть важную роль в астрономических и других научных исследованиях.

Космонавты будут покидать кабины кораблей для сборки космических подвижных баз, которые потребуются для промежуточных стартовых площадок. Ведь стартовые площадки будут совершенно необходимы во многих случаях для осуществления дальних межпланетных полетов. Все проекты высадки человека на Луну так или иначе связаны с выходом человека из кабины летательного аппарата в космическое пространство.

Успешный опыт, осуществленный космонавтом А. Леоновым, навсегда войдет в историю космических полетов и послужит основой для многочисленных исследовательских и технических работ.

Для того чтобы осуществить успешный выход человека в космос, потребовалось произвести большой комплекс подготовительных работ. Среди них важное значение имело создание систем обеспечения жизнедеятельности в космосе, специального скафандра, системы телевидения, киносъемки, системы связи и многое, многое другое. Вся эта космическая техника требует множества различных автоматически действующих устройств. Вообще автоматика играет первостепенную роль в космической технике. Можно безошибочно утверждать, что сложный стартовый комплекс для запуска ракеты, сама ракета и космический корабль, наземные и бортовые системы связи и управления находятся в числе высших достижений современной автоматики.

ВАСИЛИЙ ЧИЧКОВ

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Рассказ

Рисунки Д. ДОМОГАЦКОГО

По ночам моросил мелкий осенний дождь, в окопах стояла вода. Кому выпадало счастье, тот находил где-нибудь ящик из-под патронов, доски или просто кирпич и прилаживал под ноги.

Сержант Тимофеев еще вчера притащил откуда-то ящик из-под снарядов и аккуратно уложил его на дно окопа. Сейчас он сидел на том ящике вместе со своим сыном, совсем еще безусым мальчишкой в новом обмундировании.

— Ведь как чудно, — скручивая сигарку, говорил отец. — Прислали тебя, как по заказу, сюда, где я служу. Во сне такое не увидишь!

— Mamka каждый день повторяла, — ответил сын, — хоть бы тебя к отцу послали! Он бы приглядел за тобой, научил военному уму-разуму...

— Чудно! — еще раз повторил отец и, закурив сигарку, с удовольствием вдохнул в себя едкий махорочный дым. — Ну, а как там живут, в деревне-то?

— Бабы работают, — как можно солиднее сказал сын. — Пелагею председателем выбрали.

— Они там изо всех сил стараются, а мы здесь, — после некоторого раздумья сказал отец. — А вон там, в лесу, — отец показал на восток, — сколько машин, танков! Какой только силы не собрано! Вот бы на поля-то...

Отец посмотрел на небо и еще раз затаился. Сын тоже поглядел вверх. Низкие свинцовые тучи медленно ползли на запад. На востоке небо чуть прояснилось, и где-то далеко к земле уже пробился яркий луч солнца.

— Смотри, батя, солнце!

— А чего в нем хорошего?

— Пригреет! Посуше будет.

— На войне лучше, когда тучи. Поспокойнее.

Сын перестал смотреть на небо и, облокотившись о колени, как отец, затаился махоркой.

— А от Степки-то ничего не слышать? — спросил отец.

— Получили тогда одно письмо, и как в воду канул.

— Ведь вот не родилось у нас девки. А теперь матери была бы подмога.

— Mamka обещала жилищку пустить. Просилась там одна из Смоленска.

Отец не ответил. Он опять взглянул на небо, где в разорванных ветром тучах появились голубые окна.

Солнце разливалось по земле, по осенним, в золоте, лесам. Оно подсвечивало капельки на траве, и они играли радужным светом. Сыну казалось, что войны нет и ничто не может нарушить тишину осеннего дня. Но ухо отца уже уловило гул мотора. Ветер порой относил его, гул пропал, потом появлялся снова.

— «Рама» летит, — вдруг сказал отец.

Сын приставил руку козырьком, посмотрел вверх.

Писатель В. М. Чичков во время Великой Отечественной войны командовал взводом разведчиков.

-- Чуть небо просветлело — и она тут как тут!

Отец бросил сигарку в грязь, снова стал прислушиваться, поглядывая вверх.

— Вон там! Видишь, летит! Пузо серебрится! Поправее облачка!

— Вижу! Высоко...

— А видит нас как на ладошке, — сказал отец. — У него там такая труба увеличительная стоит. Вот сейчас полетает-полетает и чего-нибудь придумает. Либо пушкам даст приказ, либо самолеты на нас пустит.

— Сшибить бы его!

— Из чего? Зениток здесь поблизости нет. Они там, у моста, стоят.

Он перевел взгляд на сына и с улыбкой подумал, что очень уж тот похож на него. Глаза, брови, нос. В гражданскую сам таким же пареньком был. Тоже было девятнадцать. Слава богу, воюю еще! Может, и сына пуля обойдет...

— Не жмут сапоги-то? — спросил отец.

— Нет.

— Пушечным салом почаще мажь. Для солдата сапоги вещь важная. И еще ты поначалу-то не горячись, вперед меня не лезь. Пуля против тех слаба, кто с толком воюет.

— Ладно! — ответил сын и поглядел на небо. — Слышишь, батя? Много самолетов летит.

— «Юнкерсы». Пикирующие, — пояснил отец. — Но, может, пройдут мимо.

Самолеты вынырнули из-за черных туч и теперь летели на фоне голубого неба, не очень высоко и неторопливо.

— Гляди, гляди, батя, низко, даже свастика видна.

Поравнявшись с передовой, самолеты стали перестраиваться. Они заходили друг другу в хвост, образуя круг. Молодому солдату это напомнило карусель, которую он видел в городском парке.

Некоторое время «юнкерсы» летали друг за другом, но вот головной скользнул на левое крыло и устремился вниз, к земле.

С каждой секундой самолет становился все больше. Отчетливой была видна черная свастика на крыльях.

— Батя! На нас летит?

— Левее метров на сто сбросит, — спокойно ответил отец.

Сын не спускал глаз с самолета, он видел, как из-под его крыльев оторвались две бомбы, похожие на вытянутые капельки металла, как они летели до самой земли и взорвались не очень далеко, метрах в ста слева.

— Когда взрыв — рот раскрывай! — крикнул отец. — А то перепонки лопнут.

Сын кивнул и опять выглянул из окопа. Он увидел, как от карусели оторвался еще один «юнкерс», за ним пошел в пике следующий.

— Батя! А если в него из автомата ударить? Ведь совсем близко.

— Не берет его, гада, автомат! Пробовал! Вот если из противотанкового ружья — другое дело.

Отец выглянул из окопа:

— Ложись!

Два тела в солдатских шинелях крепко прижались к стенке окопа. От взрыва стенка пошатнулась — будто кто-то покачал землю.

Бомба разорвалась совсем близко, и ход сообщения с одной стороны завалило.

На какое-то мгновение стало тихо. Потом тишину пререзал рев моторов самолета, который уходил вверх. А следующий «юнкерс» уже нацеливался на окоп.

— Батя! — с тревогой крикнул сын.

— Не бойся! Прижимайся к земле. Она не выдаст. Третьего дня они нас часа два тут молотили. И вдоль окопа и поперек. А мы сидим себе и посматриваем.

После каждого взрыва сын выглядывал из окопа, проводя взглядом «юнкерс», который поднимался ввысь и занимал свое место в карусели. Впрочем, строй самолетов теперь больше был похож на чертово колесо, которое крутилось и крутилось под грохот взрывов.

Стенки окопа обваливались.

— А может, перебраться отсюда в другое место?

— Не бойся! — подбодрил отец. — Не пропадем.

У сына алым румянцем горели щеки, он все чаще выглядывал из окопа. Не на них ли летит следующий? Казалось, все самолеты летят точно на их окоп и сейчас бомбы разорвутся здесь.

Завалило ход сообщения справа.

— Батя! — взмолился сын. — Завалит. Бежим!

— Нельзя, — твердо сказал отец. — Как только выскочишь из окопа, он из пулеметов. Надо сидеть и не выказываться.

А сыну даже в промежутках между взрывами казалось, что земля гудит. Хотелось выглянуть из окопа. И он опять выглянул, увидел пикирующий самолет и широко раскрытыми глазами смотрел на него. Он поверил, что «юнкерс» летит точно на него, — вскочил и стал карабкаться по мягкой, только что насыпанной земле.

— Стой! — отец тоже вскочил на ноги, в два прыжка достиг сына и, схватив его за ворот шинели, с силой бросил назад в окоп.

Послышался стук пулеметов.

Самолет пронесся над окопом. Тело отца сползло вниз по мягкой земле.

— Батя! — закричал сын и подхватил отца под руки. — Что же это такое, батя!

Потом взглянул вверх. Самолет был уже далеко. Но на крыльях его еще можно было прочесть цифру «32».

Сын постоял на коленях перед отцом, потом схватил автомат и стал неистово стрелять по спускающемуся «юнкерсу». Но самолету выстрелы не мешали.

Сын отбросил в сторону автомат, быстро пополз вдоль хода сообщения. Как только кончился завал, он прыгнул в траншею и побежал туда, где были люди. Он бежал, как слепой, спотыкаясь о ящики, доски. Кто-то крикнул:

— Ложись! Ложись, говорю!

Но сын не слышал. Он искал противотанковое ружье. Кто-то схватил его за рукав, чтобы пригнуть к земле. Он вырвался и, наконец, увидел то, что искал. Высокий сержант в каске, оперевшись на бруствер, стрелял из «ПТР» по самолету.

Двумя руками сын схватил ружье и потянул к себе.

— Ты что! Офанарел? — крикнул сержант.

— Дай! — повторил молодой солдат и заплакал.

Сержант разжал руки.

Сын закинул ружье на плечо и бросился обратно. Ему снова кричали: «Ложись!». Он опять не слышал.

Отец лежал все так же, на спине. Казалось, что широко открытыми глазами он смотрит в небо.

Сын положил ружье на бруствер и взглянул на чертовое колесо.

К земле приближался очередной «юнкерс». Сын прикинул глазом прицел, стараясь поймать на мушку кабину пилота. Вгляделся в цифру на крыльях. Шестнадцать! Не тот!

Он пристально вглядывался в следующий «юнкерс». На его крыле была цифра «25».

У солдата был только один патрон. Он ждал тридцать второй.

И тот появился.

Сердце застучало, пальцы правой руки нащупали курок. Мушка ружья следовала точно за кабиной пилота. С каждой секундой самолет становился все больше и кабина пилота увеличивалась в размере.

Ружье сильно толкнуло в плечо.

Самолет промчался над окопом, ударился о землю и взорвался. Сначала над ним взметнулся черный дым. Потом показались красные языки огня.

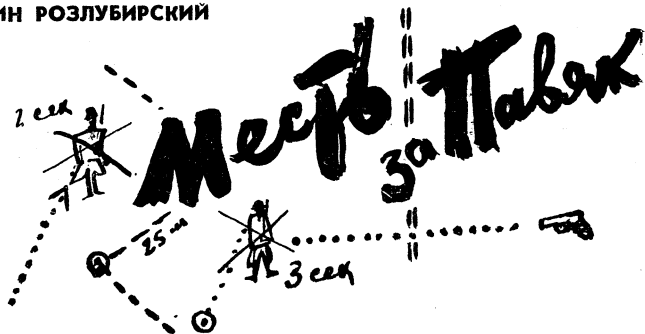
Сын осторожно присел на корточки рядом с отцом.

— Сбил я его, батя! — сказал он.

Потом сын закрыл отцу глаза и, взяв в руки автомат, стал ждать атаки.

ЭДВИН РОЗЛУБИРСКИЙ

Эдвин Розлубирский — один из организаторов партизанского отряда на территории Келецкого воеводства в 1942 году, а затем — активный участник варшавского подполья, боровшегося с гитлеровскими оккупантами.

В Издательстве министерства обороны Польской Народной Республики вышла документальная повесть Эдвина Розлубирского «Гости в сумерках». Мы печатаем отрывки из этой повести.

Осенью 1943 года гитлеровский фронт на востоке трещал по всем швам. Фашистские войска отступали «на заранее подготовленные позиции». Так объясняла военные неудачи грязная газетенка «Новый варшавский курьер», прозванная в народе «гадючкой».

В эту осень особенно усилился террор. Стены домов Варшавы пестрели плакатами с длинными списками фамилий поляков, расстрелянных на улицах, замученных в подвалах гестапо на Шухе и Павяке, убитых в развалинах гетто. Улицы были запружены усиленными патрулями жандармов и эсэсовцев. Прохожих останавливали грозным окриком: «Стоять! Руки вверх!» Людей обыскивали на вокзалах, на улицах, в магазинах. Ночью подкованным сапогом или прикладом стучали в двери квартир: «Открыть!..» После обыска всех увозили в тюрьму на Павяк, откуда прямая дорога была в Освенцим или сразу же на казнь. Людей забирали за все и ни за что: за нелегальную газету, за гильзу от патрона, завалывшуюся среди хлама, за стеклограф, за кобуру от пистолета...

В этих тяжелых условиях, когда даже передвижение по городу с оружием считалось невозможным, командование Гвардии Людовой решило отомстить за расстрелянных на улицах, за убитых на Павяке и Шухе.

Была проведена разведка с целью найти подходящий объект для ответной операции. Выбор пал на ночной ресторан («Только для СС и полицейских в форме»), который находился на углу улиц Кручей и Новоградской. Подготовка и взрыв ресторана были поручены одной из боевых групп Союза борьбы молодежи.

Это было вскоре после моего приезда из Келецкого воеводства. В Варшаве я узнал, что должен принять участие в формировании специального молодежного батальона. С момента создания Армии Людовой этот батальон вошел в ее состав как первый штурмовой батальон.

Сразу же после приезда в Варшаву меня познакомили с Конрадом (Лех Кобылинский — ныне профессор Политехнического института в Гданьске), командиром вооруженных отрядов Союза борьбы молодежи района Жолибож. Конрад был назначен командиром вновь организованного батальона. Он произвел на меня хорошее впечатление: был очень спокоен, говорил немного, тихим голосом. Видно было, что он человек решительный и знает себе цену. Я старался узнать его получше, потому что мне предстояло стать его заместителем. Мы должны были вместе провести операцию. От нашей храбрости, спокойствия и умения молниеносно принимать правильные решения должен был зависеть не только успех операции, но и жизнь наших ребят. Несмотря на мое хорошее впечатление о нем, в начале нашего знакомства существовало какое-то недоверие между нами.

Конрад был попросту разочарован. Ему сказали, что я опытный партизан, и он, почему — неизвестно, представлял меня рослым, усатым крестьянином. А восемнадцатилетний юноша среднего роста, худощавый, с загорелым лицом был мало похож на опытного партизана. Я же, привыкший к более открытым формам борьбы и не зная специфики городской конспирации, считал, что Конрад излишне мелочно подходит к решению целого ряда вопросов.

Это недоверие исчезло во время первой проведенной нами боевой операции. Конрада мы ценили как командира и как товарища по оружию. Он был храбрым: не щадя своей жизни, лично руководил всеми серьезными операциями. Даже к самому незначительному заданию он подходил разумно, стараясь проанализировать все до конца.

Взрыв в ресторане на углу улиц Кручей и Новоградской требовал тщательной подготовки. Бомбу изготовили мы с Конрадом. В это время он был более опытным в таких делах, так как уже принимал участие во многих налетах.

В небольшой комнатке Зыгмунта (Ришард Казала) на Старом Мясте из простого материала обыкновенными инструментами изготовили мы сравнительно небольшую бомбу. Корпусом служила жестяная коробка, заполненная большим количеством подковых гвоздей и обрезков железных болтов. Детонатором был кубик тротила, а взрыватель мы взяли с ручной гранаты. Сила взрывчатки, заложенной в бомбу, могла бы поднять паровоз на высоту восьми метров. Бомбу плотно обмотали проволокой, а затем аккуратно запаковали в бумагу и обвязали веревкой.

Большое значение Конрад придавал детальному изучению района операции. Важно было установить время, когда ресторан полностью заполнялся посетителями, систему его охраны и наметить путь для отступления.

Как охранялся ресторан, установить было нетрудно. Возле входа на посту стоял эсэсовец, вооруженный карабином. По противоположной стороне улицы прохаживался полицейский с пистолетом в кобуре.

После двухдневного наблюдения установили, что к девятнадцати часам в ресторане уже не было свободных мест...

Теперь оставалось разработать способ осуществления операции. В ресторан согласно надписи на дверях вход был разрешен только в мундирах. Появление там в гражданской одежде вызвало бы подозрение часового, гостей и обслуживающего персонала. Слишком рискованно было бы пытаться проникнуть в ресторан в мундире, потому что никто из нас не знал хорошо немецкого языка. На улицах многочисленные патрули проверяли документы у военнослужащих. Нашему «эсэсовцу» грозило бы немедленное разоблачение.

В конце концов решили, что все участники операции должны быть в штатском. Бросить бомбу поручили Антеку (Антоний Шульц, погиб спустя два месяца, 22 декабря 1943 года).

После внесения некоторых поправок майором Ришардом (Болеслав Ковальский — командир Гвардии Людовой) детально разработанный план операции был утвержден командованием и одобрен Варшавским комитетом Польской рабочей партии.

Ришард и Конрад подобрали людей, хорошо знакомых с условиями борьбы в оккупированном городе, где нет линии фронта, нет тыла, нет флангов и связи. Намечен был и день проведения операции — суббота, 23 октября, 7 часов вечера.

С нетерпением ждал я этого дня, который должен был стать началом нового периода в моей жизни. Тогда я еще не знал, что он станет и началом нашей дружбы с Конрадом.

Наконец день наступил.

Я поднялся рано утром. Достал пистолет, разобрал его, тщательно вычистил, смазал, протер патроны. Затем пытался читать книгу, но не получалось. Я думал о предстоящей операции. Вспомнились слова Ришарда: «Работа должна быть хорошо подготовлена и быстро выполнена. Ничто не должно подвести вас». Я снова принялся за пистолет. Возможно, что он плохо вычищен и даст осечку в самый неподходящий момент. Еще раз разобрал пистолет, еще раз вычищен. Три патрона пришлось заменить — мне показались подозрительными темные пятна на капсулах. Теперь пистолет был в таком состоянии, что я мог смело сказать: «Не подведет!» Он не подвел бы и после первой чистки, но, чтобы успокоиться, я провозился с ним долгое время.

Около шести вечера я вышел из дому, чтобы успеть на место сбора. В карманах брюк у меня лежали гранаты, в левом боковом кармане пиджака — две запасные обоймы. На левом бедре я ощущал успокаивающее прикосновение пистолета, заткнутого за пояс.

Начинало темнеть. На улицах зажглись редкие затемненные фонари.

На месте сбора я первый. По небольшой площади гуляет холодный ветер. Я начинаю мерзнуть.

Вскоре появляется Антек. Под мышкой держит довольно большой пакет — бомбу. Тихо говорим об операции, от которой нас отделяют всего три четверти часа. Замечаю, что Антек говорит с каким-то подчеркнутым спокойствием.

Через несколько минут подходят Конрад и Зыгмунт, а затем и остальные: Мирек (Лех Матановский), Тадек и Гур (Ежи Савицкий).

Гур немного выше Тадека, слегка самоуверен. Тадек держится просто и более симпатичен. Мирек смотрит на меня внимательно своими темными, глубоко посаженными глазами.

Конрад обменивается с каждым несколькими словами. Понимаю, что он пытается успокоить ребят.

Мы вооружены пистолетами. У Антека десятизарядный маузер, у Конрада и Гура парабеллумы. У всех, кроме Антека, еще и гранаты.

На место операции отправляемся по двое, стараясь не выпустить друг друга из виду. Первыми уходят Зыгмунт и Мирек, за ними — Конрад и я. Антек идет за нами. Его сопровождают Тадек и Гур.

Маршалковская заполнена прохожими. Переполненные трамваи, военные машины и мотоциклы, толпы солдат. Мы идем по улице, стараясь не привлекать внимания патрулей. Подходим к Новоградской. Здесь гораздо меньше людей и реже встречаются фонари. Через несколько минут мы у цели. Расходимся по своим местам согласно плану: Конрад и я становимся возле табачного киоска, напротив ресторана, справа от нас, метрах в тридцати, останавливаются Мирек и Зыгмунт, слева на углу — Тадек и Гур.

Мы с Конрадом должны обеспечить безопасность Антека, а остальные — прикрывать наше отступление.

Я прислоняюсь к стенке киоска. Рядом стоит Конрад. Где же

Антек? Почему он медлит? Хочется, чтобы все скорее начиналось. Все-таки не так легко участвовать в такой серьезной операции, когда тебе всего восемнадцать лет.

— Внимание! — слышу приглушенный шепот Конрада.

Приближается Антек. Идет по противоположной стороне улицы быстрым шагом. Я нащупываю рукоятку пистолета, снимаю предохранитель.

Антек в десяти метрах от входа. Восемь, шесть... Под мышкой бомба, завернутая в бумагу. Подходит к часовому, минует его, резко сворачивает и одним прыжком оказывается в ресторане.

Эсэсовец снимает с плеча карабин, но полицейский оказывается проворнее — он уже успел выхватить пистолет и сделать шаг к входу в ресторан. Последний шаг в его паршивой жизни. Стреляем одновременно — Конрад и я. Полицейский останавливается, как будто натывается на невидимую преграду, затем падает на тротуар.

Раздаются выстрелы. Это стреляет в нашу сторону эсэсовец из карабина. Но не может попасть, а расстояние всего двадцать метров. Волнуется. Ловлю его на мушку. Выстрел. Эсэсовец падает.

Справа от меня Конрад двумя выстрелами ликвидирует агента гестапо в штатском.

Подготавливая операцию, мы совсем забыли о тайных агентах. Это могло кончиться трагично для кого-то из нас. Когда началась стрельба, агент выхватил из кармана пистолет и... Хорошо, что Конрад не промахнулся.

Из ресторана выбегает Антек с маузером в руке. Его никто не останавливает — об охране мы позаботились.

Отступаем. Когда подбегаем к улице Кручей, раздается оглушительный взрыв. Из окон летят стекла, нас едва не сбивает с ног взрывная волна.

Ставлю пистолет на предохранитель и прячу его за пояс. Смешиваясь с толпой прохожих, мы бежим в сторону Иерусалимской аллеи.

Встречаемся в условленном месте — на углу улиц Злотой и Сосновой. В воротах дома Конрад носовым платком завязывает мне левую ладонь. Я даже не почувствовал, когда пуля зацепила руку.

Больше всех возбужден Антек. Просим его рассказать, что произошло в ресторане.

— Все великолепно! — говорит Антек. — Оказавшись в ресторане, раздвигаю портьеры. В зале фашисты сидят буквально друг на друге. Бомбу бросаю в самую-самую середину, прямо в их поганые морды, и бежать. Выхватил пистолет. Думал, что в дверях напорюсь на часового. Но вы быстро разделались с охраной, — обращается он к Конраду.

Только сейчас начинаем понимать, что операция продолжалась очень короткое время: всего шесть-семь секунд. Антек бросил бомбу спустя две секунды после того, как ворвался в ресторан, а взрыватель сработал через четыре с половиной секунды.

Утром стало известно, что в результате взрыва было убито шестнадцать фашистов, а тяжело ранено тридцать два. Не считая охраны ресторана.

ОХОТНИКИ ЗА ОРУЖИЕМ

Начало работы во вновь организованном молодежном батальоне было трудным. Остро ощущалось отсутствие необходимого количества оружия, особенно автоматов. Нельзя было надеяться, что нас кто-то обеспечит оружием. Добывать его придется своими силами.

Операции по разоружению гитлеровских солдат на улицах города не могли быть беспланными. На совещании, в котором принимал участие Ришард, были разработаны правила боевых операций, которые условно назывались «Покупка книг». Нам следовало избегать вооруженных столкновений с фашистами и проводить разоружение одновременно в разных районах города. В начале 1944 года было проведено несколько успешных операций, и вооружение батальона заметно улучшилось. Тогда особенно отличились бойцы первой роты, которой командовал Тадек (Тадеуш Петшак). Им удавалось добывать по несколько пистолетов ежедневно.

Наша разведка сообщила, что в караульном помещении проходной завода «Филипс» на Карольковой улице дежурит охранник, вооруженный автоматом. Мы быстро разработали план операции и приступили к выполнению.

На задание отправились восемь ребят: Конрад, Пётрусь, Юрек, Казик, Янек, Бронзовый, Кжыштоф и я. Все, кроме меня и Конрада, из первой роты. Мы были вооружены пистолетами и ручными гранатами, а у Конрада под плащом был спрятан автомат.

Первыми в проходную вошли Казик и Пётрусь. Дежурному телефонисту они сказали, что разыскивают по очень важному делу пани Ковальскую, которая работает на этом заводе. Дежурный начал звонить по всем цехам, пытаясь разыскать несуществующую пани Ковальскую. За это время ребята успели хорошо разглядеть караульное помещение и оценить ситуацию.

Данные разведки подтверждались: у входа стоял рослый охранник с автоматом. Здесь же находились еще два охранника, вооруженные пистолетами. Ребята заметили, что эсэсовец держит руку на рукоятке автомата, готового к стрельбе, — затвор его был отведен назад.

Я стоял на улице, возле двери. Мне было поручено задерживать каждого, кто попытается войти в проходную.

Подходят Юрек (Ежи Олехневич) и Янек (Ян Сафьянский). Оба держат руки в карманах плащей. Сейчас должна начаться операция. Ребята проходят мимо. Юрек ободрающе подмигивает мне.

Когда они входят в помещение проходной, Казик левой рукой хватается автомат эсэсовца за ствол и поднимает его вверх. В правой руке он держит наготове пистолет. Пётрусь (Богуслав Стжелецкий) направляет свой пистолет на остальных охранников.

Раздается грозное: «Руки вверх!»

Рослый эсэсовец отступает назад и, пытаясь вырвать автомат, нажимает на спуск. Гремит очередь. С потолка сыплется штукатурка. Тогда Казик стреляет в упор. Эсэсовец выпускает автомат и валится на пол. Два других охранника бросаются на Пётруся. Тот стреляет. Раз!.. Второго выстрела нет — парабеллум дает осечку. Раненый эсэсовец успевает схватить Пётруся за лацканы пиджака. В уцелевшего охранника стреляет Юрек. Пётрусь пытается расстегнуть кобуру раненого, который повис на нем. На звуки выстрелов с территории завода к проходной бегут эсэсовцы. По ним стреляет Янек. Пётрусю удается, наконец, расстегнуть кобуру и достать пистолет...

Ребята выбегают на улицу.

— За нами погоня! — кричит Казик.

С пистолетом в руке стою напротив двери. Расстояние — три-четыре метра. Внимательно смотрю на дверную ручку. Внезапно дверь распаивается. Успеваю заметить темно-синий цвет мундиров и выпускаю в дверь всю обойму: первые три выстрела — на высоте пояса, остальные ниже.

Дверь закрывается. Погоня захлебнулась, ждать больше нечего. Бегу за ребятами и на ходу меняю обойму. Догоняю их возле улицы Гжыбовской.

Охранники, обманутые тишиной, выбегают на улицу. Но наш план операции предусматривал и это обстоятельство: на углу Гжыбовской и Карольковой улиц стоит Конрад с автоматом, а рядом с ним Бронзовый (Ришард Зельвианьский) и Кжыштоф.

Конрад позволяет охранникам выбежать на улицу и, когда раздается первый выстрел с их стороны, открывает огонь из автомата. Бронзовый и Кжыштоф прикрывают его. Дав несколько очередей, Конрад прекращает огонь и отступает.

Казик протягивает мне добытый автомат. Заело патрон, и Казик не может ничего сделать. Прячу пистолет и не без труда устраняю повреждение. Отступаем в сторону Товаровой улицы.

Внезапно Конрад, бегущий по противоположной стороне улицы, поворачивается и начинает стрелять. Я оглядываюсь. За нами мчится грузовик. На подножках и в кузове — эсэсовцы.

Черт возьми! Прицеливаюсь, нажимаю спуск — и автомат встряхивает от очереди. Стреляю по ветровому стеклу и радиатору. Грузовик резко сворачивает вправо и врезается в уличный фонарь.

Бежим дальше. Улицы пустеют. Прохожие прячутся в подъезды.

Вешаю автомат на шею, в руке снова пистолет. Бежим по Гжыбовской по направлению к Вроньей. Здесь стоят извозчики. Один из них кричит:

— Панове! Офицер вбежал в магазин, а там есть телефон!

Если ему удастся позвонить, то жандармы могут отрезать нам путь. Это необходимо предотвратить.

Сбегаю по ступенькам вниз и одним ударом распахиваю дверь. Слева буфет. За прилавком перепуганный продавец. Справа ящики с лимонадом. У телефона, спиной ко мне, стоит офицер «люфтваффе». Он держит в руке трубку и торопливо набирает номер. Стреляю, целясь в обтянутые серым плащом плечи офицера. Продавец прячется за прилавок. Я выбегаю на улицу и догоняю ребят. Через минуту мы сворачиваем на Вронью и прячем оружие под плащами.

Усталый, но довольный, я вытираю со лба пот. Операция выполнена блестяще.

Таков еще один из эпизодов охоты за оружием.

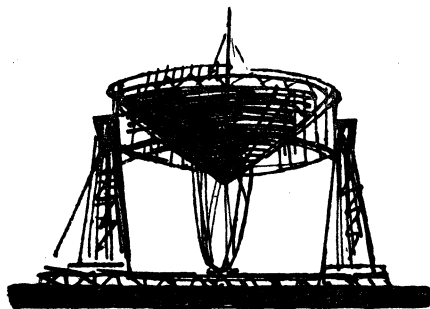
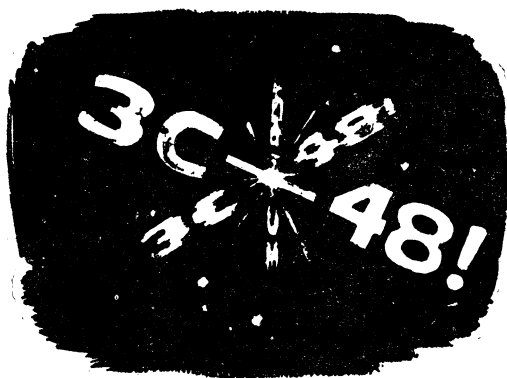
**Перевод с польского
Ю. КОНОНЕНКО**

Рисунки В. НЕМУХИНА

НАУКА-
-ПОИСК

Н. ПАВЛОВ

ВНИМАНИЕ!

Пожалуй, трудно представить себе более спокойный и мирный уголок, чем обсерватория.

Сейчас полдень. Закрыты прорези башен, из которых по ночам всматриваются в небо зеркальные «глаза» телескопов. Внизу, в долине, виднеются среди деревьев огромные ажурные чаши радиотелескопов.

Мир. Тишина. Покой.

Как обманчиво это впечатление!..

ПАТРУЛЬ В НЕБЕСАХ

На звездных картах все небо разбито на квадраты. Каждую ночь через сильнейшие телескопы фотографируется один участок за другим: первый, второй, третий... На следующую ночь снова в том же строгом порядке: первый, второй, третий...

Теперь астрономы больше доверяют различным приборам, чем своим глазам.

Для простого определения точного астрономического времени очень важно установить момент, когда наблюдаемая звезда пройдет через меридиан телескопа. И вот, оказывается, даже при таких, в сущности, совсем нехитрых наблюдениях человеческий глаз подводит. Зрительные ощущения в мозгу возникают лишь через некоторое время после события, опаздывая на сотые доли секунды, у каждого наблюдателя по-разному.

«Фотоглаз» бдительнее и точнее. К тому же зафиксированные на пластинках и пленках изображения звезд, планет и туманностей, их спектры можно хранить сколько угодно и спокойно, неторопливо изучать в лабораториях.

Фотопластинки с портретами все одного и того же квадратика неба укладываются в громадные шкафы. Число их растет с каждым днем. Но снова каждую ночь щелкают затворы фотоаппаратов, смонтированных с телескопами, наведенными все на тот же участок небосвода.

Зачем? Какой смысл в этой однообразной и монотонной работе, которую, словно чтобы «позолотить пилюлю», поэтически называют Службой Небесного Патруля? Что может измениться за одну ночь на вечном, как мир, небе?

А между тем самописцы радиотелескопов так же неутомимо и однообразно день за днем выводят на широких бумажных лентах бесконечные неровные линии. Что они означают, эти зубцы, зигзаги? О чем сообщают нам радиоволны, прилетевшие из просторов вселенной?

Только немногие из «небесных голосов» удалось пока расшифровать — всего несколько десятков. А обнаружено и нанесено на звездные карты уже несколько тысяч различных источников радиоволн.

Откуда летят к нам радиосигналы?

Мы этого пока не знаем. Но «уши» радиотелескопов день за днем вслушиваются в эти сигналы. Самописцы выводят на лентах бесконечные загадочные линии. Километры пока еще не рас-

шифрованных лент заполняют шкаф за шкафом. Во всех странах мира над этими записями таинственных небесных голосов склоняются астрономы, пытаются «привязать» их к каким-нибудь определенным звездам, туманностям, галактикам, «портреты» которых накопил Небесный Патруль. Только так можно установить источники радиоволн.

Особенно внимательно «прислушиваются» радиотелескопы к тем точкам небосвода, откуда исходит наиболее мощное излучение. Таких точек немало.

На обычных фотографиях — ничего, черная бездонная пустота, неизмеримая бесконечность вселенной. А в «уши» радиотелескопов из этой пустоты врывается такой мощный поток радиоволн, что, по подсчетам, для его излучения необходима совершенно невообразимая энергия.

Что там прячется, «в пустоте»? Необычная звезда, излучающая так мало видимого света, что его не улавливают наши обычные телескопы, но зато обладающая «звучным радиоголосом»? Некоторое время астрономы так и называли загадочные невидимые источники мощного излучения сигналов радиозвездами.

Но радиотелескопы постепенно совершенствовались, их «уши» становились все чувствительнее, и многие радиозвезды оказались развенчанными. Некоторые из них удалось отождествить с газовыми туманностями или очень удаленными галактиками. Другие оказались просто долетевшими к нам с опозданием «радиоотзвуками» гигантских взрывов так называемых Сверхновых звезд.

Постепенно астрономы вообще перестали пользоваться термином «радиозвезды». Они предпочли заменить его более осторожным — «точечные источники». Но загадочность их от этого, конечно, не уменьшилась.

Снова прислушивались к «небесным голосам» радиотелескопы. Опять и опять рассматривали до рези в глазах астрономы очередные фотографии, сделанные Службой Небесного Патруля. Кажется, на них нет ничего нового, можно спокойно класть на полку...

Хотя стоп... Похоже, что сигналы исходят именно из той точки небосвода, где в созвездии Треугольника едва заметна вот эта безыменная звездочка, окруженная слабой туманностью.

Первыми заметили это в 1960 году два американских астронома — Х. Смит и Д. Хоффлейт. Проверили свои наблюдения не один раз. Да, совпадение получается хорошее, с точностью до одной угловой секунды.

Так была «установлена личность» первого из таинственных «точечных источников», занесенного в звездные каталоги под условным номером ЗС-48.

Отлично! Открыта первая несомненная радиозвезда, обрадовались астрономы. Теперь надо организовать за ней постоянное наблюдение.

«Внимание! ЗС-48!» — подал команду Небесный Патруль.

И вот во всех уголках мира астрономы нацелили свои телескопы, направили чуткие «уши» антенн на именинницу — радиозвезду, совсем не предполагая, какие сюрпризы она им готовит,

НЕБЕСНЫЙ ПАТРУЛЬ ПОДНИМАЕТ ТРЕВОГУ

В обсерваториях вынимали из архивов и пылливо рассматривали бесконечные рулоны бумажных лент с записями радиотелескопов, перебирали и сравнивали бесчисленные фотоснимки того уголка неба, откуда непрерывно посылала мощный поток невидимых радиоволн загадочная ЗС-48...

Небесный Патруль начал Большой Поиск — и сразу же столкнулся с неожиданностями!

Прежде всего астрономов озадачил спектр радиозвезды. В нем совершенно отсутствовали линии водорода, весьма отчетливые у всех звезд. Да и другие линии располагались в спектре в какой-то необычной, запутанной комбинации.

Может, это вовсе и не звезда?

Но тут же в различных местах небосвода удалось обнаружить один за другим еще несколько подобных загадочных объектов. Там, где на картах был отмечен «точечный источник» радиоизлучения ЗС-286, наконец-то удалось рассмотреть и сфотографировать слабую звездочку. Вскоре «привязали» и радиоисточники ЗС-147 и ЗС-197; они, несомненно, также совпадали с едва заметными звездочками, ускользавшими прежде от внимания астрономов.

Значит, это все-таки звезды?

Тогда почему у них такой странный спектр светового излучения? У звезды ЗС-286 на всех спектрограммах, сделанных с многочасовой экспозицией крупнейшим в мире телескопом на горе Маунт Паломар в США, так и лежала в глаза исследователям совершенно непонятная яркая линия. Таких нет ни у Новых, ни у Сверхновых звезд, ни у нашего Солнца, ни в спектрах планетарных туманностей.

Что она означает, эта загадочная спектральная линия? О чем сообщает нам звезда ЗС-286? Уж не о том ли, что она состоит из каких-то необычных, новых, еще неизвестных нам химических элементов?

Разгадку — и совершенно неожиданную! — принесло изучение столь же странного спектра другой радиозвезды — ЗС-273, «опознанной» в слабенькой звездочке созвездия Девы.

Несколько месяцев изучал этот загадочный спектр в обсерватории Маунт Вилсон молодой голландский астроном Маартен Шмидт. Он рассматривал его так и этак, сравнивал с другими спектрами, но ничего не мог понять.

И вдруг ему пришла в голову оригинальная мысль: а что, если это самые обычные водородные линии, только очень сильно сдвинутые в «красную» сторону спектра? Звездное красное смещение? Если это так, и в спектре ЗС-273 линии водорода так сильно смещены в «красную» сторону, то вывод может быть лишь один: эта звезда находится очень далеко и к тому же «убегает» от нас с громадной скоростью.

Шмидт сделал все необходимые расчеты. Получилось, что звезду ЗС-273 отделяют от Земли полтора миллиарда световых лет и удаляется она от нас со скоростью около пятидесяти тысяч километров в секунду!

Наверное, когда он выписал на листочке бумаги эти цифры, рука молодого астронома все-таки слегка дрогнула...

Ведь это выглядело совершенно невероятно, опрокидывало все прежние представления о радиозвездах. До сих пор астрономы были уверены, что они — в нашей Галактике и светят очень слабо, недаром их так долго не замечали в обычные телескопы.

А тут, оказывается, мы увидели звезды, находящиеся далеко за пределами Млечного Пути.

Хоть и еретической показалась поначалу догадка Маартена Шмидта, о которой он сообщил в марте 1963 года, все астрономы бросились проверять ее.

Гипотеза молодого ученого объясняла непонятное смещение линий в спектрах и всех остальных радиозвезд. Но результаты расчетов все больше поражали исследователей. Получалось, что звезду ЗС-48, с которой все и началось, отделяют от нас четыре миллиарда световых лет, а ЗС-286 даже шесть миллиардов!

Какой же яркой должна быть эта звезда, если мы ее видим на таком чудовищном, трудно вообразимом расстоянии!

Вы только вдумайтесь: по современным подсчетам, возраст нашей планеты около пяти миллиардов лет. Глядя сейчас на звезду ЗС-286 — а теперь, когда место ее точно определено, прежнюю «скрытницу» можно легко заметить в телескоп, — мы видим свет, начавший свое путешествие сквозь космические просторы, когда и нашей Земли-то вообще еще не существовало. Представляете, какой силы «пржектор» светит нам из безмерных глубин космоса?

„ПРИРОДА ТРЕБУЕТ НЕОБЫЧНОГО“

Пока Маартен Шмидт ломал голову над загадочными спектрами радиозвезд, два других известных ученых — английский астрофизик Ф. Хойл и американец В. Фоулер — тоже размышляли в тиши своих кабинетов над тайной странных «точечных источников» мощного радиоизлучения. Откуда могут они черпать свою чудовищную энергию, равную запасу ядерной энергии сотен миллионов солнц? И откуда возникают такие мощные радиоизлучения?

Их порождают особые звезды, превосходящие по своей массе примерно в сто миллионов раз наше Солнце! Так ответили на эти вопросы Хойл и Фоулер. Они назвали эти предполагаемые необыкновенные светила Сверхзвездами.

Но можно ли представить себе звезду с массой в сто миллионов солнц? Трудно...

Хойл и Фоулер сами отлично сознавали это, но не испугались дерзости своей гипотезы. «Концепция объектов звездного типа с массой до 10^8 масс Солнца, конечно, странная, — писали они, — но сама природа рассматриваемого вопроса требует необычной физической ситуации».

Замечательные слова! Они очень напоминают уже ставшую крылатой фразу Нильса Бора о требованиях, которые предъявляют сейчас физики каждой новой теории, пытающейся дать единую физическую карту мира.

— Нет сомнения, что перед нами безумная теория. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться еще и верной...

Смелость, парадоксальность, «безумность» научных гипотез становится поистине знаменем времени. Это означает, что наука приступила к раскрытию таких необычных тайн природы, которые просто невозможно постигнуть и понять с привычных позиций «здравомыслия».

Смелая гипотеза Хойла и Фоулера появилась удивительно вовремя. Сразу же у многих астрофизиков возникла мысль; а не являются ли мнимые радиозвезды, светящие нам из безмерной дали и посылающие такие мощные потоки радионизлучения, теми самыми Сверхзвездами, необходимость существования которых доказывают точными расчетами два исследователя?

Подтверждение пришло незамедлительно. Астроном Д. Оук в обсерватории Маунт Вилсон высчитал по распределению энергии в спектре звезды ЗС-273 площадь ее излучающей поверхности. Она оказалась в тысячи раз больше, чем размеры самых гигантских звезд, известных до сих пор астрономам. Поистине Сверхзвезда!

И опять начались сомнения. Звезды величиной в десятки раз больше всей нашей солнечной системы?

То, что мы наблюдаем, не может быть одиночной звездой, возражали многие астрофизики. Да, они очень далеки от нас и стремительно удаляются. Да, они огромны и ярко светят, но это вовсе не звезды, а целые галактики — в общем-то такие же, как и сотни тысяч других галактик, занесенных в каталоги, только почему-то излучающие мощные потоки радиоволн.

Но очень быстро эти возражения были опровергнуты новыми поразительными наблюдениями. Ошеломляющие вести пришли одновременно из двух стран — из Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Сенсационные сообщения о новых открытиях были сданы в печать даже в один и тот же день — 9 апреля 1963 года.

Год за годом бдительный Небесный Патруль с точностью автомата фотографировал тот участок неба, где пряталась от астрономов загадочная ЗС-273. Советский астроном Ю. Н. Ефремов со своим коллегой А. С. Шаровым терпеливо просмотрели и сравнили более пятидесяти таких снимков, сделанных в Московской обсерватории с 1896 по 1960 год. И они обнаружили, что блеск необычной звезды не остается постоянным. Он меняется.

Такую же работу проделали и американские астрономы Х. Смит и Д. Хоффлейт. Они просмотрели шестьсот фотоснимков все той же ЗС-273, сделанных Службой Небесного Патруля. И также убедились, что блеск ее меняется с циклом около десяти лет.

Но что самое важное и поразительное: было обнаружено и другое, меньшее колебание светимости с периодом всего около недели!

Теперь все сомнения отпали: ЗС-273 вовсе не галактика, а звезда, какой бы необычной она ни казалась. Ведь невозможно допустить, чтобы все звезды в какой-нибудь галактике через оп-

ределенные промежутки времени по команде, словно фонари, меняли свою светимость. Да и свету, чтобы распространиться по всей галактике, нужны тысячи лет, а не недели. Так «подмигивать» может только одиночное светило, и приходится согласиться, что открыты действительно совершенно необычные, даже немислимые Сверхзвезды.

Удалось уточнить и размеры Сверхзвезд. Если их яркость за одну неделю может измениться почти в два раза, то размеры исполинского светила равны расстоянию, которое пройдет свет за это время, — около двухсот миллиардов километров.

Один из участников замечательного открытия, Ю. Н. Ефремов, заметил:

«Привыкших к гигантским размерам, массам, расстояниям астрономов удивляют не только совершенно необычные характеристики этих объектов; примечательно то, что в течение многих лет существование подобных тел казалось принципиально невозможным. Природа вновь демонстрирует неисчерпаемость своих могучих сил!»

Пожалуй, самое примечательное в удивительной истории открытия Сверхзвезд — это стремительность, с какой обрушивались на ученых новые ошеломляющие факты и необычные загадки. Весь ход открытия можно проследить буквально по дням. И совершалось оно поистине общими усилиями ученых самых различных стран — блестящий пример международного творческого сотрудничества во славу человеческого разума.

А каковы темпы познания! В третьем номере журнала «Природа» за 1963 год Ю. Н. Ефремов публикует заметку под ликующим заголовком «Первая настоящая звезда». Сообщая об открытии Смита и Хоффлейта, он рассматривает «первую настоящую радиозвезду ЗС-48 как обычную Сверхновую в нашей Галактике».

Пока журнал печатается и неторопливо движется к подписчикам, тот же самый Ю. Н. Ефремов уже сдает в печать новую заметку о своем поразительном открытии, блистательно подтверждающем, что и ЗС-48 и ЗС-273 не радиозвезды и не галактики, а совершенно необычные, невиданные светила — Сверхзвезды.

А в декабре все того же 1963 года уже созывается первый международный симпозиум, посвященный загадкам этих сверхсветил!

Итак, астрономам пришлось согласиться, что им в самом деле поставивлось открыть самые яркие «светильники» вселенной. «Слабые звездочки», когда мы узнали, какое громадное расстояние отделяет их от нас, были торжественно переведены в самый высший ранг Сверхзвезд. Теперь стало ясно, что светимость каждой из них в добрую согну раз превышает мощность светового излучения всей нашей Галактики с ее многими миллиардами звезд.

Тут фантазия становится бессильной, пасует перед трезвой логикой науки. Но не является ли это тоже характерной приметой нашего времени?

Один из крупнейших физиков современности, академик Ландау, сказал недавно, подводя итоги новейшим открытиям:

— Человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить...

Попытаемся же осознать невообразимое и прежде всего: каковы же источники энергии Сверхзвезд? Откуда они черпают энергию, чтобы миллионы лет посылать в пространство столь мощные потоки световых лучей и невиданных радиоволн?

Это была главная загадка, над которой задумались астрофизики.

С обычными звездами — даже такими, как, скажем, сверхгигантская звезда Золотой Рыбы, считавшаяся до сих пор самой крупной (ее масса в пятьдесят раз больше солнечной), — все обстоит просто и ясно. Ни у кого не вызывало сомнений, что источником их энергии служат термоядерные реакции: при высоких температурах и большом давлении в недрах звезды водород превращается в гелий.

Но уже самые беглые расчеты показывают, что такая термоядерная «топка» не подходит для Сверхзвезды, превосходящей по своей массе прославленную звезду Золотой Рыбы не в пятьдесят, не в сто, а в миллионы раз.

У Сверхзвезд должен быть иной источник энергии. Но какой?

Теоретики во всех странах берутся за карандаши. Им не нужны телескопы (когда у Эйнштейна некоторые любопытные гости наивно спрашивали, где же его лаборатория, он, улыбаясь, показывал свою старенькую авторучку...). Они заполняют листок за листком строгими шеренгами математических формул. Новейшие электронно-счетные машины помогают им довести до конца расчеты, на которые прежде не хватало бы всей человеческой жизни.

Тут торжествует «сухая» математика. Воображение здесь бес- сильно.

„ПРОСТИ МЕНЯ, НЬЮТОН...“

Хойл и Фулер высказали предположение, что источником гигантской энергии Сверхзвезд должна быть сила тяготения.

Но не значит ли это пытаться объяснить одну загадку с помощью другой, не менее таинственной?

Сила тяготения... Пожалуй, самая загадочная из всех, с какими нам приходится сталкиваться.

А сталкиваемся мы с ней непрерывно, каждую секунду, начиная еще с первых робких шагов в детстве, когда падаем на пол, набивая синяки и шишки.

Действие этой силы испытал каждый буквально на «собственной шкуре». Она не знает преград. Поток электронов можно остановить изоляторами. От солнечных лучей — загородиться самым обыкновенным зонтиком. Даже стремительные микрочастицы космических лучей, прилетающие к нам из просторов вселенной, «увязают» в толще бетона или свинца.

Но нет преграды для силы тяготения. Хотя, впрочем, как-то раз... Однако не станем забегать вперед.

«Что же это за таинственная сила?» — задумывались люди еще в глубокой древности.

Правда, задумывались не очень глубоко, потому что никто

тогда еще не подозревал о вездесущности тяготения. А то, что все тела падают на Землю, многим вовсе не казалось удивительным: в самом деле, куда же они должны падать — конечно, вниз, а не вверх. Сомнения начались позже, когда люди догадались, что Земля — круглая, а значит, не имеет ни верха, ни низа.

Первым понял, что все без исключения тела притягиваются одно к другому, гениальный Ньютон. Всем знакома легенда, как он бродил в задумчивости по саду, увидел падающее яблоко — и открыл закон всемирного тяготения.

Правда, сам Ньютон ни в одном из своих сочинений об этом мифическом яблоке не упоминал. А на вопросы, как же совершил свое замечательное открытие, отвечал коротко и совершенно точно:

— Я просто много думал об этом...

Но Ньютон не разрешил загадки. Он просто констатировал факт: что все тела притягиваются друг к другу прямо пропорционально своим массам и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними.

Это был точный, проверенный на множестве наблюдений закон. Он хорошо объяснял движение планет и навел порядок в запутанной небесной механике.

Однако загадки оставались и не давали ученым покоя. Какая физическая реальность скрывается за строгими математическими формулами, впервые выведенными рукой Ньютона? Когда самого Ньютона спрашивали об этом, он пожимал плечами и лаконично отвечал:

— Я гипотез не строю...

Как передается сила тяготения через космические просторы? Мгновенно? Без всяких «канатов» и «тросов»? Это уж совсем загадочно и непонятно, напоминает сказочное «по щучьему велению, по моему хотению»...

14 октября 1899 года страшный взрыв в глухом приморском уголке Англии, разнесший до основания лабораторию гениального изобретателя Кейвора, известил мир о долгожданной победе над тяготением! Впервые был получен кейворит — новый, невиданный материал, неподвластный этой вездесущей таинственной силе.

Кейвор построил из чудесного материала шар и отправился на этом корабле с приятелем в межпланетное путешествие. Какие приключения им довелось пережить, помнят все, читавшие занимательный роман Уэллса «Первые люди на Луне».

К сожалению, секрет кейворита так и остался неизвестен человечеству. Захваченный в плен селенитами, несчастный изобретатель пытался сообщить по радио на Землю сведения о его составе, но передача оборвалась на самом важном:

«Кейворит делается так: возьмите...»

Из-за этой досадной случайности сила тяготения осталась такой же непреодолимой и загадочной, как и во времена Ньютона.

После выхода в свет талантливого романа Уэллса у многих изобретателей возникла мечта найти какое-нибудь вещество, непроницаемое для тяготения, как и фантастический кейворит.

Эти мечты окончательно рухнули, когда величайший физик нашего времени Альберт Эйнштейн опубликовал в 1916 году свою гениальную «Общую теорию относительности», известную также под названием «теории тяготения».

Суть ее, пожалуй, очень хорошо выражена в шуточном разговоре Альберта Эйнштейна со своим маленьким сыном, который спросил однажды:

— Папа, почему, собственно, ты так знаменит?

Эйнштейн рассмеялся, потом серьезно ответил:

— Видишь ли, когда слепой жук ползет по поверхности шара, он не замечает, что пройденный им путь изогнут. Мне же повезло заметить это...

Эйнштейн дал совершенно новое и непривычное объяснение природе тяготения: в присутствии больших масс материи пространство и время искривляются, как бы «прогибаются». Кривизну пространства-времени мы привыкли называть гравитацией, силой тяготения. Это просто неотъемлемое свойство пространства-времени в присутствии больших масс.

В таком пространстве кратчайшими линиями между двумя точками становятся не прямые, а криволинейные, изогнутые траектории, по которым движутся все тела. Простейшим примером подобных линий, кажущихся на первый взгляд необычными, могут служить меридианы на глобусе; они ведь тоже кривые, хотя и соединяют кратчайшим путем две точки на земной сфере.

Теория тяготения Эйнштейна правильнее, глубже, точнее выражает закономерности природы, чем формулы Ньютона.

«Прости меня, Ньютон, — проникновенно написал Эйнштейн в одной из своих статей, — ты нашел единственный путь, возможный в свое время для человека величайшей научной творческой способности и силы мысли. Понятия, созданные тобой, и сейчас еще остаются ведущими в нашем физическом мышлении, хотя теперь мы знаем, что если будем стремиться к более глубокому пониманию взаимосвязей, то мы должны будем заменить эти понятия другими, стоящими дальше от сферы непосредственного опыта».

Человечество сделало еще один шаг вперед на бесконечном пути познания тайн природы.

Ньютон впервые дал математическое выражение закона всемирного тяготения. Эйнштейн предложил более точное геометрическое его понимание, связанное с кривизной пространства-времени.

Притяжение действует на тела не молниеносно: как доказал Эйнштейн, ничто в природе не может превысить скорость света. Поскольку тяготение — это неотъемлемое свойство самого пространства-времени, «прогибающегося» под влиянием масс материи, его нельзя «выключить». И конечно, невозможно заслониться от него никаким щитом из вымышленного кейворита.

Несмотря на кажущуюся простоту, теорию тяготения, предложенную Эйнштейном, все-таки трудно постигнуть. Причину этого отметил сам ее создатель: она слишком далека от «сферы непосредственного опыта». И не только для неспециалистов. Вот что говорит, например, доктор физико-математических наук Д. Иваненко:

«Следует честно признать, что, хотя всем и ясна разница между плоской поверхностью, например, стола, и искривленной поверхностью глобуса, но представить наглядно искривленное трехмерное пространство трудно».

Еще категоричнее выразился известный английский физик Дж. Дж. Томсон: «Я вынужден признать, что никому еще не удалось выразить ясным языком, что в действительности представляет собой теория Эйнштейна». По теории Эйнштейна, тела, в сущности, вовсе не притягиваются друг к другу, как мы привыкли понимать со времен Ньютона, — они просто движутся по кривым линиям, изогнутым из-за того, что в пространстве есть большие массы материи. Никакой силы тяготения, собственно, нет — есть просто поле тяготения, кривизна пространства.

МИР ПАРАДОКСОВ

В удивительном мире Сверхзвезд безраздельно господствуют и торжествуют законы общей теории относительности.

Прежде всего тяготение. У нас на Земле оно ничтожно слабо по сравнению с другими силами. И все открытые до сих пор звезды не были каким-то исключением. Сила тяготения у них уравнивается громадным внутренним давлением, возникающим при термоядерных реакциях в этих природных «котлах».

Но у таких гигантов, как Сверхзвезды, тяготение — безраздельно господствующая сила, все остальные подчиняются ей. И в недрах Сверхзвезд, конечно, происходит термоядерная реакция. Но она играет лишь побочную, «третьестепенную» роль, а главный источник энергии — тяготение.

Именно такую гипотезу выдвинули в своей статье, предсказывавшей открытие Сверхзвезд, Хойл и Фуллер.

Сверхзвезды, как и другие светила, видимо, рождаются из постепенно сжимающегося под действием гравитации газопылевого облака. Это полностью соответствует космогонической концепции советского академика В. А. Амбарцумяна. Но у обычных звезд наступает момент, когда сжимающую силу притяжения уравнивает давление горячего газа изнутри. У Сверхзвезд же невообразимая сила тяготения преодолевает это внутреннее сопротивление.

«Сжавшись» до определенного критического размера, звезда уже обречена. Наступает «гравитационный коллапс»: за каких-то пятнадцать минут Сверхзвезда, в сто миллионов раз превышающая по массе наше Солнце, неотвратимо сжимается «в точку». Именно при этом чудовищном коллапсе, по мнению Хойла и Фуллера, и выделяется громадная энергия в виде световых волн и радиоизлучения.

Казалось бы, такое сжатие должно закончиться невероятной силой взрывом. Но...

Все происходит не по привычным нам земным законам.

Критические размеры для звезд, при достижении которых ничто уже не может противостоять силе тяготения, называют сферой Шварцшильда в честь австрийского ученого, еще в 1916 го-

ду вычислившего их на основе уравнений общей теории относительности. Кстати, теория Сверхзвезд небольших размеров была разработана тоже сравнительно давно, в тридцатых годах, Л. Д. Ландау и Р. Оппенгеймером.

Однако до сих пор расчеты теоретиков просто негде было проверить в окружающей нас вселенной. Для Солнца гравитационный критический радиус равен примерно 3 километрам. А истинный радиус нашего светила — около 700 тысяч километров, и оно вовсе не собирается сжиматься до сферы Шварцшильда.

Только теперь, с открытием Сверхзвезд, ученые получили в свое распоряжение объекты исследований, которым оказались «по плечу» «мерки» общей теории относительности!

Когда Сверхзвезда сжимается до критических размеров сферы Шварцшильда, начинаются необычные, просто парадоксальные явления.

Сжимающееся почти со скоростью света вещество в сильнейшем поле тяготения изменяет течение времени в Сверхзвезде, замедляет его. Время становится «растянутым», словно при замедленном показе кинофильма. Поэтому мы никогда не сможем увидеть, как завершится коллапс и Сверхзвезда «сожмется в точку». Течение времени как бы останавливается!

Немыслимо? Невообразимо? Но когда вступаешь в причудливый мир общей теории относительности, воображение, как уже мы убедились, отстает от трезвой логики. С этим приходится примириться.

И все-таки попробуем если не представить себе наглядно необычные процессы, то хотя бы понять их закономерность.

Вот как объясняет это явление академик Яков Борисович Зельдович:

«Представим себе космонавта на ракете, приближающейся к Сверхзвезде. Допустим, что у него есть хронометр, который отсчитывает секунды. Каждую секунду космонавт посылает сигнал по радио, и эти сигналы принимаются где-то у нас на приемной станции. Забудем на время, что звезду отделяют от нас гигантские расстояния и сигнал идет долго.

Пока космонавт находится далеко от Сверхзвезды, сигналы приходят к нам равномерно, через секунду. Но вот он попал в сферу притяжения огромного сгустка вещества, оно захватывает корабль и разгоняет до околосветовой скорости. В это время на приемной станции промежутки между сигналами все время увеличиваются.

Здесь складываются два эффекта: увеличение скорости (направленной к звезде) и замедление времени в окрестностях большой массы. В конце концов последний сигнал, которым космонавт хотел сообщить, что он подлетел к определенному радиусу Сверхзвезды (имеется в виду сфера Шварцшильда. — *Н. П.*), вообще никогда не будет принят.

Примерно такая ситуация наблюдается и для вещества наших объектов. Звезда неуклонно сжимается. Сначала сжатие идет медленно, потом ускоряется; но когда вещество подходит к критической точке, где его скорость приближается к скорости света, сжатие звезды для нас, далеких наблюдателей, замедляется.

С нашей точки зрения, радиус звезды приближается к определенной конечной величине, никогда она не сожмется больше».

Итак, сам момент коллапса наблюдать невозможно. Мы никогда не увидим, как Сверхзвезда сжимается до размеров меньших, чем сфера Шварцшильда.

Но тут должна произойти другая поразительная вещь. Эта сфера служит непреодолимым барьером и для световых лучей. Достигнув критического радиуса, Сверхзвезда станет невидимкой, исчезнет из наших глаз!

Она не погаснет, нет. Внутри звезды по-прежнему бушуют раскаленные массы. Все так же излучается громадная энергия. Но мы уже не видим звезды. Она как бы спряталась от нас под «шапку-невидимку» сферы Шварцшильда, где кривизна пространства достигла предела. Пространство становится замкнутым для световых лучей.

Как предполагают ученые, превратиться в невидимку — участь каждой звезды, которая в несколько раз тяжелее Солнца. И, возможно, таких удивительных звезд-невидимок немало в окружающем нас пространстве. Некоторые астрофизики утверждают, будто их даже больше, чем обычных видимых звезд.

Как же обнаружить эти звезды, если они ярко светят, пылают, в них происходят громадные выделения энергии, но невидимо для нас, потому что сила гравитации не дает вырваться наружу ни одному световому или радиосигналу, который мы могли бы уловить? Выход, видимо, один: искать звезды-невидимки именно по громадному возрастанию силы тяготения.

Ну, а как обстоит дело с только что открытыми Сверхзвездами?

Обладая чудовищной массой в сотни миллионов раз больше солнечной, они-то уж наверняка должны стать невидимками! Но ведь мы их видим — и по крайней мере все такими же — добрую сотню лет, это доказывают фотографии Небесного Патруля.

Что же получается? Удивительные Сверхзвезды могут быть и видимыми и невидимыми в одно и то же время! Полная нелепость!

Да, парадоксальную гипотезу выдвинули Хойл и Фоулер, но ведь они при этом специально оговорились, что «сама природа рассматриваемого вопроса требует необычной физической ситуации».

Не удивительно, что их гипотеза вызвала много споров. Как примирить ее противоречия?

Большинство астрофизиков отрицает практическую возможность гравитационного коллапса. Сам Хойл и его ближайший сотрудник индиец Дж. Нарликар высказали недавно еще одно предположение: возможно, есть у Сверхзвезд особая сила, способная противостоять чудовищной гравитации и предотвратить коллапс.

Что же это за сила? Что может потягаться с притяжением таких размеров?

Только... сама гравитация, утверждают Хойл и Нарликар.

Следует допустить, что внутри Сверхзвезд существует «отрицательная гравитация», уравнивающая в какой-то момент обычную силу притяжения.

Целые поля отрицательного тяготения? Звучит уже совсем фантастично.

Может быть, эта гипотеза просто игра ума? Ведь с помощью математики можно доказать что угодно. Вот как один физик в шуточных тонах рассказывает о работе своих коллег:

— Вообще теоретики очень любят рассматривать принципиально не наблюдаемые эффекты. Например, *Дирак предположил, что существует сплошное море электронов с отрицательной энергией, которое нельзя заметить. Но если выудить из этого моря один электрон, то на его месте окажется дырка, которую мы принимаем за положительно заряженный электрон — позитрон.

Салам рассказывает, что подобные идеи не удивительны для Дирака. Он передает историю, которую до сих пор рассказывают в Кембридже.

Дирак, будучи еще студентом, участвовал в математическом конкурсе, где в числе других была и такая задача. Подлинного ее текста у меня нет под рукой, поэтому я излагаю ее своими словами.

Три рыбака ловили рыбу на уединенном острове. Рыбка бодро глотала наживку, рыбаки увлеклись и не заметили, как пришла ночь и спрятала под своим покровом гору наловленной рыбы. Пришлось заночевать на острове. Двое рыбаков быстро заснули, каждый прикорнув под своей лодкой, а третий, немного подумав, понял, что у него бессонница, и решил уехать домой. Своих товарищей он не стал будить, а разделил всю рыбу на три части. Но при этом одна рыба оказалась лишней. Недолго думая, он швырнул ее в воду, забрал себе свою треть рыбы и уехал домой.

Среди ночи проснулся второй рыбак. Он торопился в другую арифметическую задачу. Так как он не знал, что первый рыбак уже уехал, то он тоже поделил рыбу на три части и, конечно, одна рыба оказалась лишней. Оригинальностью и этот рыбак не отличался — он кинул ее подальше от берега и со своей долей поплелся к лодке. Третий рыбак проснулся под утро. Не умывшись и не заметив, что его товарищей уже нет, он побежал делить рыбу. Разделил ее на три части, выбросил одну лишнюю рыбу, забрал свою долю — и был таков.

В задаче спрашивалось, какое наименьшее количество рыб могло быть у рыбаков.

Дирак предложил такое решение: рыб было (-2) . После того как первый рыбак совершил антиобщественный поступок, швырнув одну рыбу в воду, их стало $(-2) - 1 = -3$. Он ушел, тяжело отдуваясь и унося под мышкой (-1) рыбу. Рыб снова стало $(-3) - (-1) = -2$. Второй и третий рыбаки просто повторили нехороший поступок их товарища...

Шутки шутками, но пока «отрицательная гравитация» подозрительно напоминает этот забавный «отрицательный улов» рыбы. И во всяком случае, существование ее в природе остается таким же недоказанным, как и реальность замечательного «моря отри-

цательных электронов» Дирака, хотя на правах оригинальной гипотезы оно хранится в арсенале науки. Кто знает, может быть, она еще окажется достаточно безумной...

НЕБЕСНЫЙ ПАТРУЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСК

Немного времени прошло с момента открытия удивительных Сверхзвезд. Но уже появилось немало и других гипотез, пытающихся объяснить их необычную природу.

Существование «полей отрицательной энергии», способных предотвратить гравитационный коллапс, пока не доказано. Но если ничто не может противостоять неимоверной силе тяготения, то Сверхзвезда должна сжиматься и становиться невидимкой, «спрятавшись» от нас за барьером сферы Шварцшильда.

Однако ведь они сияют на небе, эти удивительные Сверхзвезды, да еще как! Ярче всех звезд нашей Галактики, вместе взятых.

Как примирить эти противоречия?

Видимо, вся загадка в том, каким образом громадная гравитационная энергия сжатия Сверхзвезды превращается в световое и радиоизлучение, которое мы наблюдаем.

Академик Я. Б. Зельдович, как мы видели, также считает, что источником энергии в Сверхзвездах должно служить тяготение. Но к гипотезе гравитационного коллапса он вносит весьма существенную поправку:

«...Если звезды вращаются, то до такого катастрофического сжатия дело может не дойти. В ходе сжатия будет увеличиваться скорость вращения звезд, и это приведет к тому, что звезда распадётся на несколько других звезд и, может быть, выбросит часть вещества.

Возможно, именно здесь надо искать причины излучения. Сгустки выброшенного вещества падают обратно, разгоняются гравитационным полем, сталкиваются между собой, и в этих условиях энергия переходит в наблюдаемые формы светового и радиоизлучения».

Таким образом, сама Сверхзвезда может спрятаться от нас под «шапкой-невидимкой» сферы Шварцшильда. Но мы видим свет и воспринимаем радиоволны, порожденные столкновением вещества в чудовищном поле тяготения звезды-невидимки.

Расчеты показывают, что первоначальная масса столкнувшегося вещества может быть и не очень велика, чтобы породить излучение громадной мощности, какое мы наблюдаем: ведь при разгоне до предельных скоростей, близких к световой, любая масса начинает возрастать до бесконечной величины.

Другую теоретическую «модель» Сверхзвезды предложил недавно член-корреспондент АН СССР В. Л. Гинзбург.

Вероятно, сжимающееся в звезду газопылевое облако имеет магнитное поле, обладая в то же время очень высокой проводимостью. Вначале оно довольно слабое. Но сжимается облако, сгущаются и силовые линии магнитного поля, напряженность его возрастает.

По расчетам Гинзбурга, при сжатии облака до критического

гравитационного радиуса напряженность магнитного поля должна достигать колоссальной величины в миллиарды эрстед. Попадающие в него так называемые «быстрые электроны», мчащиеся почти со скоростью света, резко тормозятся. При этом они должны излучать свет и радиоволны. Таким образом, источником воспринимаемого нами светового и радиоизлучения служит исплинский радиационный пояс, окружающий Сверхзвезду.

Магнитное поле в миллиарды эрстед... Но это тоже кажется невероятным, если вспомнить, что напряженность привычного нам земного магнитного поля не превышает... и половины эрстеда! Так что сам В. Л. Гинзбург, высказывая свою гипотезу, предусмотрительно оговаривается, что рискует излагать ее «только потому, что мы находимся в первоначальной стадии изучения Сверхзвезд, когда должны проверяться разные гипотезы... Сделать выбор между всеми этими моделями мы сейчас еще не можем. Сверхзвезды открыты, но загадка Сверхзвезд еще не решена».

Американский исследователь Ф. Мишель считает, что важную роль в изучении Сверхзвезд должны играть загадочные частицы — нейтрино. Они способны беспрепятственно проникать, скажем, сквозь чугунную плиту, толщина которой в миллиард раз превышает расстояние от... Земли до Солнца!

Сильное сжатие Сверхзвезды под влиянием тяготения, как предполагает Мишель, должно привести к очень сильному нагреву внутри нее. Температура там поднимается до миллиарда градусов, начинается своеобразная аннигиляция материи: из электронов и позитронов возникают нейтрино и антинейтрино. Они свободно улетают в мировое пространство: для них даже толща Сверхзвезды не представляет преграды. Но при этом звезда «худеет», теряя свою массу. Тяготение ослабевает, и в какой-то момент громадное давление пересиливает его. Происходит чудовищной силы взрыв.

Расчеты, проведенные недавно академиком Зельдовичем, как будто опровергают эту гипотезу. И все больше ученых склоняется к тому, что главным источником энергии далеких Сверхзвезд является, видимо, все-таки тяготение.

Может быть, эта энергия выделяется как раз в виде гравитационных волн, которые давно, но до сих пор тщетно пытаются уловить исследователи у нас, на Земле? Такую гипотезу выдвинули советские астрофизики И. С. Шкловский и Н. С. Кардашев.

Расчеты подтверждают возможность этого. Но опять-таки пока только теоретическую. Нужны новые наблюдения, точные факты, опытная проверка предложенных гипотез.

Сткрытие удивительных Сверхзвезд, как мы видим, затрагивает великое множество проблем — от загадок микромира ядерных частиц до космологических теорий, охватывающих вселенную.

Что мы узнаем в ближайшие годы, изучая Сверхзвезды? Никто не возьмется предсказывать это. «Поймаем», наконец, гравитоны? Откроем антигравитацию? Миры с отрицательным тяготением?

А может быть, совсем невероятные, немислимые, какие-то новые формы существования материи?

А кто знает, не заставят ли эти грядущие открытия вскоре

создавать новую, еще более глубокую и «общую» теорию относительности и какой-то пока еще неведомый нам гениальный ученый, первым понявший это, начнет свою статью словами: «Прости меня, Эйнштейн...»?

Итак, мы стоим на пороге новых открытий. Каждую ночь телескопы во всех уголках Земли нацеливаются на загадочные Сверхзвезды.

Их обнаружено уже больше десяти. Самая далекая от нас ЗС-196. Свет от нее летит до Земли восемь-девять миллиардов лет. Она находится на границе той части вселенной, что разведана пока пытливым человеческим разумом. Дальше — Великая Неизвестность.

Самые последние исследования спектров окончательно подтвердили, что это звезды, хотя и снова озадачили астрофизиков. За шестьсот дней непрерывных наблюдений блеск знаменитой ЗС-48 изменился так, словно при этом выделялась колоссальная энергия, большая той, которая скрыта в доброй половине звезд Млечного Пути. Но для Сверхзвезды это пустяк, она просто слегка «подмигнула». И самое поразительное: как можно судить по неизменности цвета ЗС-48 на всех ее «портретах», температура звезды при этом осталась прежней.

Каждую Сверхзвезду фотографируют снова и снова. Роятся в архивах Небесного Патруля, сравнивая снимки разных лет. Медленно поворачиваются ажурные антенны, и чуткие «уши» радиотелескопов вслушиваются в шорохи и трески, долетающие к нам через безмерные космические просторы в миллиарды световых лет...

В тиши кабинетов теоретики создают все новые и новые удивительные гипотезы. А экспериментаторы ломают головы над тем, как проверить эти гипотезы на точных, неопровержимых опытах, — достаточно ли они «безумны»?

Как проводить опыты и исследования, если Сверхзвезды так невероятно далеки от нас? Впрочем, астрономы привыкли к трудным задачам.

«Тот, кто решается толковать об эволюции звезд, должен быть оптимистом и обладать чувством юмора: астрономы и являются неисправимыми оптимистами. Они вглядываются сквозь бурлящий океан земной атмосферы в недостижимые звезды и галактики; они ведут речь о температурах в миллионы градусов, о плотностях, меньших плотностей газа в наших лучших вакуумах; они изучают свет, покинувший свои источники двести миллионов лет назад...»

Это было сказано не так давно. Теперь речь идет уже о расстояниях не в миллионы, а в миллиарды световых лет.

Ну что же? Пожелаем исследователям еще большего оптимизма!

Ведь впереди их наверняка ждут не только открытия, но и новые загадки. Такая уж у них «спокойная» наука.

А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ

ТОНКАЯ НИТЬ

Приключенческая повесть

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

ГЛАВА 15

На следующий день Черняева вызвали на допрос уже не в милицию, а в управление КГБ. Когда конвоир ввел арестованного, даже видавший виды Миронов изумился: куда девалась свойственная Черняеву выправка, уверенные, властные манеры? Он вошел, понурясь, сгорбившись, устало волоча ноги. Глаза его потухли, на небритых щеках и подбородке выступила поблескивавшая сединой щетина.

Продолжение. Начало см. «Искатель» № 1, 2.

— Садитесь, — сказал Миронов, указывая рукой на стул, стоявший в углу комнаты, за маленьким столиком, покрытым зеленым сукном. — Начнем разговор.

Черняев, даже не взглянув на Миронова и Луганова, вяло протрапился к указанному месту и молча опустил на стул.

— Так как, Капитон Илларионович, — настойчиво повторил Миронов, — начнем разговор?

— О чем? — уныло спросил Черняев. — О чем? Ведь все сказано. Добавить мне нечего...

— Так-таки и нечего? Ну, а как насчет тайника со шпионским снаряжением, обнаруженного в вашей квартире?

— Но... — начал Черняев, и голос его прервался. — К чему скрывать? Я вижу, вы и так все знаете... Да, вы вчера правильно усомнились в тех мотивах, которые я приводил, объясняя, почему я убил Ольгу. Была, конечно, и ревность, но не это главное. Ольга... Ольга была шпионкой. Как я об этом узнал? Слушайте.

Я говорил правду, что прошлого Ольги не знал. Не интересовался. Не знал и ее настоящей фамилии, можете мне верить. Кем она была на самом деле, раскрылось не сразу. Первый год нашей супружеской жизни был безоблачным. Счастье было настолько полным, что я как-то не замечал некоторых странностей в поведении Ольги. Поясню, что я имею в виду. Я, как вам известно, военный инженер, строитель. Правда, последние годы вышел в запас, но вот опять начал работать на таком важном строительстве, здесь, в Крайске.

Дело свое я люблю и, смею вас уверить, знаю. Раньше, до встречи с Ольгой, до женитьбы, я готов был работать по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. Да и что мне было делать, кроме работы? Пить я не пью, карты не увлекаюсь. Работа была для меня всем. Так было, пока в мою жизнь не вошла Ольга. Тут все переменилось. Даже в разгар работы я постоянно мыслями возвращался к ней... Не успев переделать за день и половины дел, с которыми так легко справлялся раньше, я бросал все и мчался домой, к Ольге.

Что? Я слишком пространно говорю о своих чувствах, своих переживаниях? Но иначе нельзя, иначе вы не поймете. Вы уж меня не перебивайте, дайте рассказать все, все... Ольга замечала, что на работе у меня начали возникать трудности, что многого я не успеваю сделать своевременно. И пришла мне на помощь. Оказалось, что она умеет печатать на машинке, да и чертежи читает неплохо. По совету, нет, по просьбе Ольги я стал захватывать кое-какие материалы домой, работать над ними по вечерам. Ольга мне помогала. Сам не знаю, как это получилось, но через какое-то время она стала разбираться в делах строительства. Впрочем, оно и понятно. Если я сначала носил домой только общие материалы, ну, кое-что из расчетов, отдельные схемы, то постепенно стал работать дома и над

некоторыми секретными материалами. Мне, как одному из руководителей строительства, не так уж трудно было унести их с работы.

Вы говорите, я совершал служебное преступление, нарушал правила обращения с секретными документами? Да, конечно. Но я в то время об этом не думал. Так тянулось год, может быть, больше, пока не наступил конец. Все раскрылось, раскрылось внезапно...

Черняев умолк, словно собираясь с силами. В комнате наступила тишина, слышно было только, как скрипело по бумаге перо Луганова. Миронов не торопил Черняева. Тот сидел, безвольно опустив руки на колени, нагнув голову.

— Однажды я принес домой один секретный документ, собираясь над ним поработать. С работой я провозился до полуночи. Ольга уже спала. Сославшись на головную боль, она легла раньше обычного. Утром, когда я проснулся, она была уже на ногах.

Собираясь на работу, я взялся за папку, где лежал документ, намереваясь его просмотреть. К моему ужасу, в папке документа не оказалось. Я принялся лихорадочно перелистывать все бумаги, лежавшие в папке. Мне казалось, что я схожу с ума. Ведь я твердо помнил, что перед сном положил документ именно в эту папку. Я был настолько ошеломлен, что не обратил внимания на странное поведение Ольги, равнодушно наблюдавшей за моими поисками. Она оставалась безучастной, но, когда я внезапно обернулся, на ее губах мелькнула какая-то странная усмешка. Впрочем, тут же выражение лица Ольги изменилось, и она с волнением спросила, какая ещестряслась беда. Мне почему-то не захотелось ничего ей говорить. Мелькнула мысль: «А что, если я перепутал? Если не брал этого документа домой и он преспокойно лежит в сейфе в моем кабинете?» Не рассуждая ни минуты, я кинулся на строительство, благо машина ждала у подъезда.

В сейфе документа, конечно, не было. Я окончательно потерял голову и, не сказав никому ни слова, поехал обратно. Совершенно разбитый, подавленный, я вошел в квартиру. Ольги не было. На столе лежала злосчастная папка. Без мыслей, без сил я присел к столу, раскрыл папку и принялся машинально перебирать лежавшие в ней бумаги. Что это? Бред? Нет! Документ лежал на месте, в папке, среди других бумаг.

Кажется, все страшное осталось позади, надо было радоваться, однако радоваться я не мог. Меня охватило какое-то странное оцепенение, но мозг, мозг лихорадочно работал. Вот теперь я вспомнил улыбку, искривившую губы Ольги; вспомнил я не только это, мне было над чем подумать. Раньше я не обращал внимания на расходы Ольги, отдавал ей все, что зарабатывал, и не думал о деньгах. А теперь подумал. Слово пелена спала с моих глаз: откуда у Ольги такие большие деньги? Бесконечные покупки, все новые и новые вещи, одна дороже другой. Как я мог не обратить

на это внимания раньше! Уму непостижимо! Недаром говорят: любовь слепа.

— Скажите, — внезапно спросил Миронов, — а покупка всегда делала ваша бывшая жена, только она, или бывало, что и вы кое-что из вещей покупали?

Черняев смешался.

— Да как вам сказать? Больше-то покупала она. Я не любил бегать по магазинам, но кое-что, случалось, мы покупали вместе. Ну, мебель там, сервант...

— А ковер, который у вас в столовой, вы тоже купили вместе? Сколько он, кстати, стоил? Хороший ковер!

— Ковер? Что-то не помню. Возможно, и вместе.

— Дорогой? Я толк в коврах знаю.

— И цены не помню, — угрюмо ответил Черняев.

Перехватив настороженный, исподлобья взгляд Черняева, Андрей махнул рукой:

— Это в конце концов не суть важно. Рассказывайте дальше.

Скованность, охватившая было Черняева, ослабла. Внешних признаков тому почти не было: разве что Черняев уселся на стуле чуть посвободнее, да взгляд его стал чуть спокойнее. Но Миронову и этого было достаточно.

— Долго сидел я в то утро один в пустой квартире, пытаясь осознать все, что произошло. «Значит, Ольга, — думал я, — моя Ольга, которую я так любил, которой так доверял, совсем не та, за кого себя выдает? Кто же она? Шпионка? Не может быть! Но откуда тогда повышенный интерес к моим служебным делам, откуда деньги, эти проклятые деньги? Как, наконец, объяснить таинственную историю с документом, который сейчас опять лежит передо мной? Ольга — и вдруг шпионка?! Нет, нет. Только не это!»

Трудно сказать, сколько времени просидел бы я вот так. Вывел меня из этого состояния стук открывшейся входной двери. В прихожей раздались шаги Ольги. Не зная, что я дома, что слышу ее, она весело напевала, снимая пальто и прихорашиваясь перед зеркалом. Вот, пожалуй, только теперь все стало ясно, сомнения и колебания исчезли. Ольга поет, она весела, зная, какая беда стряслась со мной, что мне грозит. Какая уж тут любовь! Впрочем, чего ей опасаться за мою судьбу? Ведь она-то знает, что документ на месте, пропажи нет. Нет пропажи, не будет и последствий.

Обо всем этом я успел передумать, пока Ольга была в прихожей. Когда она вошла в комнату, у меня хватило сил с улыбкой подняться ей навстречу. «Оленька, — сказал я, — мне пришлось заехать домой, и, знаешь, заглянул я в папку, а документ, который, я думал, пропал, там лежит. Затерялся между бумагами».

«Ну вот, — улыбнулась Ольга, — а ты утром волновался...»

Ее спокойствие, ее умение владеть собой были поразительны. Но обмануть меня теперь уже ничто не могло.

Вернувшись в тот день на строительство, я не мог работать. Надо разоблачить Ольгу, поймать ее с поличным. Но как? Сославшись на необходимость подготовить срочный доклад, я заперся у себя в кабинете и думал, думал... План, наконец, созрел.

Прошло не меньше недели, пока я решил, что пришла пора действовать. Все это время Ольга себя вела, как никогда, хорошо: она была мила, внимательна, заботлива. Однако теперь за каждым ее словом, каждым жестом мне чудились ложь, игра.

Прошло, как я уже сказал, около недели, и я, направляясь с работы домой, специально захватил с собой чертеж. Ничего секретного этот чертеж не представлял, так как идею, которая была в нем заложена, отвергли. Но Ольга-то знать этого не могла.

Явившись домой, я сказал ей, что вечером мне придется работать, так как к следующему дню я должен подготовить замечания по очень важному проекту. Само собой разумеется, я дал понять, что речь идет о самом что ни на есть секретном задании. Расстелив чертеж на столе, я сделал вид, что с головой ушел в изучение объяснительной записки, приложенной к чертежу. Ольга прилегла на тахте с какой-то книгой. Так прошел час, может быть, полтора. Затем Ольга поднялась, раз-другой прошлась по комнате и встала у меня за спиной. Облокотившись на мое плечо, она принялась рассматривать чертеж.

«Что, — спросила она, — трудно? Устал? Может, я могу тебе помочь?»

«Да нет, — ответил я, — устать-то устал, только чем же ты поможешь? Вот если замечания на машинке перепечатать, так они еще не готовы. Ты ложись, милая, отдыхай. Я еще поработаю».

На вопрос Ольги, когда ей этим заняться, если замечания еще не написаны, я ответил, что часа через два-три кончу, а печатать она сможет утром. Мне все равно с утра надо ехать в горком, пояснил я, где придется минут на сорок, на час задержаться, вот это время и будет в ее распоряжении. Так мы и договорились.

Хочешь — не хочешь, а пришлось полночи просидеть над этими бессмысленными замечаниями. Однако они были необходимы для осуществления моего плана. Утром я повторил Ольге, что еду в горком, попросил ее отпечатать написанные за ночь замечания и обещал вернуться через час-полтора. Папку с чертежом и объяснительной запиской я оставил на столе.

Ни в какой горком я, конечно, не поехал. Едва машина свернула за угол, как я велел шоферу остановиться и ждать меня, а сам вышел и, побродив по улице минут десять-пятнадцать, вернулся к себе в квартиру. Бесшумно отперев дверь, я на цыпочках пересек прихожую и внезапно рывком распахнул дверь своей комнаты. Ольга стояла спиной ко мне, наклонившись над столом, на котором кноп-

нами был укреплен оставленный мною чертеж. Обернувшись на стук распахнутой двери, она увидела меня, и лицо ее исказилось ужасом и ненавистью. В тот же момент она отпрянула от стола, пряча что-то за спиной. Но я действовал еще быстрее: кинувшись к Ольге, я выхватил у нее аппарат, вот этот самый фотоаппарат, что лежит сейчас перед вами.

Как я ни был подготовлен к чему-либо подобному, происшедшее меня ошеломило. Одно дело подозревать, предполагать, даже быть уверенным, что близкий, любимый тобой человек оказался предателем, преступником, и совсем другое — схватить его собственными руками на месте преступления.

Крепко сжимая аппарат, я был не в состоянии произнести хотя бы слово. Ольга первая пришла в себя. «Ну, — сказала она с вызовом, — чего же ты стоишь как истукан? Беги, спеши куда следует! В КГБ. Доложи: так, мол, и так, поймал, разоблачил. Беги, говорят тебе...»

Я ждал слез, оправданий — чего угодно, только не этого. «Ольга, Оленька, что ты говоришь, что все это значит?» Ольга зло усмехнулась и спокойно села к столу. Надо отдать ей должное: она умела владеть собой.

«Знаешь, дорогой мой, я не такая уж дура, — процедила она, — чтобы поверить, будто ты ничего не понимаешь. Уж слишком ловко все разыграно. Право, не ждала от тебя такой прыти. А теперь иди сообщай... Только, голубчик, помни, что сядем мы с тобой вместе — шпионы-то мы оба.»

«Какой я шпион?»

«А кто же? — Она прищурилась. — Самый первостатейный шпион!»

Она меня не щадила. Я и понятия не имел, кем была Ольга на самом деле. Нет, это была не простая шпионка, а матерый, опытный хищник, изощренный в тонкостях своего гнусного ремесла.

Ольга напомнила мне, что вот уже год с лишним я снабжаю одну иностранную разведку секретнейшими документами. Точно, без ошибки, она перечислила те чертежи и документы, которые благодаря моей слепоте прошли через ее руки. И все эти чертежи, все документы стали достоянием иностранной разведки. Вспомнила Ольга, конечно, и тот документ, пропажа которого неделю назад открыла мне глаза. И он тоже был сфотографирован Ольгой, а фотокопия вручена ее «шефу».

«Моя роль маленькая, — говорила она. — Я просто связник, через которого передавалась секретная информация. Сведения добывал ты, ты и вручал их иностранной разведке. Через кого — это вопрос второстепенный. Попробуй доказать, что это не так. Думаешь, в КГБ поверят твоему наивному лепету? Как бы не так! Ты основной шпион, с тебя и первый спрос!»

Кто, в самом деле, поверил бы мне, что я и понятия не имел, чем занимается моя жена? Да один факт самоволь-

ного выноса, хоть и на время, секретных материалов с территории строительства выдавал меня с головой.

«А деньги, деньги, на которые приобретено все это? — Ольга указала на обстановку столовой. — А наряды, драгоценности? На какие средства это приобреталось? На твое жалованье? Так называемую зарплату? Смешно!»

«Никаких денег мне никто не давал, — попытался я возразить, — ты это превосходно знаешь». — «Не говори глупостей, не все ли равно, вручались эти деньги тебе из рук в руки или передавались через меня! Какая разница? И запомни: там, — она подняла вверх указательный палец, — там все учтено. До копейки. Так что в случае нужды эти данные окажутся, где им следует быть. В КГБ. Вот так-то, мой милый. А теперь подумай, надо ли тебе торопиться совать собственную шею в петлю».

Я был разбит, уничтожен. Прошло несколько минут. Молчанье прервала Ольга. «Ну, что ж ты не идешь заявлять, каяться в грехах?»

«Оленька, — сказал я, чувствуя, как мерзко дрожит мой голос, — о чем ты? Куда идти? Зачем? Я... я не знаю, что делать. Это ужасно...»

Да, мне стыдно признаться, но это была капитуляция, полная капитуляция. Ольга подошла ко мне, ласково обняла и как ни в чем не бывало заговорила: «А что, собственно, случилось? Что ты впадаешь в панику? Выяснили отношения — это к лучшему. Теперь ты будешь работать осмысленнее и приносить домой то, что действительно заслуживает внимания. Дальнейшее — моя забота».

Вот тут я и понял, что убью Ольгу, что иного выхода у меня нет.

— Когда все это произошло? — задал вопрос Миронов.

— В январе, — твердо сказал Черняев. — В конце января этого года.

— Вы начали выполнять задания вашей жены?

Черняев отрицательно покачал головой.

— Нет, никаких заданий я не выполнял. То есть я приносил по ее требованию кое-какие материалы, но подбирал такие, в которых не содержалось никаких тайн. Больше Ольга от меня ничего существенного не узнала.

— И она не поняла этого, мирилась с таким положением?

— Да как вам сказать? Думаю, что поняла. Но не в этом дело. Жизнь у нас стала невыносимой. Ольга откровенно третировала меня, помыкала мной. Она стала пропадать целыми днями, бывало, что не являлась домой и ночью. Вскоре мне стало ясно, что у Ольги есть кто-то другой; теперь она этого и не скрывала. Да и вообще с каждым днем мне становилось очевидней, что меня-то Ольга никогда не любила. Ей был нужен мой пост, мое положение, мой доступ к секретным данным, чтобы использовать все в собственных целях. Чем больше я в этом убеждался, тем сильнее крепло решение убить, уничтожить это чудовище.

Вчера о последних месяцах нашей совместной жизни я рассказал вам правду: это был ад, настоящий ад...

Ну, вот теперь я сказал все. Можете меня судить...

Миронов посмотрел на него с усмешкой.

— Что вы все торопитесь, Черняев? До суда еще далеко. Скажите, после исчезновения вашей бывшей жены с вами никто не пытался установить связь? Я имею в виду сообщников Ольги Николаевны.

— Нет, никто. Ни разу.

— Допустим. Ну, а сами вы кого-нибудь из ее окружения, друзей, близких знали? Еще при ее жизни?

— Никого не знал. Не пришлось.

Миронов взял пачку заранее приготовленных фотографий. Среди них были снимки Левкович, самой Корнильевой и Войцеховской. Подошел к столу, за которым сидел Черняев, и разложил на нем фотографии.

— Есть тут кто-нибудь, кого бы вы лично знали или, возможно, встречали в обществе вашей жены?

Пока Черняев перебирал фотографии, Миронов встал несколько в стороне, но сам пристально наблюдал за ним.

— Вот это, — сказал Черняев, откладывая на край стола снимок Корнильевой, — моя бывшая жена, Ольга. Это Левкович. Наша домашняя работница. А остальные... — Он еще раз посмотрел фотографии. — Нет, остальных я не знаю.

Миронов, однако, заметил, что в тот момент, когда в руках Черняева оказалась фотография Войцеховской, тот бросил в его сторону настороженный взгляд.

— Хорошо, — сказал Миронов, забирая фотографии. — Не знаете, так не знаете. Вам виднее. Еще вопрос: о тайнике вы ничего не знали?

— Нет, не знал. Фотоаппарат Ольге я вернул, но где она его хранила, понятия не имел. Пытался искать, не нашел. Остальные предметы вижу в первый раз. Извините, — приложил ладони к вискам Черняев, — но я очень устал, очень... Голова раскалывается. Я бы хотел отдохнуть.

— Ну что ж, — согласился Миронов, — тогда допрос прервем.

Хотя Черняев и ссыался на усталость, на головную боль, протокол допроса он читал внимательно, вычеркивал отдельные фразы, кое-что изменял, вносил дополнения. Наконец его увели. Луганов блаженно потянулся и потряс в воздухе кистью правой руки.

— Уф! Рука устала. Но сегодня писал не зря. Что ты теперь скажешь, Андрей Иванович, насчет Корнильевой?

— А то и скажу, что раньше говорил. Послушать Черняева, так оно и получается: я не я, и лошадь не моя. Корнильева, конечно, как ты выражаешься, штука. Но и с ней еще много неясного. Мы так до сих пор и не знаем, как она превратилась в Величко, по чьему заданию рабо-

тала, с кем была связана, что означает ее записка. Что же касается Черняева, так туман вокруг него, по-моему, не только не рассеялся, а стал еще гуще. Показания он сегодня дал серьезные, но насколько они искренни?

Странно, когда зашла речь о ковре, он явно насторожился и не ответил на простой, казалось бы, вопрос. Почему? Ведь по сравнению с тем, в чем он уже признался, это мелочь. Почему? Да очень просто: скажи он правду, ему пришлось бы признать, что вещи приобрела не только одна Корнильева, не только они совместно, но и он сам, без Корнильевой. А откуда средства? Да... И Войцеховскую он знает, голову даю на отсечение.

ГЛАВА 16

Связались с Москвой. Миронов коротко изложил генералу суть дела. Семен Фаддеевич слушал внимательно, потом стал задавать вопросы, вникая в весь ход расследования.

— Между прочим, — сказал генерал, — в одном из сообщений вы указывали, что у Корнильевой есть брат. Не пытались его разыскать? Нет? Это промах. Брат — самый близкий из оставшихся в живых родственников. Он может знать о Корнильевой больше, чем мы предполагаем. Значит, надо его найти и обстоятельно расспросить. Прошу заняться этим безотлагательно.

— Ну, и Войцеховская... — закончил генерал. — С ней тянуть нельзя. Она может оказаться не последней спицей в этой колеснице. Если ничего лучше не придумаете, попробуйте сами с ней познакомиться, лично, под каким-либо благовидным предлогом. Одним словом, действуйте по-энергичнее...

Закончив разговор, Андрей передал указания генерала Скворецкому и Луганову. Кирилл Петрович задумался.

— Да, Корнильева... Где, кстати, находится ее брат? Помнится, в Алма-Ате?

— В Алма-Ате, товарищ полковник, — ответил Луганов. — Когда я был в Воронеже, выяснил. Алма-Ату мы запрашивали, получили подтверждение: он там.

— Значит, придется тебе, — сказал Кирилл Петрович, — отправиться в Алма-Ату. Лучше самому с ним побеседовать.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Перейдем к Войцеховской. Как, Андрей Иванович, ты с ее биографией знаком?

Миронов удивился:

— Само собой.

— И все-таки перечитай еще разок, да повнимательнее.

Войцеховская описывала свою жизнь довольно пространно, и биография у нее была весьма любопытная. Родилась в 1926 году в Польше, в небольшом городе Яворов, недалеко от Львова, где отец ее, полуполяк-полуукраинец, работал учителем. Мать — украинка. Тоже учительница. Жила семья плохо, трудно, еле сводя концы с концами. Отца за прогрессивные взгляды и за то, что он был не «чистый» поляк, не раз выгоняли с работы. Семье то и дело приходилось переезжать с места на место. Жили они в Самборе, и в Рава-Русской, все там же вблизи Львова, затем в Пабянице, под Лодзью — одним словом, постоянно кочевали. Война застала Войцеховскую и ее родителей в Збоншине, на западе от Познани. Фашисты, писала Войцеховская, вторглись на территорию Познаньского воеводства в первые же дни после своего разбойничьего нападения на Польшу. Начались годы фашистской оккупации. В 1942 году семье удалось перебраться в Плоньск, поближе к Варшаве. Отец участвовал в движении Сопротивления. Войцеховская активно ему помогала.

В 1943 году отец погиб. Вскоре умерла и мать. Анна Казимировна перебралась в Варшаву, к друзьям отца по антифашистскому подполью. Это было в конце 1943 года. Там она активно включилась в борьбу против гитлеровцев. Была ранена, затем осенью 1944 года оказалась уже в советском госпитале.

Автобиография была написана подробно: указывались даты, конкретные факты, имена людей.

В госпитале, еще не успев как следует выздороветь, Войцеховская стала помогать сестрам ухаживать за ранеными. Среди раненых находился командир одного из танковых соединений Советской Армии, полковник Васюков. Он обратил внимание на Войцеховскую и все чаще и настойчивее стал требовать, чтобы именно она ухаживала за ним. В свою очередь, и Войцеховской, еще молодой и неопытной женщине, приглянулся боевой полковник, хотя и был он лет на двадцать с лишним старше ее. Кончилось тем, что, когда Васюков выписался из госпиталя, Анна Казимировна уехала вместе с ним в его часть. Она стала фактической женой полковника, хотя брак не был оформлен. Кончилась война. Летом 1946 года полковник Васюков, оставшийся до этого в Германии, получил назначение в Москву, и Войцеховская поехала с ним. Поселились они вместе, как муж и жена. В 1947 году Войцеховская поступила в институт иностранных языков. Все, казалось, шло хорошо, но выяснилось, что на Дальнем Востоке, где служил перед войной Васюков, у него была семья: жена и трое детей. Окончательно порвать с семьей он так и не порвал, всячески скрывая от жены свою связь с Войцеховской. В свою очередь, и Войцеховской он не говорил всей правды. Васюкова наказали, понизили в должности и откомандировали из Москвы. Еще до отъезда полковника, как только Анна Казимировна поняла, что Васюков ее обманывает, она ушла от него, переселилась в студенческое общежитие. Успешно закончив институт, она уехала работать

в Харькове преподавателем. Проработав там лет пять-шесть, переехала сюда, в Крайск.

— Пока вы занимались Черняевым, — сказал Кирилл Петрович, — я решил навести справки о Войцеховской.

Кирилл Петрович рассказал, что он связался с Московским управлением КГБ; с тем городом, где служит теперь Васюков; запросил архивы, обратился за помощью к товарищам из Польской Народной Республики. Не все ответы получены, но многое уже стало ясным.

Удалось разыскать кое-кого из тех людей, которых Войцеховская называла в качестве своих товарищей по участию в боевой деятельности варшавского подполья. Двое из них находились в Москве. Они подтвердили от слова до слова то, что писала Анна Казимировна о своей боевой деятельности.

Подтвердилось также, что после ранения Войцеховская была направлена в госпиталь и встретила там с полковником Васюковым. Правильно она описывала историю своих дальнейших отношений с Васюковым и все последующее.

Просматривая сообщение Московского управления КГБ, слушая Скворецкого, Андрей вдруг насторожился. Внимание его привлекла одна фраза.

— Минутку, Кирилл Петрович, минутку. Обратите внимание вот на это: «При поступлении в институт Войцеховская сообщила, что более или менее владеет английским языком, который изучала в семье и в школе на родине. Однако кое-кто из преподавателей высказывал мнение, что язык она знает почти в совершенстве, а ее произношение напоминает лондонское».

— Ну, — напустился Скворецкий, — над этим я и сам задумался. Тут не все гладко. Трудно предположить, что в семье провинциального польского учителя превосходно знали английский язык. Вот и познакомишься с ней и разберешься. Ты ведь, помнится, говорил, что последние годы занимался английским?

— Занимался, — уныло ответил Миронов. — Читаю довольно свободно, а вот говорю неважно. Не разберусь... И как к этой самой Войцеховской подступиться?

— Я лично не вижу другого пути, как пойти на прямое знакомство. Думаю, что наилучший вариант действовать тебе в роли, например, инспектора народного образования.

Итак, план действий был намечен: Луганов должен был выехать в Алма-Ату, а Миронов на следующий день отправиться в школу знакомиться с Войцеховской.

Дело шло к вечеру, а надо было еще допросить Черняева. Времени оставалось в обрез, и Кирилл Петрович вместе с Андреем решили приступить к допросу тотчас, не откладывая. Когда Черняева, доставленного по распоряжению Скворецкого, ввели в кабинет, он так же, как и в прошлый раз, волоча ноги, медленно потащился к указанному ему стулу и молча сел, уронив руки на колени.

Скворецкий приступил к допросу, но арестованный... молчал. Молчал тупо, упорно. Что ни говорил полковник, какие ни ставил вопросы Миронов, как ни пытались они расшевелить Черняева — все было напрасно! Прошло пятнадцать минут, двадцать, полчаса — Черняев был нем и, казалось, глух. Ничуть не меняя позы, все так же безучастно уставившись в пол, он совершенно не обращал внимания на следователей.

«Игра? — думал Миронов. — Очередной трюк? Или следствие тяжелого нервного шока?»

Скворецкий махнул рукой:

— Не желаете разговаривать, Черняев? Дело ваше. Только на что вы рассчитываете? Рано или поздно, а говорить придется. До конца. Терять же время на ваши капризы мы не будем, но и учесть ваше поведение — учтем. И суд учтет. Идите в камеру, подумайте...

Черняева увели. Он выходил из кабинета, все так же волооча ноги, потупясь, не глядя на окружающих, все такой же безучастный, ко всему равнодушный.

— Ладно, — сказал полковник, — денек-два подождем, а там опять вызовем, поглядим, как оно получится. Начальнику тюрьмы ты, однако, дай указание присматривать за ним получше. И врача пусть к нему пошлет. На всякий случай...

ГЛАВА 17

Никому из сотрудников отдела народного образования Крайского горисполкома, кроме заведующего, не была известна подлинная профессия Миронова. Впрочем, и заведующий мало что знал. Миронов выступал в роли инспектора, знакомящегося с постановкой преподавания английского языка. Сначала Андрей зашел в одну школу, познакомился с ее директором, с преподавателями английского языка, посидел на уроке. Потом отправился в другую и лишь в первом часу дня добрался до той школы, где работала Войцеховская.

Директора школы Миронов на месте не застал. В учительской было почти пусто, шли уроки; только за одним из столов сидела седая женщина и просматривала лежавшую перед ней стопку ученических тетрадей. Это была заведующая учебной частью школы. Миронов представился: так, мол, и так, инспектор. Интересуюсь постановкой преподавания английского языка.

— Если вы не возражаете, — сказала завуч, — сделаем так: через пять минут перемена, преподаватели соберутся здесь, в учительской. Я познакомлю вас с Войцеховской, нашей преподавательницей английского языка, вы отправитесь к ней на урок.

Миронов согласился.

Прозвенел звонок, учительская стала заполняться. «Она», — мгновенно решил Миронов, когда на пороге появилась интересная, со вкусом одетая женщина.

— Анна Казимировна, — окликнула ее заведующая учебной частью, — попрошу на минуточку. Знакомьтесь, пожалуйста. Товарищ из министерства. Проверяет постановку преподавания английского языка в наших школах, в Крайске.

— Войцеховская, — сказала женщина, протягивая Миронову руку и пристально глядя ему в глаза. Рука у нее была горячая, сухая, рукопожатие энергичное.

— Миронов, — представился Андрей. — Андрей Иванович.

Учителя расходились по классам. Направилась к выходу и Войцеховская.

— Начинается последний урок, — сказала она. — У меня занятия в седьмом «Б». Вы, наверное, хотели бы присутствовать? А потолкуем после урока.

В течение всего урока Войцеховская не обращала на Миронова никакого внимания. Урок она вела уверенно, спокойно. В классе стояла тишина, но какая-то напряженная, гнетущая. Миронов заметил, как вздрагивали некоторые ребята, когда их вызывали к доске, как неуверенно, боязливо поглядывали на учительницу, отвечая на ее вопросы. Войцеховская, по-видимому, не любила детей, и они платили ей тем же.

После урока в учительской поговорить поначалу не удалось: слишком там былолюдно и шумно. Через полчаса учительская опустела.

— Итак, товарищ инспектор, — сказала Войцеховская, чуть заметно улыбаясь, — жду ваших замечаний, выводов, вопросов?

— Что я могу сказать, — неуверенно заговорил Миронов. — Как вы ведете урок, мне понравилось. Есть, конечно, и вопросы. Но я бы предпочел сейчас их не задавать, отложить разговор дня на два, на три. За это время я успею еще раз побывать на ваших уроках, вот тогда и побеседуем. Согласны?

— А какую роль играет мое согласие? Впрочем, мне все равно: сегодня, завтра, через неделю...

Войцеховская встала и протянула ему руку.

— Значит, до завтра? — переспросил Миронов, задерживая руку Войцеховской в своей. — Да, конечно, конечно. Уроки-то кончились. И мне пора...

— Товарищ инспектор, может быть, вы все же вернете мне мою руку?..

Миронов поспешно выпустил руку Анны Казимировны и даже отступил на шаг.

В раздевалку они спустились вместе. Помогая Войцеховской надеть пальто, Андрей робко спросил:

— Вам в какую сторону, Анна Казимировна? Может, мне по пути?

— Ой-ой-ой, товарищ инспектор! — рассмеялась она. — Кажется, вы решили покуситься на мое «внеслужебное время»? Ну ладно, ладно, не сердитесь. Я же смеюсь. Может, нам действительно по пути.

Когда они вышли на улицу, Войцеховская сама взяла Андрея под руку.

— Ну, товарищ инспектор, расскажите-ка что-нибудь.

— Рассказать? — делая вид, что смущен, спросил Мионов. — Но о чем?

— Ах, да о чем угодно, только чтобы было интересно! Нет ничего хуже скучного собеседника...

Беседа становилась все более оживленной, непринужденной. Мионов не мог не отдать должного Войцеховской: уж ее-то никак нельзя было отнести к числу «скучных собеседников». Круг ее интересов и познаний был обширен.

Беседуя о литературе, о последних научных открытиях, о кино, театре, они миновали улицу, на которой жила Анна Казимировна, побродили по городскому парку и возвратились к ее дому. Когда они подошли к подъезду, Анна Казимировна протянула Миронову руку и решительно сказала:

— К себе я вас не приглашаю. Вы уж извините. Мне еще поработать надо, да и беспорядок у меня порядочный. Как-нибудь в следующий раз, если случай представится...

Андрей не успел ничего ответить, как она застучала каблучками вверх по лестнице.

Выслушав обстоятельный рассказ Миронова, Кирилл Петрович сказал:

— Ну что ж, для первого раза неплохо. Но долго тянуть этот «роман» нельзя: неделю, полторы — не больше. И этот срок для «инспектора» куда как достаточен. Ведь инспектор, он что? Приехал, посмотрел, уехал.

— Да что вы, Кирилл Петрович? Шутки шутками, а от игры в «инспекторы», от кокетничанья с Войцеховской я устал, как собака. Легче десять раз допросить Черняева, чем флиртовать один вечер с Войцеховской. Вы что? Чего смеетесь?..

ГЛАВА 18

Каждый новый день — вернее, вечер, проведенный в обществе Анны Казимировны, давался Андрею все с большим трудом. Положение создалось щекотливое. Войцеховскую, относившуюся с возрастающей благосклонностью к «инспектору», начала, как видно, удивлять и даже раздражать его чрезмерная «робость». В самом деле: что ни

вечер, они оставались вдвоем. Беседовали, беседовали, беседовали: о литературе, о школьных делах, об искусстве. Снова и снова беседовали — и... ничего больше. Все многочисленные авансы Войцеховской (а она понимала в этом толк) оставались без ответа.

Анна Казимировна была оскорблена, обижена. Да, во время прогулок «инспектор» был совсем иным. С ним было интересно. Почему же он так робел, так терялся у нее дома, когда они оставались одни?

А Миронов проклинал в глубине души и Войцеховскую, и надоевшие ему до чертиков прогулки, и особенно вечера, которые проводил в ее квартире. Но как он мог выйти из игры, когда, потратив столько времени и нервов, почти ничего не узнал о Войцеховской? Вернее, кое-что узнал, даже немало, но все это было не то. Андрей получил более или менее полное представление о характере Войцеховской, ее вкусах, привычках, интересах. Он понял, что она горда, по-видимому, развращена и, судя по всему, озлоблена. Но ведь озлобление могло являться следствием того оскорбления, той обиды, которую нанес ей так называемый муж — полковник Васюков.

Да и не только в этом дело: ну, допустим, Анна Казимировна озлоблена даже и не из-за Васюкова, так что из этого? От озлобленности, презрения к своим товарищам по работе, злой иронии по поводу различных неполадок в нашем быту до связи со шпионами очень далеко.

Были нужны факты, конкретные, весомые факты. Однако и тени какого-нибудь фактика, который приблизил бы его хоть на шаг к разгадке странной и таинственной истории с объявлением, с водосточной трубой, с саквояжем в аэропорту, Миронов не добыл. А Черняев? Знала ли его Войцеховская? Была ли между ними какая-нибудь связь? И тут ровно ничего выяснить не удалось. Завтра-послезавтра «командировка инспектора» кончится. Миронов уедет, и Войцеховская опять останется одна, вне поля зрения.

Сидя как-то вдвоем со Скворецким и анализируя шаг за шагом события последних дней, Андрей вдруг поймал себя на такой мысли: а ведь в поведении Анны Казимировны есть одна странность. Охотно проводя с «инспектором» чуть ли не целые дни, приглашая его к себе на квартиру, Войцеховская неизменно отклоняла все предложения Андрея провести вечер в ресторане. Почему?

Миронов тут же высказал свои сомнения полковнику. Скворецкий задумался. Что тут может быть? В чем причина?

— А знаешь? — решил Кирилл Петрович. — Попытайся все-таки уговорить Войцеховскую пойти в ресторан. Будь понастойчивее. Так, мол, и так, скоро уезжаю, ну и всякое там такое. Одним словом, не отступай, пока своего не добьешься.

— Попытаюсь, — неохотно сказал Миронов.

Закончив разговор о Войцеховской, Миронов поинтересовался, нет ли каких новостей от Луганова из Алма-Аты. Луганов сообщил, что Корнильев работает в Казахской академии наук, однако, как прошла встреча с Корнильевым, смог ли тот сообщить о сестре что-либо новое, заслуживающее внимания, Миронов еще не знал.

— Какие новости? — спросил Скворецкий. — Новости есть, только ничего хорошего. Звонил мне Василий Николаевич. Зря, выходит, ездил он в Алма-Ату. Найти-то нашел, да что толку. Корнильева на месте не оказалось. Уехал.

— Как уехал? И этот скрылся?

— Скрылся! — рассмеялся Кирилл Петрович. — Вот именно скрылся. Он же геолог, ты понимаешь? Геолог. Ну вот и скрылся... во главе геологической экспедиции. С самого мая. Бродит где-то в горах, у черта на куличках. Местные товарищи ошиблись, информируя нас, что он вернулся. Связь же с экспедицией только по радио, и то не регулярная. А по радио наши вопросы не выяснишь. Но через неделю-другую экспедиция сворачивает работу и возвращается в Алма-Ату. Зима на носу, деться им некуда. Луганов договорится с местными товарищами, чтобы они нас немедленно известили, как только появится Корнильев, а сам вернется сюда. Придется подождать.

В эти дни Скворецкий и Миронов вызывали Черняева только один раз и опять без толку: он снова молчал.

Встревожившись не на шутку, Скворецкий сам беседовал с начальником тюрьмы, с врачом, который по его распоряжению осмотрел Черняева. Черняев вел себя в камере нормально, спокойно.

Сегодня Скворецкий и Миронов решили возобновить до-

прос. Как только Черняев явился и уселся на место, полковник потребовал, чтобы он прекратил игру в молчанку. Скворецкий впервые за это время заговорил так властно, так требовательно. И тут произошло непредвиденное. Черняев ответил. Но как? Он вдруг начал сползать со стула и грузно опустился на пол. Посидев с мгновение, Черняев встал на четвереньки и неожиданно произнес: «Prrrrrr! Prrrr! Гав, гав!» Тон его при этом был миролюбивым, даже заискивающим.

— Дайте ему воды, — сухо распорядился Скворецкий, испытующе глядя на барахтавшегося на полу Черняева.

О продолжении допроса не могло быть и речи. Арестованного тут же отправили в тюрьму, и Скворецкий приказал срочно доставить к нему врача, специалиста-психиатра.

В ожидании заключения психиатра Скворецкий и Миронов сидели молча, изредка перебрасываясь отдельными фразами. Да и о чем было говорить, что они сейчас могли предпринять?

Наконец появился психиатр, приехавший сразу после осмотра Черняева. По его мнению, налицо были явные признаки помешательства.

— А не слишком ли они явные, эти признаки? — придиричиво спросил Скворецкий.

Психиатр пожал плечами.

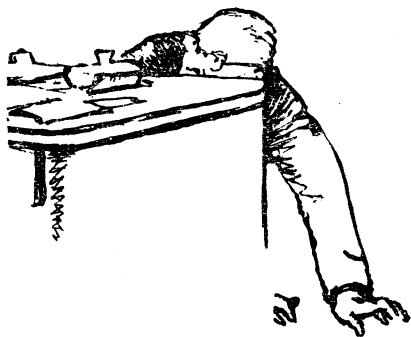
— Я говорю то, что обнаружил. Для точного и безошибочного диагноза требуются время и соответствующие условия, больница. Только там ставят в подобных случаях окончательный диагноз.

— Как тебе все это нравится? — мрачно спросил Скворецкий, когда психиатр простился и ушел.

Миронов удрученно молчал. На тебе: садись и пиши постановление о помещении Черняева в больницу и проведении судебно-психиатрической экспертизы! А это значит — следствие по делу

Черняева приостановить. Ничего не скажешь, удар был тяжелым!

Получив разрешение полковника, Миронов ушел к себе и засел за злосчастное постановление о производстве судеб-

но-психиатрической экспертизы. Составив документ, вернулся к Скворецкому.

Полковник, склонившись над столом, внимательно просматривал какие-то бумаги.

— Готово постановление?

— Так точно, вот оно.

— Отлично, — сказал полковник. — Положи сюда. Приживайся. Есть, кажется, что-то интересное.

— Что именно? — поинтересовался Миронов.

— Минуточку. Сейчас кончу. — Полковник дочитал документ, лежавший перед ним, и выпрямился. — Ответ. Из Львова. На наш запрос о Войцеховской. — Кирилл Петрович протянул Андрею бумагу, которую только что читал с таким вниманием.

Ответ Львовского управления КГБ был весьма обстоятелен. Львовские чекисты провели большую работу: они побывали во всех пунктах Львовской области, которые упоминались в автобиографии Войцеховской. Работа была не из легких: ведь с того времени, как жила в этих местах семья Войцеховских, прошло больше двадцати лет, и каких лет! Мало кто из учителей, работавших в школах в Самборе, Яворове, Раве-Русской, уцелел, а кто и уцелел, тот многого не знал, да и не помнил. Вот и походи разберись, где и когда жил учитель Войцеховский, полуукраинец-полуполяк, какая была у него семья?

Вот сообщение по Яворову: списков учителей тех лет нет. Опрошены многие учителя, бывшие и настоящие, школьные сторожа, кое-кто из врачей. Никто из них не мог толком сказать, жил ли, работал ли когда в Яворове учитель по фамилии Войцеховский, полуполяк-полуукраинец, с женой-украинкой и маленькой дочкой.

Та же картина и в Раве-Русской. Остается Самбор. Что по Самбору? Ага! Вот что, как видно, имел в виду Кирилл Петрович. В Самборе сотрудникам Львовского управления КГБ удалось разыскать некоего пенсионера, славившегося на весь городок своей феноменальной памятью. Этот пенсионер как раз в те годы, когда Войцеховская, как она указывала в автобиографии, жила с родителями в Самборе, работал инспектором тамошних школ. Он клялся и божился, что всех самборских учителей знал наперечет и никогда никакого Войцеховского среди них не было.

Мало того, дотошный пенсионер представил доказательств: он, оказывается, за то время, что был инспектором, завел лично для себя своеобразный учет всех школьных работников Самбора. Была у него такая конторская книжца, в которую он вписывал краткие характеристики на каждого из самборских учителей. Продолжал он вести такую запись и после того, как перестал быть инспектором. «Для памяти, — говорил он, — к истории постановления школьного дела в Самборе».

Вот эту-то книжицу пенсионер и вручил сотрудникам КГБ.

Записи бывшего инспектора сомнений не вызывали — учитель по фамилии Войцеховский, полуукраинец-полуполяк, в Самборе в указанные Войцеховской годы не жил и не работал.

— Вот так, — сказал Скворецкий. — Плетет что-то Анна Казимировна.

Мионов молчал. Он еще раз просмотрел сообщение Львовского управления КГБ, то место, где речь шла о Самборе.

— Что, — спросил Скворецкий, — заело? Какие будут предложения? Вижу, ты уже что-то надумал.

Мионов поерошил волосы и осторожно начал:

— Тут, понимаете, любопытная история получается. С одной стороны, родители Войцеховской, а следовательно, и она сама, Анна Казимировна, в Самборе, по-видимому, не жили... Пока будем говорить предположительно. Впрочем, в данном случае это и не суть важно. Достаточно того, что сообщение Львовского управления КГБ дает основание полагать: Войцеховская писала неправду. А как с Яворовым, Равой-Русской? Из того же львовского сообщения можно сделать вывод — предположительный, подчеркиваю, — что и там дело обстоит не лучше. Иначе говоря, на территории Львовской области учителя по фамилии Войцеховский не существовало. А раз не было такого учителя — значит, не было и семьи Войцеховских, значит, какая-то часть автобиографии Анны Казимировны не соответствует действительности. Теперь вопрос: был ли учитель Войцеховский под Лодзью, в Збоншине, Плоньске? Существовал ли вообще такой учитель? Из Польши пока ответа нет, его надо дожидаться, но удается ли польским товарищам обнаружить следы семьи учителя Войцеховского? Боюсь, нет. Больше того, можно предположить, что такого человека, каким рисует своего отца Войцеховская, и вовсе не было, не существовало в природе.

— Логично. Но ведь значительная, пожалуй, главная часть биографии Войцеховской проверена и подтверждена. Что ты на это скажешь?

— Вопрос законный, — откликнулся Мионов. — Да, значительная часть того, что пишет Войцеховская в своей автобиографии, подтвердилась. Значительная, но главная ли? Что в ее биографии главное, что нет, я бы сейчас судить не стал. Любопытно другое, что именно подтвердилось, что оказалось правдой? Все... начиная с работы в варшавском подполье. А до этого? Ровно ничего. Причем, обратите внимание, если свое участие в деятельности подполья, как и все последующее, Войцеховская описывает так, что лучше не надо, — даты, факты, люди, — то все предыдущее — общие слова. Ни одного конкретного факта.

— Рассуждаешь ты дельно, но где выводы?

— Выводы? Извольте. Итак, происхождение Войцеховской, ее прошлое вряд ли соответствует тому, что она пишет в автобиографии. Ни происхождение, ни прошлое Войцеховской нам неизвестны. Известно, в частности, что она делала, где была почти всю войну, до сентября 1944 года.

Это одна сторона вопроса. Но в этом свете новое значение приобретает другой вопрос...

— Лондонское произношение? — быстро спросил Скворецкий.

— Да, лондонское произношение, — твердо сказал Миронов. — И это не такая уж маленькая зацепка, если к этому кое-что добавить.

— Например? — живо заинтересовался полковник.

— Литературу. Отношение Войцеховской к польской литературе, польским писателям.

— Не понимаю. Какое отношение?

— Тут все не так просто. Какого-то конкретного, определенного разговора у нас не было. Слишком она осторожна. Но, беседа с ней день за днем по разным вопросам, в частности о литературе, я сделал некоторые наблюдения. Суть их такова: Войцеховская превосходно знает и любит старых польских авторов, писателей же современной, социалистической Польши она ни во что не ставит, не знает и не хочет знать. Случайность? Вряд ли. Боюсь, что отношение Войцеховской к польской литературе, к польским писателям имеет самое непосредственное отношение к ее лондонскому произношению. Как-то раньше я об этом не задумывался. А речь идет о том, в какой стране, в каких условиях росла Войцеховская, как складывались ее мировоззрение, взгляды, убеждения...

— Ну, ну, — поторопил Скворецкий, — нельзя ли короче.

— А короче так: проверку прошлого Войцеховской надо начинать наново, проводить под иным углом зрения, чем мы проводили до сих пор.

— Конкретно? Что ты предлагаешь конкретно? — спросил полковник.

— Надо попросить польских товарищей навести справку, не в Лондоне ли обреталось семейство Войцеховских. У Анны Казимировны и лондонское произношение и такой своеобразный подход к польской литературе...

— Все это, конечно, очень хорошо, — сказал Скворецкий, — пошлем запрос. Может, наша Войцеховская из «лондонцев». Но ведь может статься, и это вернее всего, что подлинная фамилия Войцеховской вовсе не Войцеховская. И если ее семья была в Лондоне, если она сама входила в окружение Бур-Комаровского, так совсем под другой фамилией. Что же тогда даст проверка, кого искать?

Полковник заходил по кабинету.

— А-а, — вдруг сказал он, останавливаясь и решительно махнув рукой, — пиши! Пиши! Пиши! Пиши! Пиши! Дело такое, что того стоит. Только фотографию Войцеховской обязательно приложи. Хоть и много лет прошло... Пиши.

Миронов встал.

— Обожди, — остановил его Скворецкий. — Запросы запросами, а как насчет ресторана? «Роман» твой с Анной

Казимировной пока не кончен. Если что из ее прошлого и прояснится, то вопрос о связи ее с Черняевым по-прежнему остается открытым. Учитываешь?

— Учитываю, — вздохнул Андрей и вышел из кабинета.

ГЛАВА 19

Только в середине дня, покончив все дела в школах, Миронов пошел в управление. Первым, кого он встретил, был Луганов.

— Василий Николаевич, — обрадовался Андрей, — вернулся? Давай ко мне. Расскажешь, как съездил, а я введу тебя в курс наших дел.

Луганов, тоже обрадованный встречей, отказался, однако.

— Нет, Андрей Иванович, к тебе сейчас не могу. И рад бы, да не могу. Спешу к начальнику управления. Может, вместе пойдем?

Миронов согласился. Он и сам собирался чуть попозже к Кириллу Петровичу.

Доклад Луганова был кратким: к тому, что Василий Николаевич уже сообщил по телефону, добавить было нечего.

Выслушав Луганова, Скворецкий повернулся к Миронову:

— Ну, а ты что скажешь? Как с рестораном?

— Все в порядке, — кивнул Андрей. — Сегодня. В двенадцать тридцать. Намереваюсь кутнуть в «Дарьяле». По полученным мною сведениям, это самый модный ресторан Крайска.

— Я тебя почему торопил, Василий Николаевич, с аэродрома, — сказал Скворецкий. — Есть дело. Сегодня Андрей Иванович дает прощальный ужин Войцеховской. В «Дарьяле». Ты уже слышал. Подробности он тебе расскажет. Твоя задача: с семи вечера быть в ресторане и смотреть в оба. С собой захватишь двух-трех оперативников милиции. Можно в форме. Только чтобы оделись рядовыми милиционерами. С тамошним руководством я договорился, люди выделены.

Миронов и Луганов засиделись в кабинете Андрея до самого вечера. Луганов внимательно выслушал рассказ о «романе» с Войцеховской и прочитал сообщение Львовского управления КГБ.

Потом Луганов вызвал оперативных работников угрозыска, которых наметил себе в помощники, и все они отправились в «Дарьял» «сориентироваться на месте», как сказал Миронов.

Когда все дела в ресторане были закончены, время подходило к семи. Луганов вместе с одним из сотрудников угрозыска занял место за столиком в углу, вблизи паль-

мы. Двое других оперработников, одетых в милицейскую форму, расположились один в вестибюле ресторана, другой — на улице, невдалеке от входа. Миронов поспешил к Войцеховской.

Анна Казимировна не собиралась нарушать данное ею слово и ждала «инспектора».

В этот вечер она была особенно эффектна. В зале «Дарьяла» многие смотрели на нее.

Анна Казимировна держалась настороже, словно чего-то опасаясь.

Андрей исподтишка следил за выражением ее лица, за каждым жестом. Одновременно он ухитрялся не упускать из поля зрения и весь зал.

Вдруг лицо Войцеховской стало холодным, злобно-презрительным. Но смотрела она не на Миронова, а куда-то в сторону. Андрей заметил какого-то коренастого, крепко сбитого молодого человека в форме военного летчика, но без погон. Он упорно прокладывал себе дорогу к их столику.

«Так, — подумал Миронов, — начинается. Кажется, я сейчас узнаю, чего она опасалась, но не без скандала. Этого еще не хватало!»

Он увидел, как Луганов и его помощник быстро поднялись со своих мест. Луганов направился к столику Миронова, а помощник — к выходу из зала. «Ну что за старик! — с теплотой подумал Миронов о Скворецком. — Предусмотрел самое непредвиденное, а я еще ворчал. Нет, пожалуй, обойдется и без скандала.»

Летчик подошел. Он оперся обеими руками о край стола и, тяжело дыша, глядел то на Миронова, то на Войцеховскую. Его курносое мальчишеское лицо было искажено злобой.

— Степан, ты почему здесь? — процедила Анна Казимировна сквозь зубы. — Тебе что вчера было сказано? Вон отсюда!

— Я уйду, — сипло проговорил летчик. — Уйду. Только вот он, — летчик кивнул в сторону Андрея, — пусть пойдет со мной.

— Хорошо, — спокойно сказал Миронов, медленно поднимаясь из-за стола, — пойдемте.

— Нет, — Войцеховская цепко ухватила Андрея за рукав пиджака, — вы никуда не пойдете. А ты... ты немедленно уберешься отсюда. Слышал?

Сидевшие за соседними столиками уже смотрели на них, те, кто был подальше, поворачивали головы. Краешком глаза Миронов заметил: в дверях показались оперработники. Один в штатском, другой в форме милиционера. Но их вмешательство он считал излишним: что подумает Войцеховская? Медлить было нельзя.

Мягким, но решительным жестом Андрей освободил свою руку.

— Не волнуйтесь, Анна Казимировна. Сейчас я провожу этого гражданина и вернусь.

— Если так, я уйду с вами.

— Никким образом, — твердо сказал Миронов. — Я сейчас вернусь. Пошли, — бросил он летчику, жестко беря его за локоть.

Едва они вышли в вестибюль, тот яростно вырвал у него свой локоть.

— Ну ты, как там тебя? Что тебе от нее нужно?

— Вот что, гражданин хороший, — сказал Миронов, — считайте, что я вас не слышал, и шагайте-ка отсюда. Так будет лучше.

— Т-ты... т-ты еще учить меня вздумал! — Кулак летчика мелькнул в воздухе, но Миронов действовал быстрее.

Мгновение — и рука парня, схваченная на лету, вывернута ему за спину.

— Ну как? — спросил Миронов. — Сами пойдете, или вас проводить до дверей?

Летчик тщетно пытался вырваться. В этот момент подошли оперработники, появился Луганов.

— Нехорошо, гражданин Савин, — укоризненно сказал, обращаясь к летчику, тот, кто был в милицмейской форме. — Опять безобразничаете? ПридетсЯ в отделение.

Летчик, руку которого Миронов выпустил, как только появился «милиционер», повернулся было к выходу, но у самой двери заартачился.

— Позволь, старшина! А его? — указал на Миронова. — Его тоже бери. В отделение — так вместе.

— А уж это мы сами разберемсЯ, — сказал «старшина», легонько подталкивая летчика к выходу. — Вас, — обернулся он к Миронову, — попрошу задержатсЯ.

Миронов поспешил в зал. Проходя мимо Луганова, он чуть замедлил шаги и тихо обронил:

— Надо немедленно выяснитсЯ, кто этот Савин.

Луганов чуть заметно кивнул.

Войцеховская сидела на своем месте, внешне сохраняя спокойствие. Быстрое возвращение «инспектора» ее заметно обрадовало, но, по-видимому, и удивило.

— Андрей Иванович, дорогой, вы избавились от этого ужасного типа? Я боялась за вас. Он сюда больше не вернетсЯ?

— Думаю, не вернетсЯ, — пожал плечами Миронов. — Его забрал милиционер. Там, в вестибюле. Откуда он вас знает?

— Знает меня? Нисколько. И я его не знаю. Вернее, почти не знаю. Но почему вы спрашиваете? Воображаю, что он там наговорил вам спьяну!

— Нет, он ничего не наговорил. Не успел. Но вы сами сказали, что это ужасный человек, я и решил... Если ошибсЯ, прошу извинитсЯ.

— Андрей Иванович, ну зачем же так? Здесь нет никакого секрета. Этот человек, Савин его фамилия, преследует меня уже целый год, если не больше. Но я-то при чем? Прошлой осенью он привязалсЯ ко мне на улице, когда я возвращалась из школы. Был тогда трезв и вел себя вполне прилично. А с тех пор преследует меня. Он говорит, что из-за меня начал пить, докатился до каких-то служебных неприятностей. Но в чем моя вина?

Глаза Анны Казимировны затуманились.

— Милый, помогите мне отсюда уехат... Вы можете.

— Уехат? — растерялся Миронов.

— Господи, неужели вы не понимаете? Я не могу здесь больше оставатсЯ. Савин не даст мне житсЯ. Из Крайска мне надо уехат немедленно.

— Куда же вы хотите уехать? Чем я могу помочь? — спросил Миронов, пытаясь сообразить, как ему выбраться из нелепого положения.

— Ну, это же совсем просто, — улыбнулась Войцеховская. — Устройте мне перевод в центр, ведь вы не последний человек в министерстве, что вам стоит? Хотите... хотите, я поеду с вами... завтра?

«Да, — подумал Андрей, — вот это ход!»

— Как же так, сразу завтра? — начал Миронов. — Это ведь не просто. Перевод? Как его организовать? В министерстве со мной могут и не посчитаться, не такая уж я персона. Да и как вы устроитесь, где в первые дни будете жить?

— Ах, какая ерунда! — воскликнула Войцеховская. — Где я буду жить? Я... я могла бы сначала остановиться у вас. — Она чуть покраснела и потупилась. — А с переводом... Я в вас верю, все устроится.

— Анна Казимировна, дорогая, — глухо проговорил Миронов. — Я взволнован. Это так неожиданно. Я сделаю все, что вы хотите. Но только делать надо с умом. Дайте срок: ну, неделю, другую.

— Хорошо, — она снякла. — Я подожду. Вам виднее, как лучше сделать. А теперь, — она вымученно улыбнулась, — теперь проводите меня домой...

Всю дорогу они шли молча. Простились возле подъезда, и Миронов отправился домой, в гостиницу, — час был поздний.

На следующее утро Миронов и Луганов поспешили к начальнику управления. Выслушав Андрея, Кирилл Петрович задумался.

— Да, — сказал он наконец. — Можно предположить, что всю эту сцену с Савиним она подстроила, учинила тебе экзамен. Хочется думать, что ты его выдержал.

— Насчет экзамена согласен, — сказал Миронов. — А что касается Савина, думаю, вы ошибаетесь. Не похоже, чтобы он участвовал в этой игре. Его появление в планы Войцеховской не входило. Больше того, думаю, что именно из-за летчика она отказывалась идти в ресторан. Но историю эту она быстро повернула, как ей нужно.

Молчавший до этого Луганов сказал:

— Разрешите, товарищ полковник? А что, если это все не игра, никакой не экзамен? Я за Войцеховской наблюдал во все глаза. Вела она себя очень естественно. Может, ей действительно стало здесь невмоготу?

— Да, — согласился Миронов, — вела она себя блестяще. Если это игра, то самого высокого класса. И все же я склонен думать, что она меня проверяла. Впрочем, я допускаю, что отъезд из Крайска входит в ее планы. Одно другому не мешает.

— Исключать, конечно, ничего нельзя, — сказал полковник. — Пищи для размышлений мы получили предостаточно. Но и новые ходы появились. Савин. А это уже хо-

рошо. Где он, кстати, сейчас? Удалось насчет него что-нибудь выяснить?

— Сейчас он в вырезвители, — ответил Луганов. — Наверное, еще отсыпается. Пока известно одно: бывший военный летчик. Около месяца назад демобилизован. Причины пока не выяснены. Сейчас — без определенных занятий. Холост.

— Не густо, — покачал головой Скворецкий. — Вот что, Василий Николаевич. Завтра о Савине должно быть все известно. Все, и даже больше. Ясно?

Скворецкий повернулся к Миронову:

— Теперь ты. Тебе надо навестить Войцеховскую. Заверь ее еще раз, что попытаешься сделать все, как она хочет, что ты рад, счастлив, — одним словом, как положено. На этом ты с ней простишься, исчезнешь, «уедешь» из Крайска. Остальное решим завтра, часа в два. Да, в два часа. К этому времени быть у меня.

ГЛАВА 20

Степан Сергеевич Савин, двадцати шести лет, родился в Киеве, в семье ответственного партийного работника. Отец Степана в начале войны ушел на фронт. Летом 1943 года Сергей Иванович Савин, член Военного Совета одной из армий, стоявших на Курской дуге, погиб в боях с фашистскими захватчиками.

Окончив среднюю школу, Степан Савин пошел в военное летное училище, стал летчиком-истребителем. Года полтора назад та воинская часть, в которой служил старший лейтенант Савин, была передислоцирована в район Крайска.

В части о Савине говорили по-разному. Одни хвалили его, как смелого, мужественного, прямого человека, надежного товарища; другие ругали. Ругали за недисциплинированность, за ухарство, за распущенность, которой он особенно отличался последнее время.

С дисциплиной Савин был, по-видимому, не в ладах. Его послужной список наряду с благодарностями и поощрениями за отлично выполненные полеты пестрел дисциплинарными взысканиями. Но все сходилось на том, что летчик Степан отличный.

До перебазирования части в Крайск все проступки Савина были в пределах допустимого. И месяц от месяца нарушений становилось меньше. Тем тяжелее для товарищей, для командования было то, что случилось со старшим лейтенантом Савиным. Весной этого года Савин «сорвался»: он не явился на очередной полет. Пришлось ему несколько суток отсидеть на гарнизонной гауптвахте.

Однако суровое наказание не образумило «сорвавшегося» летчика. Савин опаздывал на полеты, несколько раз появлялся в части нетрезвым. Вину он признавал, но ни-

какого объяснения своему поведению дать не хотел. Товарищи говорили, что тут замешана женщина. Толком никто ничего не знал.

Случилось так, что однажды один из самолетов соединения отставался в городском аэропорту. В том, что Савин об этом знал, ничего странного не было: в части об этом знали многие. Но как Степан пробрался на летное поле аэропорта, как он умудрился очутиться в кабине самолета, да еще не один, а с женщиной? Работники аэродромной службы захватили Савина в тот момент, когда он запускал двигатель, намереваясь вырulerть боевой самолет на взлетную площадку.

Происшествие было столь невероятным, случай столь беспрецедентным, что работники аэропорта растерялись: Савина они задержали (тот, впрочем, и не пытался скрыться), а его спутница ускользнула. Кто она была, выяснить не удалось. Савин наотрез отказался назвать ее имя, взяв всю вину на себя.

Его сначала хотели отдать под суд трибунала. Но из уважения к памяти отца Савина, к его славному имени, до трибунала решили дело не доводить. Степан Савин был разжалован и изгнан из рядов Советской Армии. Тем и ограничились.

После этого с Савиным вновь пытался говорить командир части, говорил замполит. Взывали к его совести, говорили о его будущем — все было напрасно! Савин никого и ничего не хотел слушать. Он жил в городе, пьянствовал в «Дарьяле», добывая средства игрой на бильярде.

Таковы были данные о Степане Савине, бывшем военном летчике, которые собрал и доложил полковнику Луганов.

В самом начале, когда Луганов упомянул имя и отчество отца Савина и сказал, что тот был членом Военного Совета, погиб под Курской дугой, Миронов заметил, что полковник Скворецкий вздрогнул.

С минуту после того, как Луганов закончил, в кабинете царил тишина.

— Как, Андрей Иванович, — прервал тягостное молчание Скворецкий, — тебе имя Сергея Савина ничего не говорит? Впрочем, откуда? Ведь тебе тогда и пятнадцати не было.

— О чем вы? — не понял Миронов.

— Брянские леса помнишь? — спросил Скворецкий. — Мы туда пробивались с боями весной 1942 года. Как раз в то время ты и пристал к отряду.

— Ну, помню.

— А как к нам в расположение отряда прилетел представитель командования Красной Армии «товарищ Сергей», помнишь?

— Помню, — начиная догадываться, тихо произнес Миронов.

— Так вот: фамилия «товарища Сергея» была Савин. Сергей Иванович Савин. Теперь понял?

— Отец Степана Савина?

— Да, Сергей Иванович Савин, «товарищ Сергей», член Военного Совета армии, погиб под Курском. Это я знал всегда. А вот насчет сына... Мальчишка, щенок! Так надругаться над светлым именем отца! Шкуру спустить с него, подлеца, мало!

Мионов и Луганов молчали.

— Списывать этому мальчишке грехи в память о его славном отце не будем. Сам нашкодил, сам и отвечай. Но вот поверить, что сын Сергея Савина спутался с врагами Советского государства, не могу! Хоть убейте — не могу! Окрутила его, как видно, эта Войцеховская. Он небось и сам не понимает, в какую пропасть падает. Где он сейчас, в милиции? — внезапно спросил Скворецкий.

— Так точно, — сказал Луганов.

— Знаешь что? Доставь-ка его сюда, ко мне. Я с ним сам побеседую.

Через несколько минут Луганов ввел к нему в кабинет Савина.

— Хорош! — с мрачной иронией сказал полковник. — Нет, ты только полюбуйся на себя, на кого похож! И это боевой офицер Советской Армии. Стыд!

— Позвольте! — вскинул голову Савин. — А вам-то какое дело? Выпил — лепите пятнадцать суток, а мораль читать нечего. Обойдусь. Да и вообще кто вы такой, по какому праву таким тоном со мной разговариваете?

— По какому праву? — переспросил Скворецкий. — А по такому, что я коммунист и поставлен сюда партией, чтобы охранять безопасность советского народа, советских людей, не давать таким вот, как ты, если они споткнулись, катиться в пропасть. По такому праву, что я в два раза тебя старше, в отцы тебе гожусь, что с твоим отцом, Сергеем Савиным, я воевал бок о бок... — Голос полковника дрогнул.

— Вы? Вы знали моего отца? Встречались с ним?

— Встречался? Нет, не «встречался»: твой отец, Сергей Савин, был моим другом, боевым товарищем. Имя твоего отца, память о нем для меня святы. А ты? Ты, паршивец, что делаешь? Видел бы сейчас твой отец...

Савин, угрюмо потупившись, молчал.

— Ну? Чего молчишь? Отвечай!

Савин начал говорить. Слово за словом раскрывал он перед полковником картину своего падения.

Как все началось? Где, когда он покатился под откос? Да здесь, в Крайске. Здесь, этой весной, на одном из вечеров в местном Доме офицера он встретил женщину... Пригласил ее танцевать. Согласие она дала охотно... Вот с того вечера все и началось. Кто эта женщина? Она учительница английского языка. Анна Казимировна Войцеховская. Что он о ней может сказать? Да, пожалуй, почти ничего. Чертовски умна, хитра, изворотлива и... хороша. С первой встречи он потерял голову.

Еще во время танцев, между делом, она выяснила, что Савин летчик-истребитель, летает на новых машинах. Зачем он ей об этом сказал? А что здесь такого? Что он летчик, видно было по его форме, что же касается машин, боевых самолетов, он сказал только одно — что они новые. Не думает же товарищ полковник, что Степан Савин способен выболтать первому встречному характеристику боевой машины, данные о ее конструкции, вооружении, летных качествах?

Что было потом, позже, когда эта женщина перестала быть «первой встречной»? Что тогда он рассказывал? И тогда почти ничего. Но все это очень сложно, запутано. Лучше будет, если товарищ полковник разрешит ему все рассказать по порядку.

Что произошло месяц назад в городском аэропорту?

В тот вечер, когда он познакомился с Войцеховской, ему без труда удалось договориться с ней о свидании. Встретились они через день — и тут пошло, покатилося... Одна встреча следовала за другой, с каждой встречей он чувствовал, что все больше теряет голову. Полюбил ли он Войцеховскую, любит ли ее? Трудно сказать. Это похоже на какое-то наваждение. Временами ему кажется, что она — все в его жизни, что жить без нее он не может.

Временами... Временами она ему ненавистна. Какая же это любовь? Да и она, разве она его любит? Близок он с ней не был. С ним она целомудренна, но он знает, уверен, что на самом деле она глубоко развращена, распутна. Он ловил ее не раз с другими. Ну, начать хотя бы со вчерашней встречи в ресторане. Кто этот человек, с которым она там была? Зачем она за день до этой истории в ресторане вызвала его, Савина, и строго-настрого заказала приходить следующим вечером в «Дарьял»? Вы говорите, это не доказательство? Согласен. А тот майор, с которым он, Степан Савин, видел ее в Доме офицера в тот злосчастный вечер.

Но и это не все. Есть у нее еще один, какой-то урод. Просто страшилище. Работает проводником поездов дальнего следования на Крайской железной дороге. Фамилия Семенов. Иван Петрович Семенов. Откуда он, Савин, знает? Опять-таки просто: выследил. Да, он признается, что следил за Анной. Однажды, когда она отказала ему в свидании, притаился возле ее подъезда. И не зря. Под вечер она вышла из дома и начала петлять по улицам. Встретилась с этим Семеновым в глухом переулке, недалеко от вокзала. Они прошли переулок и юркнули в какой-то домишко. Войцеховская не провела в этой хибарке и четверти часа. Вышла одна, оглянулась по сторонам, словно проверяя, не следит ли кто, — и ходу. А он, Степан, за ней не пошел. Он остался. Уж больно хотелось ему узнать, к кому это она бегала на свидание. Ждал он, ждал — и дождался. Вышел этот самый тип, тоже осмотрелся и пошел к вокзалу. Савин — за ним. Так и узнал место его работы, имя, фамилию. Ну и дружка выбрала себе Анна Казимировна, ничего не скажешь! Урод. Левша, между прочим...

Скворецкий насторожился.

— Как, как говоришь, — спросил он, — левша? А ты откуда знаешь?

— Сам видел. Видел, как закуривает, какой рукой спички берет. Все видел.

Полковник вырвал из блокнота листок бумаги, быстро набросал несколько слов и, вызвав секретаря, приказал немедленно вручить записку майору Миронову. В ней было написано: «Иван Петрович Семенов. Проводник поездов дальнего следования Крайской железной дороги. Немедленно разыскать, собрать все данные».

— Ты вот что скажи, — повернулся Скворецкий к Савину, отпустив секретаря, — когда в аэропорту пытался поднять самолет, с тобой была она, Войцеховская?

— Она.

— Ну, как все это случилось? Выкладывай.

В тот злосчастный вечер Савин пришел к ней чуть под хмельком и проболтался, что одна из боевых машин их части очутилась в гражданском аэропорту.

Войцеховская загорелась: «Степочка, Степанчик, в жизни не летала на военных самолетах! Милый, хороший, полетим! Никто ничего и не узнает. Покрутимся над Крайском, ты покажешь мне эти самые «бочки» или «иммельманы» — как они у вас там называются? — и обратно, а?» При этом она так смотрела, так говорила... Будь он трезвый, может, ничего бы и не случилось, не помогли бы никакие авансы, но ведь хмель... Он дал согласие. Как они пробрались на летное поле, как очутились в кабине самолета — не помнит. Действовал, как в тумане. Ну конечно, и охрана там — из рук вон. Пришел он в себя только в тот момент, когда, запустив двигатели, увидел за стеклом кабины перекошенное лицо дежурного из аэродромной службы. Мелькнула мысль: «Что же это я делаю?»

Двигатель скорее выключил — и на землю. Помог ей из кабины выбраться. А она шипит: «Трус, слизняк, подлец!..» Он, Степан Савин, немножко пошумел, чтобы охрана в него вцепилась, принял, как говорится, огонь на себя и этим помог ей скрыться. Потом, конечно, когда началось расследование, имени ее не назвал. Зачем? Ведь вина-то его, а не ее. Что она без него могла сделать? Вот, собственно говоря, и вся история.

— Эх ты, — покачал головой Скворецкий, — герой! Значит, и при расследовании опять «огонь взял на себя»? А ты о том подумал, — жестко сказал полковник, — что мог явиться слепым орудием в руках Войцеховской, простым исполнителем ее воли? Подумал?

— Позвольте, товарищ полковник, — робко спросил Савин, — я вас не понимаю. Что значит «орудие»? Какой это воли я исполнитель? Вам что, что-нибудь известно... об Анне Казимировне?

— Мне? Допустим, ничего не известно, если не считать

того, что ты сам рассказал. А этого, по-твоему, мало? Между прочим, весьма любопытно, что она не хотела афишировать свои с тобой отношения. Да и не об этом речь. Известно, не известно!.. Ты о другом подумай: в какое положение ты поставил расследование? Ведь ты не только ничем не помог, но запутал все на свете, «взяв огонь на себя». Это-то тебе ясно?

— Я... Я об этом не подумал. Как же теперь быть?

— А вообще-то, что ты собираешься делать, как думаешь жить дальше? — вопросом на вопрос ответил Скворецкий.

— Право, не знаю.

— Ты понял, что такое эта Войцеховская?

— Понял.

— Дурак. Садись. Держи бумагу. Пиши подробное объяснение, как все произошло в аэропорту. Что и почему ты утаивал раньше, при расследовании. Пиши мне, на мое имя: начальнику Крайского управления КГБ.

— А вы...

— Второе — Главному командованию Военно-Воздушных Сил. Рапорт. Пиши так, как находишь нужным. Подсказывать не буду. Учти одно: в рапорте о Войцеховской не распространяйся. Укажи, что о некоторых обстоятельствах, связанных с твоими поступками, сообщил подробно органам государственной безопасности. Сошлись на меня. Ясно?

— Ясно. Только... Зачем я буду обращаться к Главному командованию? Сам виноват, сам и расплачиваться должен. И зачем я буду на вас ссылаться?

— Я знал Сергея Савина, сына которого в беде не брошу. Понял? Я тебя, паршивца, вытащу из той грязи, в которую ты сдуру залез.

— Товарищ полковник...

— Ладно, ладно, — прервал его Скворецкий, — пиши... Когда оба документа были готовы, полковник, просмотрев их, сказал:

— Теперь можешь идти. Явись к командиру части и доложи, что обратился с рапортом к Главному командованию. Расскажи, конечно, о чем пишешь в рапорте. Доложи, что был в КГБ. Если командир или замполит будут интересоваться, пусть звонят ко мне.

— Так точно, товарищ полковник. Вас понял.

— Отлично. Один вопрос: как думаешь вести себя дальше с Войцеховской?

— Встречу — не подойду.

— Вот и напрасно, — спокойно заметил Скворецкий. — Так бы оно, конечно, было проще, но мне хочется верить, что тебе по плечу будет нечто более трудное... Ты говорил, что Войцеховская порой вызывала у тебя подозрение. Так?

— Да, товарищ полковник, говорил. Так оно и было. Странная она, когда поближе узнаешь...

— Видишь ли, подозрительность — штука скверная,

опасная. Но, судя по тому, что ты рассказал о Войцеховской, оснований присмотреться к ней больше чем достаточно. Присмотреться — я подчеркиваю. Не более того. Этого требует бдительность. Бдительность, а не подозрительность. Понял?

Савин молча кивнул.

— Представь себе, — продолжал Скворецкий, — что вот так, ничего толком не объяснив, ты с ней порвешь. Встретишь — и не поздороваяешься. Как думаешь, не покажется ей это странным?

— Может, конечно, — согласился Савин.

— Слушай дальше, — продолжал полковник. — Рвать с Войцеховской ты не будешь, но и бегать за ней, как прежде, не бегай. Если встретишь, держи себя так, будто ничего не произошло. Сумеешь?

— Раз надо — сумею.

ГЛАВА 21

Семенов работал на Крайской железной дороге давно, его многие знали, и Миронов сравнительно быстро собрал о нем более или менее полные сведения.

Иван Петрович Семенов, 1908 года рождения, появился в Крайске вскоре после окончания войны, сразу после демобилизации из армии. Работал проводником еще в довоенные годы в Минске. С первых дней войны — на фронте. Начал войну рядовым, рядовым и кончил. Вся семья Семенова — жена, трое детей — погибла во время бомбежки еще в начале войны.

Вот, собственно говоря, и все. Повидать самого Семенова не удалось: он был в отъезде.

Возвращаясь в управление, Андрей решил навестить Савельева. Он нашел Сергея на дворе. Опираясь на палку, Савельев разгуливал от скамейки к скамейке.

— Ну как, — крикнул он, увидев Миронова, — как я живу? Нормально? Вот только палка...

— Ладно, ладно. Ты, брат, молодец. Глядишь, через неделю-другую — и на выписку. А там на юг, в санаторий.

Савельев помрачнел.

— Мне не лечиться, мне работать надо. Лечением я сыт по горло.

Савельев вздохнул и уселся на скамейку.

— Ладно, Сергей, подумаю.

Из больницы Миронов пошел в управление и вместе с Лугаковым явился к Скворецкому.

Кирилл Петрович рассказал им о своей беседе с Савиным.

Миронов понял, почему полковник заинтересовался Семеновым. Нельзя было пройти мимо того факта, что Войцеховская связана с человеком физически сильным, левшой, тогда как нападение на Савельева в тот момент, когда он наблюдал за Черняевым, совершил также левша.

— Теперь так, — продолжал полковник, — надо что-нибудь предпринять, чтобы ускорить события, вынудить Войцеховскую обнаружить свои отношения с Черняевым или по меньшей мере заинтересованность в его судьбе. Думал я над этим и пришел к выводу, что кое-что в этом направлении сделать можно. Почему бы не пустить в ход самого Черняева?

— Черняева? — удивился Миронов. — Впрочем... Кирилл Петрович, это же здорово! Обыск?

— Угадал, именно обыск. По месту работы, в служебном кабинете. Мы рассекретим арест Черняева. И если Войцеховская была с ним связана, известие об аресте произведет на нее соответствующее впечатление, вынудит ее что-то предпринять, в какой-то мере открыться. Обыск проведем с работниками милиции. Договоримся. Арест Черняева милицией и впечатление произведет и не запугает Войцеховскую сверх меры. Сотрудникам управления строительства разъясним, что обыск производится в отсутствие Черняева, так как тот арестован по месту командировки.

Черняев, один из руководителей крупного оборонного строительства, был заметной фигурой в городе, и факт его ареста не мог пройти незамеченным. Но ни в тот день, ни на следующий Войцеховская ничем себя не проявила. Между тем прошло уже трое суток, и под вечер в Крайск вернулся из своего очередного рейса Иван Петрович Семенов.

С момента возвращения Семенова в Крайск два оперативных работника находились постоянно возле него. Действовали они умело, Семенов и не догадывался об их присутствии. В первый же вечер оперативным работникам потребовались вся их сноровка, опыт, сообразительность. И не зря!

Утром они докладывали: придя с вокзала домой, Семенов пробыл там часа два, затем отправился бродить по городу. Потолкавшись с полчаса в шумной толпе на центральной улице, зашел в «Гастроном». В магазине в этот вечерний час было много народу. Семенов ходил от прилавка к прилавку, нигде не задерживаясь. Наконец встал в очередь в ветчинно-колбасный отдел. Перед ним в очереди стояла... Войцеховская. Оперативные работники узнали ее по фотографии.

Она не обращала никакого внимания на человека, стоявшего у нее за спиной. Очередь двигалась медленно. Постояв минуту-другую, Войцеховская повернулась к Семенову, что-то ему сказала и, выйдя из очереди, направилась к кассе. Заплатив деньги и получив чек, она вернулась на свое место, впереди Семенова. Вновь перекинулась с ним несколькими словами.

Получив попку, Войцеховская вышла из магазина. На улице она замешкалась, стала закуривать. В этот момент появился Семенов. Он достал папиросу, сунул ее в рот и огляделся. Заметив Войцеховскую, которой никак не удавалось прикурить, Семенов подошел к ней. Войцеховская улыбнулась, протянула ему спичечный коробок. Взяв коробок левой рукой, Семенов чиркнул спичкой, ловко прикрыл

ее ладонями, дал закурить Войцеховской, закурил сам, и они разошлись. Могло показаться, что ничего особенного не произошло, но, взяв у Войцеховской коробок спичек и закурив, Семенов опустил этот коробок в карман.

Потом он пошел на городской телеграф. Вынув из кармана клочок бумаги и, заглядывая в него, заполнил телеграфный бланк, сдал его в окошечко, а бумагу порвал и бросил в корзину для мусора.

Записку, с которой Семенов списывал текст телеграммы, удалось восстановить. Телеграмма была адресована в Москву, на Главпочтамт, до востребования, Григорию Макаровичу Макарову. Текст: «Состояние тети ухудшилось температура второй день 38 пульс обычный желателен приезд». Подписи не было.

Вслушав доклад и внимательно прочитав телеграмму, Скворецкий задумался: что могла она означать? Тетя? Какая тетя? Кто подразумевался под «тетей», чье состояние ухудшилось? Не Войцеховской ли? Возможно. Но температура? Пульс?

Скворецкий вызвал Миронова и Луганова.

— Давайте-ка, друзья, раскинем вместе мозгами...

Миронов молчал и рассеянно крутил в руках листок бумаги, на котором был записан текст телеграммы. Казалось, он и не слышал последних слов Скворецкого.

— Одну минуточку, — сказал Миронов, — сегодня у нас какой день? Среда?

— Среда.

— Сегодня среда. Телеграмма отправлена вчера. Значит, сегодняшний день не в счет. Завтра — четверг, послезавтра — пятница, второй день, считая с момента отправления телеграммы. А в пятницу в Москву отправляется поезд № 38, в составе которого идет вагон, где проводником Семенов. Это я знаю точно: когда был на вокзале, специально интересовался графиком его поездок. Телеграммой Семенов, очевидно, уведомляет какого-то Макарова, что в пятницу выезжает в Москву и назначает ему встречу. Таков, по-моему, смысл слов «второй день 38 желателен приезд». Что же касается того места, где речь шла о пульсе, — вот оно: «пульс обычный», — тут, надо полагать, имеются в виду условия встречи — обычные, то есть такие, как и всегда.

— Пожалуй, верно. Молодец, Андрей, — сказал Скворецкий. — Ну, а какие будут предложения?

— Тут, по-моему, все ясно. До Москвы Семенова нужно провожать, в Москве встретить. Следить за ним в оба глаза, вплоть до встречи с Макаровым. Затем действовать по обстановке.

— Решаем, — сказал Скворецкий, — как только Семенов выедет, отрядим с ним двух опытных ребят. Думаю, что и кому-нибудь из вас придется ехать. Там будет видно. Войцеховская... Войцеховская... Попробую-ка я повидаться с Савиным; может, он пригодится? Больше сейчас, пожалуй, ничего не придумаешь.

Отпустив Миронова и Луганова, Кирилл Петрович вскоре и сам отправился домой. Еще в прихожей, снимая пальто, он услышал звонок телефона.

Полковник снял трубку. Послышался взволнованный голос Савина:

— Товарищ полковник, это вы? Савин докладывает. Звоно из автомата. Наша общая знакомая — дрянь. Она... шпионка. Ее надо немедленно арестовать. Разрешите, я сам...

— Да ты что, рехнулся? — резко оборвал его полковник. — Откуда говоришь?

— Я? Я из автомата. С улицы Фрунзе.

— Мой домашний адрес знаешь? Тогда слушай — и давай быстро ко мне.

Прошли считанные минуты, и в прихожей пронзительно затрещал звонок. На пороге стоял Степан.

— Входи. Раздевайся, — сказал полковник, указывая на вешалку.

Савин быстро скинул шинель, фуражку и прошел вслед за полковником в его рабочую комнату.

— Садись.

Но Савин не сел.

— Товарищ полковник, Войцеховская — шпионка, враг. Она решила бежать за границу.

— Так не пойдет. Прежде всего садись, успокойся, а потом расскажешь толком, по порядку. Только сначала отдышись.

Савин отдышался и стал рассказывать. В этот день неожиданно-негаданно к нему явилась Войцеховская. Была она необычайно мила, ласкова, внимательна. Могло показаться, что никакой истории в «Дарьяле» не было. В свою очередь, и Степан, памятуя наказ полковника, вел себя как ни в чем не бывало.

Пригласив Степана пройтись, Войцеховская пригласила его к себе домой. Она начала с того, что рассказала одну историю из своего прошлого. Суть этой истории такова: Войцеховская, по ее словам, несколько раз отдыхала в Латвии, недалеко от приморского городка Вентспилс. Там, в окрестностях Вентспилса, живет один рыбак, человек пожилой, степенный. Войцеховская с ним даже как-то встречалась — ходили компанией на его катере в море. Со слов одного приятеля Войцеховской тогда же стало известно, что старый рыбак ходит на своем быстроходном ботике не только в такие места, куда положено. Ну и еще кое-что она о нем знает. Посерьезнее. Одним словом, этот рыбак тот самый человек, который им сейчас нужен. Кому им? Ей и Савину. Войцеховская предложила Степану съездить к этому рыбаку и установить с ним отношения.

« Степа, Степан, подумай: что ты здесь, в Крайске, в этой стране?.. Ничто! Жизнь твоя кончена. Выгнан, опозорен. Кому ты нужен, куда денешься? В чернорабочие пойдешь? Фи! А ведь ты молод, талантлив. Ты многое знаешь. Степочка, уедем, уедем отсюда. Туда, на Запад... Там каждого ценят по таланту, способностям. Я тоже здесь не могу, тоже задыхаюсь. А там мы будем счастливы. Вместе...»

Она начала разъяснять Степану, что, раздумывая последние дни над его судьбой (она же его любит, разве он не догадывался?), над своей безотрадной долей рядовой учительницы, пришла к выводу — самым лучшим для них обоих было бы уехать на Запад: в Швецию, во Францию, в Германию (в Западную, конечно), в Америку, куда угодно!

Забыв все на свете, забыв строгое предупреждение полковника, Степан взорвался. Он накричал на Войцеховскую, грубо обругал ее, а та хоть бы что! С иронической улыбкой она слушала Степана, ожидая, когда он выговорится. Степан осекся.

« Дурак, — презрительно кинула Войцеховская. — Не хочешь по-хорошему, я поговорю с тобой иначе. Да знаешь ли ты, голубчик, что, если ты здесь останешься, твоя песенка спета? Да будет тебе известно, что кое-кому в кое-каком иностранном государстве известно во всех деталях, как ты

намеревался поднять в воздух сверхскоростную боевую машину и угнать ее за границу. Что? Такого намерения у тебя не было? Смешно! Интересно, как ты будешь это доказывать господам чекистам, когда они получат соответствующий материал и тряхнут тебя как следует. Самолет-то ты поднять пытался, никуда не денешься!»

Савин молча слушал Войцеховскую. Трудно сказать, как бы он поступил, если бы не вспомнил в эту минуту полковника Скворецкого и свое обещание. С трудом он сдержался. Взглянув на Войцеховскую, криво улыбнулся: «Что ж, Анна Казимировна, ваша взяла. Мне, Степану Савину, податься действительно некуда...»

Теперь Войцеховская говорила резко, повелительно. Она предложила Степану завтра же выехать в Латвию, в Вентспилс, и договориться с рыбаком о переброске их обоих на его боте через море за границу. Перед отъездом она даст Савину крупную сумму денег, которую тот должен будет вручить рыбаку: даром тот рисковать не будет. И пусть Савин предупредит рыбака, что это всего лишь аванс: как только они ступят на нужный им берег, будет заплачено больше. И не в рублях, а в долларах. Вот деньги на самолет до Риги.

...Кирилл Петрович прошелся по комнате и, остановившись против Степана, сказал:

— Молодец, Степан, не подкачал. Рад за тебя. Ну, а насчет ареста... Арестовывать Войцеховскую мы не будем. — Полковник сделал паузу. — Пока...

Полковник вновь принялся ходить по комнате.

— Вот что, Степан, боюсь, что ехать в Ригу тебе придется... И в Ригу, и в Вентспилс... Пусть Войцеховская действует, как намеревалась. Понял? Мешать ей не будем до поры до времени. Впрочем, об окончательном решении пока воздержимся. Дело серьезное, надо доложить Москве. Сделаем так: завтра, как возьмешь билет на самолет и поведешься с Войцеховской, звони ко мне. Встретимся и тогда все решим.

ГЛАВА 22

Утром, когда Скворецкий приехал на работу, в приемной, скромно примостившись на краешке стула, сидел Савельев.

— Ты как сюда попал? Почему не в больнице?

— Разрешите доложить, — Савельев встал, — выписали. Сегодня утром. Готов приступить к исполнению служебных обязанностей...

— Ишь ты, какой быстрый! «Приступить»! А долечиваться кто будет? Немедленно в санаторий.

Скворецкий повернулся к секретарю:

— Майора Миронова ко мне, заодно и Луганова.

В тот момент, когда Андрей входил в кабинет начальника управления, Кирилл Петрович заканчивал разговор по прямому проводу с Москвой, с генералом Васильевым.

Закончив разговор, полковник положил трубку. В этот момент появился Луганов.

— Так как же, Андрей, — спросил полковник, — что с Савельевым будем делать? Ты с врачами говорил, каково их мнение?

— Говорил, Кирилл Петрович. Врачи согласны, чтобы он приступил к работе, но при условии, что на протяжении недели-другой работа не будет связана со значительной физической и нервной нагрузкой. Только такое дело вряд ли найдется.

— Между прочим, — полковник усмехнулся, — как раз такую работенку я ему и присмотрел: и нужная и важная, вроде курорта — сиди себе посиживай и поджидай у моря погоды. Вот именно, у моря — в прямом смысле слова. Войцеховская-то, а? Удрать задумала. И не куда-нибудь, а за границу. Каково?!

Скворецкий подробно рассказал о событиях минувшей ночи, о сообщении, с которым явился к нему Савин, и о тех указаниях, которые он, Скворецкий, получил от генерала.

— Обратите внимание, между прочим, — отметил Кирилл Петрович, — на одну странность: как смахивает характер беседы, что вела Войцеховская с Савиным, на ту, которую, судя по словам Черняева, вела с ним Корнильева. Любопытно, а? Просто один почерк...

Решено послать Савина в Вентспилс к рыбаку. Пусть договаривается, как требует Войцеховская. Что произойдет дальше, вы оба, конечно, догадываетесь. Чтобы гарантировать успех «экспедиции» Савина, в помощь ему надо выделить смелого, инициативного чекиста, с которым до поры до времени Савин будет действовать вдвоем. Вот и решено послать Савельева.

Скворецкий пригласил Савельева.

— Садись. Итак, насколько я понял, ты считаешь, что способен вернуться к работе?

— Так точно, товарищ полковник, к работе могу приступить хоть сегодня.

— Именно это и требуется. Видишь ли, как раз сегодня мы начинаем одну операцию по делу Черняева. Прямо скажу, операция сложная, не без риска, связанная с отъездом из Крайска. Хватит силенок? Выдержишь?

— Выдержу, товарищ полковник! — радостно воскликнул Савельев. — Не беспокойтесь. Готов ехать хоть сию минуту.

— Сегодня поедешь. В Латвию. Ехать придется вдвоем, вместе с одним военным. Летчиком. Савин его фамилия. Он мне должен с минуты на минуту позвонить. Как позвонит, встретимся, тогда и обсудим, что да как. А сейчас иди оформляй командировку.

Скворецкий повернулся к Миронову и Луганову.

— Теперь насчет Макарова, которому адресовал телеграмму этот Семенов. Макаров телеграмму получил, явился

на почтайт. Личность его, как сообщил мне генерал, выяснили. Он продавец комиссионного магазина. Семен Фаддеевич высказал предположение, что этот Макаров может служить просто посредником, связником. Тебе, Андрей Иванович, есть указание выехать в Москву. Там отыскали какого-то полковника в отставке, старинного друга Черняева. Генерал считает, что беседовать с ним должен ты, и никто другой.

Раздался телефонный звонок. Скворецкий взял трубку.

— Да... Да, конечно, как условились.

Он положил трубку.

— Ну вот, Савин звонил. У него все в порядке: билет на Ригу купил, у Войцеховской был. Сейчас поеду, узнаю подробности. Где Савельев? Если ко мне вопросов нет, задерживать не буду.

В то время как полковник Скворецкий с головой ушел в дела, связанные с поездкой Савельева и Савина в Латвию, Миронов срочно вылетел в Москву. Материал для него был подготовлен. Впрочем, какой это материал? Андрей узнал, что полковник Николай Григорьевич Шумилов, вышедший год назад в отставку, на пенсию, проживает постоянно под Москвой, на даче. Адрес дачи указывался. В прошлом, еще до войны, полковник окончил военно-инженерную академию, по специальности строитель. Во время войны был на фронте, в годы учебы в академии — однокурсником Капитона Илларионовича Черняева.

Миронов решил поехать к Шумилову, не откладывая.

Дача была небольшой, одноэтажной. Калитка оказалась незапертой. Поднявшись на крылечко, Миронов постучал. Прошло несколько секунд, и дверь распахнулась. Перед Андреем стоял коренастый человек с сухим, нездоровой желтизны лицом, с редкими, тронутыми сединой волосами.

— Простите, — сказал Миронов, — мне нужен Шумилов.

— Я и есть Шумилов. Милости прошу.

Он провел Миронова в небольшую, скромно обставленную комнату, усадил Андрея в плетеное кресло, сам уселся чуть наискосок, у стола.

— Позвольте представиться. Фамилия моя Миронов. Я сотрудник Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Вот мое удостоверение.

Полковник взял из рук Андрея удостоверение, внимательно его просмотрел и вернул.

— Слушаю вас. Чем могу служить?

— Насколько мне известно, вы были в свое время знакомы с Капитоном Илларионовичем Черняевым. Не могли бы вы сообщить о нем некоторые сведения?

— С Капитоном Черняевым? — спросил Шумилов. — Да, я был с ним знаком. Он был моим другом, ближайшим другом.

Полковник вздохнул.

— Простите, вы сказали «был»? — спросил Миронов. — Разве сейчас его нет?

Шумилов задумался.

— На этот вопрос мне трудно ответить, — сказал он наконец. — Понимаете, тут какая-то путаница. Капитон, я имею в виду Черняева, вроде бы погиб в начале войны. Такие дошли до меня вести. Долгое время я о нем ничего не слышал и считал, что его нет в живых. Потом, уже когда война давно кончилась, узнаю, что среди военных строителей Черняев, работает где-то... Навел справки. Говорят, Капитон Илларионович. «Что, — думаю, — за ерунда? Жив, выходит, Капитон, но почему молчит?» Узнал я адрес, написал: ни ответа, ни привета. Может, это вовсе и не он, может, совпадение? Так ничего толком и не знаю.

— Ну, а о том, вашем Черняеве что бы вы могли сказать?

— О! О нем многое можно сказать. Хороший был парень, порядочный, настоящий коммунист. И инженер толковый.

Шумилов с охотой принялся рассказывать.

— Скажите, — спросил Миронов позже, — из родственников Черняева, его близких вы никого не знали?

— Нет, — сказал полковник, — никого. Да у Черняева, по-моему, и родственников-то не было. Была, правда, одна девушка, Машей звали. Капитон на ней жениться хотел. Война помешала...

— Маша? — переспросил Миронов. — Этого маловато. А фамилия?

Шумилов вышел из комнаты и скоро вернулся со старой, истертой записной книжкой.

— Вот, пожалуйста: Мария Михайловна Воронцова. Жила она на Большой Ордынке. Вот адрес. Только живет ли она там сейчас?

— Еще один вопрос. Среди них нет никого, кто был бы вам знаком? — Андрей протянул полковнику несколько фотографий, между которыми находилась и фотография Черняева, сделанная лет десять назад.

Ее Шумилов задержал в руках дольше, чем другие; Миронов не без волнения наблюдал за выражением его лица.

Шумилов отложил и эту фотографию к уже просмотренным. Что же? Не опознал Черняева? Значит... Значит, это не Черняев? А Шумилов, словно испытывая терпение Андрея, снова потянулся к злополучному снимку.

— Знаете, — сказал он, и в голосе его послышалось колебание, — это, пожалуй, Капитон Черняев. Я не ошибся?

Нет, ошибки не было. Черняев — это Черняев. Но решать — пусть решает сам Шумилов, подсказывать нельзя.

— Вы извините, Николай Григорьевич, — улыбнулся Андрей, — но я вам не советчик. Вы уж сами разберитесь...

— Да, — уже уверенно сказал Шумилов. — Это Черняев. Но как изменился!

Он подержал фотографию еще мгновение и, вздохнув, отложил в сторону, взялся за другие, еще не просмотренные. Перебрав, опять вернулся к фотографии Черняева. То приближал ее к глазам, то отдалял.

— Нет. Боюсь, я ошибся. Похож, чертовски похож, и все же, думаю, это не Черняев. Лицо вроде бы его, но глаза, рот... Нет, не он.

— Николай Григорьевич, — укоризненно сказал Миронов, — нельзя ли все же определеннее: кто это — Черняев, не Черняев?

— А определеннее я вам, дорогой, не скажу, увольте, — неожиданно рассердился полковник. — Может, Капитон, а может, и нет. С годами люди меняются...

Вернувшись в Москву, Андрей прямо с вокзала отправился на Большую Ордынку, по адресу Воронцовой. А вдруг она живет там, где жила и раньше?

День выдался везучий. Воронцову Андрей застал дома. Она приняла Миронова любезно, но на вопросы отвечала сдержанно, не желая, по-видимому, ворошить старое, прожитое и пережитое. Да, Черняева она знала. Знала близко. Хороший был человек. Почему «был»? Потому что, как она полагает, его давно нет в живых. Несколько неопределенно она говорит потому, что неопределенным было и известие о его гибели. Черняев числился пропавшим без вести. Потом... потом встретился другой человек. Вышла замуж. Естественно, Черняева она больше не искала. Правда, у нее однажды о Капитоне спрашивали, но ничего толком она сказать не могла. Кто спрашивал? Один военный, майор. Говорил, что был вместе с Капитоном в окружении. Интересовался его родственниками, друзьями. Между прочим, сам этот майор был похож на Капитона. Не знает ли она кого-нибудь из тех, кто изображен на этих фотографиях? Как же, знает. Вот он, майор, который приходил наводить справки о Черняеве. Он самый.

Воронцова уверенно указала на фотографию инженер-подполковника Черняева Капитона Илларионовича.

— Вы... — Миронов откашлялся. — Вы не ошиблись?

— Что вы, — улыбнулась Воронцова, — как я могу ошибиться? Я его хорошо запомнила — говорю же вам, он очень напомнил Капитона Илларионовича.

Извинившись перед Воронцовой, что отнял у нее столько времени, Миронов поспешил к генералу.

В Крайске арестован не Черняев, а кто-то другой, скрывающийся под именем Черняева. Но кто?

(Окончание следует)

С. ГАНСОВСКИЙ

ДОСТУПНОЕ ИСКУССТВО

Лех и Чисон миновали больницу и пошли вдоль фасада огромного перенаселенного дома. Возле стены на скамейках грелись под лучами вечеряющего солнца старики; старухи, перебивая одна другую, рассказывали о том, каких хороших детей они вырастили и как у них всегда все было в порядке в хозяйстве. Тут же ребяташки играли в чехарду, перекидывались мячом и с криками гонялись друг за другом.

Возле подъезда мальчонка лет четырех мелом рисовал на стене портрет девочки. Руки, как грабли, косички двумя палочками. От усердия художник высунул язык. Зрители — все мелкота — стояли полукругом в благоговейном молчании.

Из углового подвала неслись звуки старого разбитого рояля. Кто-то играл «Песню без слов» ля минор. Чувствовалось, что руки детские, слабенькие. Но не так уж плохо получалось.

— Вот всегда здесь играют, — сказал Лех. — Как ни иду, всегда.

Они пересекли канал по стальному мостику. Вода внизу была черная, как отработанное машинное масло, и казалась тяжелой и густой. Отсюда начинался район особняков.

— Вообще-то с Бетховеном — это гомеопатия, — сказал Лех. — Зря, по-моему, это придумали: воскрешать Бетховена.

— Какая гомеопатия? — Чисон остановился.

— Ну, когда передают на расстояние всякие там мысли и чувства.

— При чем тут гомеопатия? — спросил Чисон. — Вот всегда ты ляпнешь что-нибудь такое. Гомеопатия — это из медицины, что-то с лекарствами. Не знаешь, лучше не говори.

— Да, хотя... — Лех задумался. — Правильно. Не гомеопатия, а эта, как ее... телепатия. Ошибся. Ну, конечно, я всех слов не знаю. У тебя это тоже часто бывает. Ты вчера,

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

например, сказал «стриптизм». А надо было «спиритизм». Ну, пошли.

Дело было в том, что оба в детстве обучались по новой системе. Каждому за полгода вложили в голову содержание чуть ли не всей Британской энциклопедии. И без всякого труда с их стороны.

Через открытую калитку они вошли в сад Скрунтов.

— Обеды у них хорошие, — сказал Лех. — Останемся пообедать. Прошлый раз подавали медвежью лапу по-русски.

Перед самым домом большой участок был разбит под альпийский садик. С фиолетовыми и желтыми крокусами, желтыми ирисами и мелкими розовыми рододендронами. Все было хорошо ухожено, но посередине шла траншея, а на цветах, смяв их, валялись части какой-то железной конструкции. Ощущалось, что хозяева затеяли очередную перестройку.

В вестибюле лакей Ульрих взял у них шляпы и пошел наверх доложить.

Едва он успел скрыться, как из-за мраморной колонны выскочила бабка Скрунтов и кинулась к Леху на шею.

Бабке Скрунтов недавно исполнилось сто четыре, но благодаря серии омолаживательных операций и фигура и кожа у нее были как у восемнадцатилетней. Только рот почему-то оставался кривым, старушечьим. Тут уж ничего не могли сделать, как ни бились. Ну и с головой, естественно, было не все в порядке.

— Тише! Тише! — Лех отдирает ее от себя. — Успокойтесь.

— Ах, мне нехорошо! — воскликнула бабка и стала валиться на пол, закатывая глаза.

Лех придержал ее за талию.

— Притворяется, дрянь, — объяснил он Чисону. — Это у нее всегда так: хочет, чтоб ее мужчина поднял и понес. — Он мотнул головой, откидывая нависшую на лоб прядь волос. — Ничего, сейчас придет Ульрих. Она его слушается.

При слове «Ульрих» бабка открыла один глаз.

Лакей Ульрих тем временем возник на площадке второго этажа. Он быстро сбежал по ступенькам, остановился в двух шагах от гостей и внушительно сказал:

— Веда Скрунт, вернитесь, пожалуйста, к себе.

— Ах, Алек! — прошептала старуха как бы в забытье. — Ну что же ты, Алек?..

— Веда Скрунт! — лакей повысил голос.

Бабка встрепенулась, проворно встала на ноги и метнулась за колонну. На прощанье она игриво подмигнула Чисону.

— А кто этот Алек? — спросил Чисок, когда они с Лехом поднимались по лестнице.

— Да никто. Прошлый раз был Ян.

Чисон вздохнул.

— Лучше бы дали ей помереть спокойно — прости ее, господи, — чем всякий раз опять омолаживать.

— Не хочет, — возразил Лех. — Не соглашается. Теперь затевает какую-то полную перестройку организма.

По-видимому, фантастику писать не так трудно. Можно просто задаться вопросом: «А что, если!» При нынешней быстрой поступи науки вопрос часто звучит даже так: «А что будет, если!»

После того как проблема поставлена, остается одно, последнее — написать рассказ. Мне, правда, это удавалось всего лишь двадцать раз. Восемнадцать вещей были опубликованы, девятнадцатый рассказ печатается ниже. Двадцатая, маленькая повесть «Шесть гениев», как раз выходит в издательстве «Знание».

Сейчас взялся за двадцать первый рассказ. Проблема-то уже есть.

С. Ганефский.

Лин Лякомб, хозяйка дома, встретила их в холле. (Лякомб потому, что фамилию она оставила себе по третьему мужу.)

— Это Чисон, — сказал Лех. — Помните, я вам говорил? Троюродный племянник того самого Чисона, который «Нефтепродукты и твердый бензин».

— Очень приятно. Как вы прошлый раз добрались домой? — спросила хозяйка Леха, глядя при этом на Чисона. (Такая у нее была привычка.) Не выслушав ответа, она сказала: — Ну, прекрасно. Сколько вы у нас не были? Почти полмесяца, да? Сегодня мы покажем вам три новые вещи... Хотя нет. Четыре... Познакомьтесь, кстати, с моим мужем.

Чисон горячо пожал руку появившемуся тут же плечистому мужчине.

— Да нет, не этот! Это Пмоис, представитель фирмы.

Чисон пожал руку второму мужчине, скромно державшемуся позади.

— Идемте, — сказала хозяйка. — Во-первых, у нас теперь есть нечто такое, чего нет ни у кого в городе. Вы будете поражены, Лех. — Она посмотрела при этом на Чисона. — Настоящее чудо.

Они прошли зал, потом второй, где двое рабочих пробивали дыру в резной деревянной стене. Тут же кольцами лежал кабель толщиной в руку.

— Венецианская работа, — пояснила Лин Лякомб. — Семнадцатый век. Пришлось пробить, но тут уж ничего не поделаешь. Тянут линию для сеанса.

По винтовой узкой лесенке они поднялись в комнату, где едва слышно пахло пылью и царил полумрак.

— Стойте здесь!

Лин Лякомб, стуча каблучками, подбежала к окну и потянула шнур.

Стало светло. Все молчали.

— Ну как?

— Очень здорово, — неуверенно начал Лех. — Кажется, Матисс?

— Нет. Матисса мы еще не убрали. Вот эта.

Рядом с Матиссом на стене висело темное полотно.

Лех и Чисон подошли ближе.

— Это же подлинник, — сказала Лин. В ее голосе что-то треснуло.

— Рембрандт?..

— Конечно. «Отречение святого Петра». Его главный шедевр. Вы не узнали.

— А я думал, подлинник в Амстердаме, — сказал Чисон.

— И в Амстердаме и у нас, — отрезала Лин. — Теперь могут быть два подлинника. В том-то вся и штука. В Амстердаме подлинник, и это тоже подлинник. Изготавливается копия, которая повторяет оригинал на молекулярном уровне. Поняли? Молекула в молекулу. Объясните им, Пмоис.

Плечистый выдвинулся вперед и заговорил сразу, как будто его включили на половине фразы.

...щий вторичный оригинал является новым достижением фирмы «Доступное искусство», которая стремится... В течение трех месяцев по специальному разрешению... Методом трансструктурного синтеза слой за слоем молекулярное строение разных уровней... Самые тщательные исследования не найдут... Не является более подлинным, чем другой. Картина, кстати, будет темнее со временем, как и амстердамский вариант.

— Ловко, да? — Лин Лякомб победно посмотрела на присутствующих, потом повернулась к картине. — Удивительно, что можно дома иметь вот такое сокровище. Это облагораживает. Как-то совершенно меняет человека. Лично я уже не могу жить так, как жила раньше... Между прочим, от чего он тут отрекается, святой Петр? Напомните-ка, Пмоис?

Представитель фирмы набрал в легкие воздух.

— Тема картины, — он заговорил сразу и без передышки, как будто читал по учебнику, — столкновение человека, носителя высокого гуманного идеала, с жестокой правдой действительности. Апостол Петр отрекается здесь от Христа, как бы осуществляя высказанное вечером пророчество: «Еще трижды не пропоет петух, и один из вас предаст меня». Душевная драма, которую

переживает Петр, обуславливается необходимостью сделать выбор: либо предать своего уже арестованного учителя, либо самому оказаться под стражей. Молоденькая служанка, поднеся свечку к лицу Петра, говорит: «И этот был с Христом из Галилеи». Воин в шлеме, готовящийся отпить вино, опускает флягу и с подозрением смотрит на старика. На лице апостола, застигнутого врасплох, выражается мучительная борьба. Его одухотворенное лицо контрастирует с грубой и жестокой физиономией римлянина, а юные черты девушки как бы образуют переходную ступень между этими двумя...

Наступило молчанье.

— А эту служанку он писал со своей знаменитой Саскии, — пояснила хозяйка.

— Н-не совсем, — замылся плечистый. — Саскии тогда уже не было.

— Хотя да. Точно, — поправилась Лин. — С этой второй своей жены... Как ее?

— Хендрикье тоже не было. Она умерла раньше. Картина датируется 1660 годом. Видимо, какая-то случайная натурщица.

— Ах, верно! — согласилась Лин. — 1660-й, естественно. Но все равно. Я просто сама не своя с тех пор, как этот шедевр в нашем доме. Подлинник Рембрандта! Я вся изревелась. — Она достала из кармана платочек и вытерла глаза. — Вчера поднялась сюда одна, сижу реву и все думаю: «Великий Рембрандт. Он стоял перед этим вот самым холстом, и перед ним была Саския...» То есть думаю: «Он стоял перед этим самым холстом, и перед ним была случайная натурщица». Часа два просидела. — Хозяйка внезапно повернулась к Чисону. — Знаете, чего мне это стоило?

— Конечно, — сказал Лех. Он уже приспособился к манере Лин Лякомб. — Больших душевных...

— Нет, я в смысле денег. Четыреста тысяч! Почти годовой доход завода Веды.

Все значительно помолчали.

— Давайте всмотримся в нее еще раз.

Всмотрелись.

— Даже трещинки в краске все подлинные, — сказала хозяйка. Ну, пойдемте. — Она взглянула на часики-перстень. — У нас еще пять минут до сеанса. Мы со Скрунтом успеем показать вам наше второе достижение.

Пока они спускались, Лин Лякомб объяснила:

— Понимаете, теперь все доступно. За то время, пока вас не было, Лех, мы сделали из Скрунта великолепного художника и отличного стрелка.

На столе лежал спортивный пистолет «Б-8» и грудка патронов. Лин протянула пистолет супругу.

— Увидите, как он стреляет. Попадает в монету на лету. Почти что мировой рекорд. Фирма «Доступный спорт». За десять тысяч он стал стрелком-рекордсменом. Во сне. Здорово, да? Ну, давай, Скрунт.

Молчаливый Скрунт зарядил пистолет, расставил ноги и поднял правую руку.

— Он попадает в монету на лету.

Лин Лякомб пошарила в карманах платья, извлекла монетку и с полным бесстрашием стала к стене как раз под пистолетное дуло.

— Раз... Два... Три!

Монета взлетела. Грянул выстрел.

— Блеск, верно? — Лин нагнулась, ища монету. — Сейчас я вам покажу след от пули. Ага, вот она...

Никаких следов на монете не было.

— Странно. Ну, еще раз.

Она вернулась к стене.

— Внимание! Два...

Скрунт невозмутимо поднял пистолет.

— Три!

Выстрел.

Лин Лякомб подобрала монету и выпрямилась с покрасневшим лицом.

— Вот... Хотя нет. Опять ничего. Странно. Ну, неважно. В общем все равно понятно, что здорово, да? Теперь идемте в зал. Самое главное: Бетховен будет играть Лунную сонату. Лично. А уж после Бетховена мы продемонстрируем, как Скрунт теперь рисует.

Они миновали лестничную площадку с копиями греческих скульптур и вышли на южную половину дома. Тут-то и стало понятно, как сильно перестроили особняк. Перекрытия двух этажей сняли, образовался огромный трехсветный зал. Установка заполняла его почти целиком, оставляя место только для небольшой площадки, огороженной со всех сторон канатами наподобие ринга для бокса. Тут и там на полу валялись груды мусора и штукатурки. Всюду тянулись кабели и провода.

На площадке за канатами были поставлены роаяль и стул.

Лин Лякомб усадила Леха с Чисоном в кресла, села сама и вдруг вскочила.

— Черт! Совсем забыла. Жанена ведь должна прийти. Позвоню ей.

Представитель фирмы тоже куда-то отлучился. Лех и Чисон остались наедине с хозяином дома.

Некоторое время царило молчанье. Потом Скрунт неуверенно пошевелился.

— Хорошая сегодня погода, да?

— Погода? — Чисон посмотрел в окно. — Да, ничего... Хотя, впрочем, собирается дождь.

Еще помолчали.

Лин вернулась.

— Ерунда какая-то! Все помешались на этой материализации. У Бельтайнов сегодня материализуют Мильтона, Жанена идет туда. Идиотизм! Представляешь себе, — это относилось к мужу, — Клер Бельтайн и Мильтон. Она же полная дура.

Подошел представитель фирмы.

— Можно начинать?

Хозяйка кивнула, успокаиваясь.

— Пожалуйста. Только сначала скажите несколько слов. Что мы сейчас увидим, и так далее. — Она уселась в кресле удобнее. — Дайте сигарету, Лех.

Пмоис откашлялся, затем посмотрел на установку.

— Смонтированный здесь квадратный материализатор представляет собой в известном смысле венец усилий фирмы, поставившей своей целью дать нашим клиентам возможность познакомиться с величайшими произведениями искусства в интерпретации их прославленных авторов. Мильтон, декламирующий отрывки из «Потерянного рая»; Шекспир, разыгрывающий перед публикой сцены из «Гамлета»; Шопен, исполняющий свои бессмертные фортепьянные баллады, — таков был наш идеал. Предлагаемая вашему вниманию материализация Бетховена является плодом примерно двухлетней напряженной работы. Научные лаборатории фирмы, во-первых, переработали всю доступную информацию о композиторе, во-вторых, по особой договоренности извлекли частицы праха из могилы гения и, в-третьих, учли биопсихологические характеристики живущих в настоящее время отдаленных родственников материализуемого лица. На основе всего этого возникнет живой биологический аналог Бетховена: возрожденный к новой, хотя и недолговечной, жизни человек прошлого века. Вместе с тем оживший автор Девятой симфонии явится перед нами, господа, как материализованное представление о нем. В этом смысле он будет более правильным Бетховеном, чем даже тот, которого знало девятнадцатое столетие. Наш экземпляр... Простите, что вы сказали?

— Ничего, — ответила Лин Лякомб. — У меня погасла сигарета. Продолжайте.

— Наш экземпляр освобождается от мелочей быта и от не учитываемых наукой случайностей. При этом, строго говоря, Бетховен будет Бетховеном только первые полчаса. Далее начинается неизбежный процесс приспособления к нашему веку и нашему окружению, что повлечет за собой выработку у личности некоторых новых качеств при утере некоторых старых. Принимаемая во внимание, что действие квадратного по... Извините, что вы хотели?

— Я схожу позвоню Виксам. Может быть, они придут.

— Да, конечно.

Лин Лякомб вышла.

Несколько секунд было тихо, потом Лех и Скрунт одновременно издали какой-то горловой звук.

— Простите, вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Я ничего. Это вы хотели что-то сказать.

— Я тоже ничего.

Еще помолчали.

Хозяйка вернулась.

— Альфред говорит, что они у Иды Элвич. Но Иде я звонить не буду. — Она уселась. — Давайте приступать.

Пмоис кивнул.

— Сейчас.

— А разговаривать с ним можно будет?

— Естественно. Только не входите в границы квадратного поля. — Он задрал голову. — Эй, у вас все готово?

— Ага! — донеслось сверху,

— А у вас?

— Да.

— Включайте.

Прозвенел длинный тревожащий звонок. Что-то загудело. Томление нависало в зале, запахло электричеством. За канатами на площадке возникло светящееся пятно с темной областью в центре. Оно уплотнялось.

— Бетховен, — прошептала Лин и облизала губы.

Серое пятно еще уплотнилось, образуя формы сидящего на стуле человека в темном камзоле, с темным галстуком поверх кружевного жабо. Голова и руки сначала были почти прозрачными, потом загустели. Лицо покраснело.

Кто-то из сидящих громко сглотнул.

Человек у рояля выпрямился, поднял голову, невидящим взглядом скользнул по физиономиям хозяйки и ее гостей. На лице его выразилось страданье. Он повел рукой возле уха, как бы отгоняя что-то.

— Какой маленький! — прошептала Лин Лякомб.

— Бетховен и был небольшого роста, — сказал Чисон.

— Тише, — попросил представитель фирмы. — Материализация совершилась. Вы хотели послушать Лунную?

— Да, да, Лунную. — Лин заложила ногу на ногу и откинулась на спинку кресла.

Пмоис сделал знак механикам.

— Выключите.

— Угу.

Гудение смолкло.

— Сосредоточьте его на Лунной. Опус двадцать седьмой. Притормозите все остальное.

— Сосредоточили.

— Ну, давайте, — сказала Лин Лякомб. Она склонила голову набок и полуприкрыла глаза. — Давайте.

Человек у рояля закусил губу и помотал головой. Он задумался. Потом положил руки на клавиши и стал играть.

С минуту все слушали. Затем Лин недоуменно посмотрела на представителя фирмы.

— Что-то не то.

Представитель пожал плечами.

— Да, почему-то сразу вторая часть. Аллегретто.

— Зато он освобожден от мелочей быта, — сказал Чисон. Какое-то смутное раздражение нарастало в нем. Он не мог его подавить.

— Что? — Лин повернулась к нему.

— Я говорю, он освобожден от мелочей быта. От случайностей.

Пмоис мельком взглянул на Чисона. Потом он встал и задрал голову.

— Эй! Остановите его и дайте сильное торможение. Пусть начнет сначала,

Наверху завозились. Щелкнул какой-то переключатель. Человек в камзоле опять помахал рукой возле уха. Что-то боролось в нем. Он положил руки на клавиши и затем снял их. Потом придвинулся ближе к роялю и сыграл Лунную сонату от начала до конца.

Умолкли последние аккорды.

— Блеск! — воскликнула Лин. Глаза у нее сияли. Она схватила руку Леха и приложила к своей щеке. — Чувствуете? Я вся горю. — Она повернулась к Пмоису. — Теперь можно с ним поговорить, да?

— Пожалуйста. Только имейте в виду, что скоро начнется прикосновение и надо будет все прекратить.

Хозяйка подалась вперед.

— Алло! Как вы себя чувствуете?

Молчание.

— Он же не понимает, — сказал представитель фирмы. — С ним нужно говорить по-немецки.

— Ах, верно! Действительно, по-немецки. Я как-то упустила из виду... Кто-нибудь знает немецкий?.. Вы случайно не знаете?

Чисон пожал плечами.

— Как-то глупо получилось, — сказала Лин. — Нельзя тогда быстро переделать его в Байрона, например?.. Нет, нельзя? Тогда для чего мы все это предприняли?.. — Затем ее лицо вдруг просияло. — Постойте, я сама вспомнила.

Она вскочила, подошла к самым канатам и, вытянув шею, прокричала:

— Sprechen sie deutsch?

И с торжеством оглянулась на гостей.

Человек в камзоле что-то брезгливо пробормотал. Разобрать можно было только «...onperwetter».

— Время истекает, — сказал Пмоис. — Надо начинать дематериализацию.

Он поднялся, сделал несколько распоряжений. Все пошло обратным порядком. Раздалось гуденье. Сильнее запахло электричеством. Человек на стенде делался прозрачным. Через несколько секунд все было кончено, установку выключили.

— Я сейчас приду, — сказала Лин Лякомб и сорвалась с места, стуча каблуками.

Мужчины закурили.

Хозяйка появилась разгневанная.

— Слушайте, я все-таки позвонила Иде Элвич, и, оказывается, они тоже воссоздавали Бетховена. Разве так можно? — (Представитель фирмы развел руками.) — Хотя, с другой стороны, это даже интересно. — Лин задумалась на миг. — Сделать двух Бетховенов, например, а между ними поставить эту, как ее... которой он посвятил Лунную.

— Джульетту Гвиччарди, — сказал Пмоис.

— Да, да. Или даже целый оркестр из одних Бетховенов. Вот была бы штука! А рядом более современный оркестр — из Равелей. И послушать, что лучше. — Она резко повернулась к Чисону. — Что же, идемте обедать. А после мы покажем, как Скрунт рисует, хорошо?

Чисон посмотрел на Леха.

— Пожалуй, сегодня нет. В другой раз.

Хозяйка согласилась с птичьей легкостью.

— Ну, как хотите. Пойдемте тогда еще раз взглянем на Рембрандта.

Никто не возражал, и они поднялись снова в светелку на третьем этаже.

Постояли перед «Отречением».

— Удивительно, — с фальшивым восхищением сказал Чисон. Он протянул руку и дотронулся до картины. — Совершенно подлинная трещинка.

Хозяйка смотрела на «Отречение святого Петра» каким-то странным взглядом. Губы ее были плотно сжаты.

— Черт возьми, я была абсолютно уверена, что эта служанка — Саския. — В ее голосе звучало разочарование. — Или, на худой конец, Хендрикке. — Она злобно взглянула на Пмоиса. — Почему вы меня раньше не предупредили?

В вестибюле она сказала Чисону с Лехом:

— Так вы приходите еще через неделю. Знаете, какая мысль мне пришла в голову? Мы воссоздадим Фидия, и он сделает мой скульптурный портрет. При нас же. И кроме того, Скрунт прочтет лекцию о направлениях в современной физике. Он у нас скоро будет ученым. Фирма «Доступная наука». Они из любого берутся сделать Оппенгеймера.

Лех и Чисон пошли.

Отовсюду неслась музыка. Хозяева особняков пели почти как Карузо. Играли на рояле почти как Рахманинов. Наверное, они еще писали картины почти как Мазереель или Швабинский. Благодаря новым методам можно было стать чуть ли не гением — и без всякого труда.

Лех и Чисон вступили на мостик через канал, когда позади раздался скрип автомобильных тормозов.

— Эй!

Они обернулись.

Из-за руля желтого лимузина Скрунтов выглядывал лакей Ульрих. Он поспешно вышел, держа в руках здоровенный пакет.

— Мистер Лех?

— Ну?

— Миссис Лякомб дарит вам картину «Отречение святого Петра». Подлинник.

Лех неуверенно взял картину. Лакей Ульрих влез в машину. Автомобиль дал задний ход, съехал с мостика, развернулся и укатил.

Лех посмотрел на пакет, затем на Чисона. Внезапно его провало:

— Никакой это не Рембрандт. Все собачья ерунда. Ту картину действительно Рембрандт писал. И мучился и переживал с ней. А это...

Он размахнулся и швырнул второй подлинник в черную тяжелую воду канала. Отряхнул руки и повернулся к Чисону.

— И Бетховен — это тоже не Бетховен.

Они пошли дальше и, не сговариваясь, остановились у большого дома. У подвального окна.

Все так же доносились звуки разбитого рояля.

Женский голос сказал:

— Подожди. Вот опять неправильно. Как ты берешь педаль? Педаль должна быть как лунный свет... И потом вот тут у тебя легато... Ну, начни еще раз.

И голос девочки ответил:

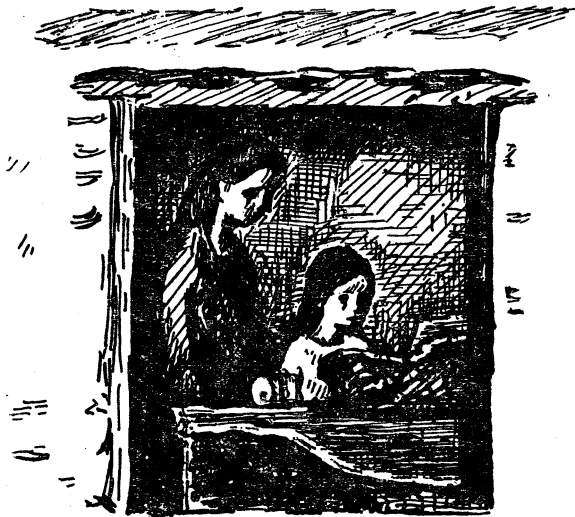
— Сейчас, мама.

Прятели слушали, потом Чисон поднял руку.

— Вот это действительно Бетховен!

И они побрели дальше.

(На самом-то деле это был не Бетховен, а Мендельсон: «Песня без слов» же. Но все равно Чисон был прав.)

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Понимаете, меня очень заинтересовало поведение некоторых микроорганизмов, — Михаил обращался больше к Базанову, чем ко мне. — Помните их странное поведение, когда мы погружались в ущелье? Они почему-то опустились на большие глубины, хотя по всем признакам должны были, наоборот, держаться в верхних слоях воды.

— Ну и что ты хочешь сказать? — поторопил его я.

Но он продолжал тем же размеренно-академическим тоном и все так же обращаясь к Базанову:

— И незадолго перед тем, как произошло подводное землетрясение и мы попали под обвал, я заметил, что бактерии (тут он ввернул какое-то совершенно непривычное латинское название) во всех пробах забортной воды, словно по команде, опустились на дно пробирок...

Окончание. Начало см. «Искатель» № 1, 2.

— Забавно, — передразнил его я. — Да при чем тут землетрясение?

Я говорил, пожалуй, излишне резковато и зря передразнивал его. Но это, наверное, оттого, что мне стало немного стыдно. Только теперь я понял, почему так упорно возился Мишка со своими пробирками в самые неподходящие для этого моменты.

— Чем ты можешь доказать, что эти два явления связаны между собой, — блуждания твоих микробов в пробирке и землетрясение? — продолжал допытываться я.

— Какая-то несомненная связь определенно есть, — упрямо ответил он. — Конечно, нужны дополнительные наблюдения. Но сейчас они снова опустились на дно. Есть возможность проверить.

В этот предраусветный час океан совсем успокоился. Волны ласково и лениво лизали камни новорожденного островка. Даже ветер стих.

— Ерунда, — сказал я. — Ты посмотри, какая тишь и благодать кругом. Случайное совпадение, а тебе уже кажется, будто мимоходом сделал гениальное открытие и ошастливил человечество безошибочным методом прогнозирования землетрясений. Просто ты переутомился, наблюдая за своими козявками, голову ушиб, когда падал.

— Подожди, не тарaxти, — оборвал меня, поморщившись, Базанов.

— Но здравый смысл, Константин Игоревич...

— Здравый смысл долго отрицал вращение Земли вокруг Солнца.

Он снова повернулся к Михаилу.

— Какую же связь все-таки ты усматриваешь между поведением микробов и землетрясением? В чем она заключается?

— Не знаю. Но они явно ощущают приближение землетрясения за несколько часов. Может быть, незаметно для наших приборов меняется сила тяжести или магнитное поле в данном районе, и они это ощущают. Ведь каждому землетрясению предшествуют медленные и скрытые накопления напряжений в земной коре, так?

Теперь он уже обращался ко мне.

— Так. Но пока у нас нет приборов, которые бы эти постепенные изменения могли уловить, — ответил я.

— А почему ты думаешь, что природа не наделила такими способностями некоторые живые существа? Кузнечики, например, улавливают колебания почвы, амплитуда которых не превышает по своим размерам диаметра атома водорода. Такой же чувствительностью обладают и водяные пауки, ориентирующиеся по неуловимым приборами колебаниям водной поверхности...

Иногда Мишка становится упрямым как черт!

— Расскажи нам еще про рыбок в японских аквариумах, которые якобы своим поведением предсказывают землетрясения, — напустился я на него. — Или как мечутся перед землетрясением кошки и собаки. Все это гипотезы, домыслы, пока столь же ненаучные, как и весьма распространенное

мнение, будто барометр предсказывает погоду. Рассвет на необитаемом острове — самое подходящее время для таких популярных лекций!

Я демонстративно зевнул, сладко потянулся и полез в спальный мешок.

— Вы как хотите, а я буду досыпать.

Михаил посмотрел на Базанова, пожал плечами и молча пошел к батискафу, уже начавшему смутно выделяться на фоне светлевшего неба.

— Зря ты так, — сердито сказал мне Базанов.

Я промолчал. Базанов задумчиво повздыхал, потом тоже забрался в спальный мешок. Но минут через пять он укоризненно сказал:

— Наверное, обиделся парень.

Я продолжал молчать, притворяясь спящим, даже издал довольно убедительный храп.

Базанов еще повздыхал, поворочался, потом начал вылезать из мешка. Приоткрыв один глаз, я видел, как он пошел к батискафу. Ну и ладно, а я буду спать.

Я в самом деле быстро уснул. Но тут же меня решительно растолкал командир.

— Вставай, — коротко приказал он. — Надо уходить.

— Куда уходить?

— В море.

Уже почти совсем рассвело.

Я разозлился:

— Вы все-таки поверили в его теорию?

— Не знаю. Кажется, приближается цунами. Быстро на борт!

Я торопливо вскочил.

— А о цунами-то вы откуда узнали?

— Посмотри на океан.

Океан был совершенно спокоен.

Я вопросительно взглянул на Базанова.

— Ты видишь, как далеко отступила вода? — спросил он, свертывая спальный мешок. — И прибой стих.

В самом деле, прибой смолк.

И теперь я заметил, что обнажилась широкая прибрежная полоса, еще недавно бывшая под водой.

Вода отступала прямо на моих глазах, словно вырастал и поднимался все выше остров или стремительно мелел Тихий океан.

И все это в полной зловещей тишине...

— Может, это отлив? — неуверенно пробормотал я.

— Какой отлив! — закричал на меня Базанов. — Собирай поскорее вещи — и на борт. У нас в запасе не больше двадцати минут.

Его тревога заразила меня.

Мы быстро подхватили вещички и побежали к батискафу.

Обломки лавы словно нарочно подсовывались под ноги. Я спотыкался.

Батискаф уже почти сел на камни, так быстро убывала вода.

Базанов с ловкостью старого акробата нырнул в люк,

я поспешно отдал концы и втащил на палубу трап. Руки у меня дрожали.

В ту же минуту внизу глухо зарокотал мотор, голубоватый дымок потянулся из вытяжной трубы.

С противным скрежетом царапнув дном о какую-то скалу, наш кораблик отошел от берега. Еще минута — и он бы застрял на скалах. Они уже оскаленными клыками выступали из воды.

Через переговорную трубку я подсказывал Базанову, куда поворачивать, чтобы поскорее отойти дальше от берега.

— Оглянись, не подходит ли волна, — непонятно ответил он мне.

Я оглянулся и обмер.

С востока, из просторов океана, стремительно мчалась к нам громадная волна.

Она стеной выросла у меня на глазах, вздымаясь к затянутому облаками небу. Казалось, океан и небо вот-вот сомкнутся. А между нею и нами море оставалось по-прежнему совершенно спокойным.

Исполинская волна мчалась навстречу мне в полном безветрии и тишине — и это было особенно страшно.

Если бы я не оглянулся вовремя...

Я поспешно спустился в люк и начал торопливо закручивать его стальную крышку. Руки не слушались, пальцы срывались с болтов...

Круглый стальной колодец вдруг наполнился звоном и гулом.

Меня со страшной силой сорвало с лестницы и швырнуло вниз.

Падая, я ударился обо что-то головой...

Голова тоже загудела, словно металлическая.

В глазах замелькали радужные круги, и больше я ничего не помню.

10

«09.45. Координаты неизвестны. Волнение усиливается. Вынуждены уйти в открытый океан...»

Очнулся я от резкой боли в голове. Надо мной склонился Базанов с какой-то склянкой в руках. Воняло йодом.

— Лежи спокойно, рана пустяковая. Сейчас еще прижгу.

Так защипало, что я скрипнул зубами и, кажется, выругался.

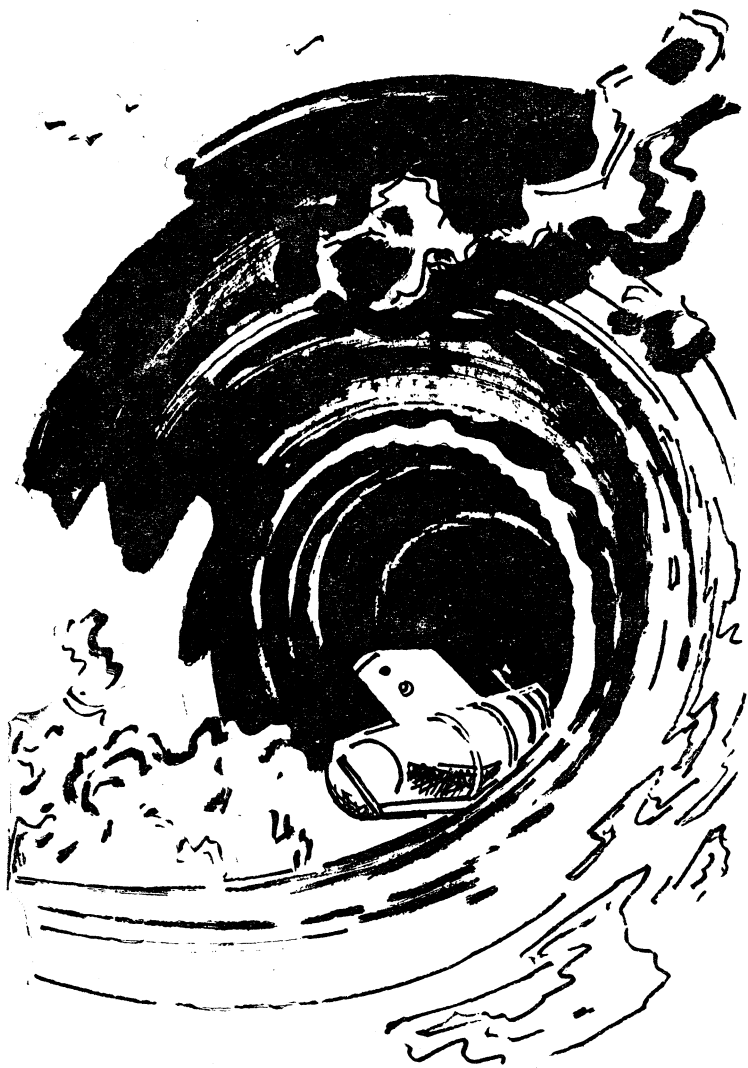
— Ага, быстро ты поправляешься, — насмешливо сказал Базанов.

— Ну как? — высунулся из-за его плеча Мишка.

— Нормально. Только в башке очень гудит.

Тут нас накрыла вторая волна. Батискаф опять начало швырять словно щепку. Михаил облапил меня как медведь, а Базанов бросился к пульту управления.

Когда волна прошла, Михаил забинтовал мне голову. Я уже настолько ожил, что снова начал задираить его:

— Ну, так что же предвещают твои плавучие букашки? Что где-то когда-то произойдет землетрясение? Хорошенькая точность! Да я и так могу совершенно точно сказать, что нынче на Земле произойдет землетрясение. Поскольку их бывает сотни две-три в год, мой прогноз всегда оправдывается. Или теперь ты начнешь утверждать, будто твои микробы предсказывают приход цунами...

Я болтал и не мог остановиться.

— Ладно, потом посмотрим, — проворчал Михаил. — Ты помолчи, тебе вредно волноваться.

И тут налетела третья волна...

Похоже, она была больше всех. Все звенело, гремело, грохотало.

Даже сталь жалобно стонала под ударами...

Мы катались по мокрому полу, стараясь не поломать себе руки и не разбить головы. Ухватиться было не за что.

Но мы остались целы! И кораблик наш устоял, не рассыпался, не утонул.

Я все больше и нежнее влюбляюсь в него. Отличная все-таки у нас «лодка». Три такие волны обрушились на нас, а она цела.

Базанов поднялся в рубку, чтобы осмотреться вокруг в верхние иллюминаторы, не открывая люка. Вернувшись, он сказал:

— Кажется, цунами больше не предвидятся. Выждем для страховки некоторое время, потом вернемся к острову. Надо наладить рацию, а это лучше делать на берегу. И аккумуляторы зарядим до конца.

Мы выждали час, успев за это время позавтракать, потом я решил подняться наверх.

— Куда? Опять хочешь свалиться? — окликнул меня Базанов.

— Должен же я приглядывать за своим островом, раз открыл его? Не бойтесь, не свалюсь: у меня уже теперь есть опыт. И должен же кто-то наблюдать, что делается наверху! А Мишка пусть вам помогает.

Открыл крышку люка, прислушался — все было тихо и спокойно. Я высунулся до пояса и в бинокль начал отыскивать островок.

Интересно, как обошлись с ним цунами? Хотя он скалистый, невысоко поднимается над водой. Волны просто переступились через него, как и через наш батискаф...

Едва я успел подумать это, как батискаф сильно трянуло, словно он вдруг налетел на скрытый под водой риф.

Океан вокруг будто закипел. По нему замечались во всех направлениях беспорядочные волны, сталкиваясь между собой...

А над островом внезапно взметнулось багровое пламя, и грозный протяжный грохот звонким гулом отдался в металлической коробке рубки.

Остров превратился в вулкан! Из его жерла через равные промежутки времени вырывался темный, почти черный клубок пара и пепла... Он стремительно вырастал, принимая причудливые очертания какой-то исполинской ели с далеко раскинутыми ветвями.

Вот повезло: увидеть такое вблизи!

«Ель» начала клубиться, расплываться и постепенно превратилась в гигантский серый гриб... Новый столб пламени вырвался из кратера и пронзил нависшие облака. Высота его достигала, наверное, нескольких сотен метров!

Ого, это уже не шутки! Как бы нам из наблюдателей не стать жертвами катаклизма...

Я бросился вниз.

— Что случилось? — крикнул Базанов.

— Не знаю. Извержение вулкана, землетрясение, некогда разбираться. А может, все сразу — конец света. Надо уходить подальше от этого проклятого островка!

— Вот видите! Прогноз оправдался. Я был прав, — обрадовался Михаил. — Сначала землетрясение, потом извержение.

Я, придерживаясь за стенки, опять полез наверх, в рубку. Где же остров?

— Где мой остров?

Похоже, его больше нет. Там, где он был, пламя уже догорает, и все затянуто серым дымом...

А что это сверкает там, впереди? Еще одно извержение? Этого еще не хватало! Похоже, мы в самом деле угодили в огненное кольцо разбушевавшихся подводных вулканов.

Батискаф раскачивало и швыряло все сильнее. Оба мотора работали на полную мощность, но все равно мы уходили из опасной зоны слишком медленно.

— Что там? — спросил меня Базанов через переговорную трубку.

— Плохо видно, все время захлестывает иллюминаторы. Волна какая-то бешеная, мечется во всех направлениях.

— Далеко отошли от острова?

— Нет, не дальше мили. Но его, по-моему, больше нет. Там извержение затухает. Зато вправо по курсу на горизонте занимает какое-то подозрительное зарево. Не рождается ли там еще один островок и на вашу долю, командир...

К черту, надо спускаться вниз. Качаешься, как обезьяна на ветке. У меня, наверное, уже все тело в синяках от ударов о стенки этой проклятой трубы. И все равно ничего не видно, волны захлестывают даже верхние иллюминаторы.

Я с трудом сполз по лестнице.

— Что с тобой? — спросил удивленно Базанов и расхохотался. — Посмотри на себя.

— А что?

— Бинт у тебя уже не белый, а полосатый. Где ты так перемазался в мазуте?

Я только махнул рукой.

— Константин Иванович, температура забортной воды уже повысилась на пять градусов, — сказал Михаил.

— Надо уходить в глубину, — ответил Базанов.

Даже в кабине удержаться на ногах можно было теперь, только цепляясь за поручни на стенках.

— Надо уходить на глубину, — повторил Базанов.

Что он говорит? Опять погружаться?

Добровольно, по своей воле уходить в эту предательскую мрачную глубину, где мы едва не погибли?!

Я посмотрел на него, и в моем взгляде он явно прочитал затаенный вопрос: а если мы опять не всплывем?

Риск велик. Батискаф покалечен. И кто знает, может, мы

еще не все повреждения обнаружили, они дадут о себе знать под водой. Когда будет уже поздно...

И кислорода у нас осталось мало. Пока стояли возле островка, накачали воздух в два баллона. Но этого надолго не хватит.

А если останемся на поверхности? Нас совсем закачает и разобьет штормовыми волнами...

Что выбирать?

— Погрузившись, может быть, удастся связаться с берегом, — задумчиво сказал Базанов.

— Звуковой канал? — я понял его с полуслова.

— Да. Динамики я прочистил, акустическая система теперь работает нормально.

— Но уловят ли береговые станции такой слабый сигнал?

Базанов пожал плечами.

Звуковые каналы в океанах — одно из интереснейших открытий последнего времени. Во всех океанах на границе слоев воды с различной плотностью и температурой возникают как бы природные «переговорные трубы», звук по ним отлично распространяется на громадные расстояния.

Это любопытное явление уже успешно используется для «прослушивания» океана. Приемники, установленные в прибрежной полосе на той глубине, где располагается ось звукового канала, могут за несколько часов уловить шум приближающихся волн цунами или определить по взрыву специальной сигнальной бомбы, где потерпел аварию самолет среди безбрежной водяной пустыни.

Может быть, и наши сигналы уловят станции прослушивания? Акустическая система рассчитана только на переговоры из-под воды с близким кораблем, ее сигналы недостаточно сильны. Но по звуковому каналу они могут уйти дальше...

— Попробуем, — сказал я.

Базанов перевел взгляд на Михаила. Тот молча кивнул.

Базанов подошел к пульту, положил исцарапанные руки на штурвал.

Трусит? Базанов?

— В чем дело, командир?

Он молча повел плечами, словно сбрасывая с них какую-то тяжесть, и начал медленно поворачивать штурвал.

11

«17.45. Снова поднялись на поверхность. Координаты неизвестны. Небо по-прежнему затянуто облаками. Волнение: накат 2—3 балла...»

Трудный нынче выдался денек.

Трижды мы уходили в глубину. Каждый раз Константин Игоревич через равные промежутки времени сообщал по гидроакустическому телефону о нашем положении. Но услышал ли кто-нибудь нас на берегу, до которого сотни миль? Это было поистине глас вопиющего в океанской пустыне...

И ведь важно, чтобы нас услышало не менее двух береговых станций, иначе они не смогут запеленговать наше местонахождение. По-моему, шансов на это мало...

Кончался запас воздуха, и нам приходилось снова всплывать, чтобы его пополнить. А океан расхотелся все грознее и грознее.

Швыряло волнами наш батискаф безбожно. Базанов и Михаил еще как-то держались, а я совсем укачался, несколько раз меня начинало рвать. Забыв обо всех опасностях, я каждый раз с нетерпением ждал, когда же снова можно будет хоть ненадолго погрузиться в такой спокойный и тихий мир глубин.

А Мишка все брал пробы планктона и рассматривал их при свете лампы.

— Ну, что еще хорошенького предвещают твои букашки? — не удержался я.

— Пока все время держатся примерно на одном уровне. Если моя гипотеза правильна, в ближайшее время нового землетрясения в нашем районе не предвидится.

— Ты так уверенно это заявляешь, будто твоя так называемая гипотеза уже давно стала общепризнанной теорией.

— А почему бы и нет? — поспешил вступить Базанов. — Ведь, кажется, доказано, что многие животные заранее чувствуют грозящее землетрясение.

— Есть некоторые наблюдения, но, конечно, еще недостаточно проверенные, — ответил Михаил. — Понятно, в разгар землетрясения бывает не до наблюдений, а потом, задним числом можно и присочинить детали. Но говорят, будто за несколько часов до трагического землетрясения в Югославии, когда в 1963 году был разрушен Скопле, очень беспокойно вели себя многие обитатели городского зоосада. В полночь — это за пять часов до начала землетрясения — почему-то громко завывала гиена. Потом стали метаться в своих клетках тигры и лев. Внезапно тревожно затрубил слон, напугав сторожей. Но никто, разумеется, не мог тогда это сопоставить с грядущим сотрясением земли.

А Мишка продолжал приводить примеры:

— И перед сильным землетрясением 1954 года в Алжире было замечено, что многие домашние животные покинули жилища, отошли от них на безопасное расстояние. Те из людей, кто обратил на это внимание и последовал их примеру, остались живы. Видимо, предчувствуют животные даже извержения. При извержении вулкана на острове Мартиника за полминуты оказался стерт с лица земли город Сен-Пьер. В его развалинах потом раскопали тела тридцати с лишним тысяч погибших людей — и всего один-единственный труп зазевавшейся кошки: все остальные животные успели заблаговременно покинуть обреченный город.

Мишка вдохновенно заключил:

— А морские микроорганизмы должны быть еще более чуткими к тончайшим изменениям магнитного поля, гравитации, давления...

— Это все одна болтовня! — довольно грубо оборвал

я. — Собачки лают, кошечки бегают, букашки то всплывают, то опускаются на дно... А науке нужны бесспорные доказательства. Каким чудесным органом могут эти твои букашки, состоящие всего из одной-единственной клетки, улавливать скрытые напряжения в земной коре?

— Вероятно, это как-то связано с химизмом воды. Он меняется, и они это чувствуют, соответственно реагируют. Если даже тут замешаны изменения гравитации или магнитного поля, то все равно их воздействие на живой организм должно происходить путем изменения химизма...

— Химизма... Нашел химиков.

— Конечно, все это пока лишь предположения, — сказал, вздохнув, Мишка. — Работы предстоит много. Надо уточнить, за сколько времени и на каком именно расстоянии от эпицентра землетрясения начинают микроорганизмы погружаться в нижние слои воды. Это будет, пожалуй, довольно сложно сделать. Для проверки нужны землетрясения, а я ведь не могу, к сожалению, устраивать их по своему усмотрению...

— Командир, давайте опять нырнем, — взмолился я. — Совсем закачал.

— Пожалуй, он прав, Константин Игоревич, — поддержал меня Михаил. — Мне тоже что-то не по себе. Давайте опустимся хоть на пару часов.

Готов поклясться, что ему просто хочется взять еще одну пробу своих букашек...

— Ладно, — сказал Базанов, — погрузимся еще разок.

И опять он почему-то мешкал, долго возился у пульта. Честное слово, он боится уходить под воду, наш железный командир. Но почему? Ведь все, кажется, в порядке?

Какое блаженство было уже через несколько минут избавиться от качки! Мы не стали нырять глубоко, всего на сорок пять метров. Но и здесь было спокойно и тихо.

Мишка, конечно, опять начал возиться с пробирками. А я завалился спать. Правда, сколько же сна в меня влезет? Может, сонная болезнь начинается?..

Проснулся я, когда мы уже всплыли. Качка заметно уменьшилась. Значит, шторм утихает, скоро конец нашему плену. Хотя когда еще нас найдут? Ведь своим ходом мы до берега не доберемся. А пока ищут, может разыграться новый шторм, еще сильнее. Время осеннее...

— Что сейчас: утро или вечер? — спросил я, собираясь сделать очередную запись в судовом журнале.

— Вечер, — засмеялся Базанов. — Можешь ложиться спать.

— Нет уж, давайте в таком случае ужинать. Погружаться, кажется, больше не придется?

— Надеюсь, — ответил Базанов.

— Мне кажется, вы больше всех этому рады, командир. Что-то, я заметил, вы каждый раз нервничали, когда уходили на глубину. Почему? Или опять что не в порядке?

— Нет. Машина в порядке.

— Значит, просто и у вас нервы начали сдавать?

Он смотрел на меня долго, с какой-то грустью, потом сказал:

— Какой ты все-таки еще молодой! Совсем щенок.

— То есть?

Он опять долго молчал, раскладывая на куске брезента, заменявшем нам стол, галеты, шоколад, ложки. Потом начал открывать консервы и, не поднимая головы, тихо сказал:

— Это только кажется, мальчики, будто мы с вами смотрим на мир одинаково. Ты с какого года?

— С тридцать восьмого.

— А я с двадцать третьего. На пятнадцать лет старше.

— Ну и что?

— А то, что, пока ты был еще пацаном, я уже воевал. В сорок втором, подо Ржевом, разорвался снаряд... И меня завалило, засыпало в блиндаже. Отделался легко, но откопали меня только через три часа. Вот с этого и началось...

— Клустрофобия? — тихо спросил Михаил.

Базанов кивнул.

— Да, так она называется по-латыни... красиво. Боязнь замкнутого пространства.

— Как же вы стали подводником?

— Стал. Поборол себя. И вы ничего никогда не замечали, верно? Но вот память об этих трех часах, оказывается, все-таки живет во мне. Черт ее знает где: в мышцах, в костях, в крови, в нервах?

Он замолчал, и мы молчали.

Я представил себе, что он должен был испытывать, когда заставлял себя погружаться в этой тесной жестянке... Да еще после того, что мы пережили.

Наверное, сразу начинаешь задыхаться, стальной потолок давит на плечи. А стены сдвигаются, вот-вот раздавят...

— А вы очень храбрый человек, командир, — сказал я.

Он невесело усмехнулся.

— Храбрость, мальчики, — это просто знание того, чего надо бояться, а чего — не надо... Давайте ужинать.

После ужина я решил подняться наверх, чтобы немного проветрить голову.

Океан был мрачен, но чертовски красив. С востока одна за другой натились невысокие пологие волны — «накат». Они плавно и мерно раскачивали батискаф.

Ветра почти не было. Похоже, что облака опять не разгонит к утру. Если не удастся, наконец, наладить рацию и связаться с «Богатырем», придется, конечно, еще целый день болтаться в океане. Из-под воды вряд ли кто слышал.

Кто-то потянул меня за ногу. Мишка.

— Чего тебе?

— Дай и мне подышать.

Я неохотно начал спускаться, уступая ему место. Он поднялся наверх, я хотел уже прикрыть за ним люк, чтобы не выстудило кабину...

Вдруг Михаил нагнулся в колодец рубки и крикнул:

— Самолет!

— Где?!

Я торопливо поднялся к нему. Уместиться вдвоем в рубке было нелегко. Мы стояли в обнимку, тесно прижатые друг к другу.

Да, откуда-то из облаков доносился глухой рокот мотора. Самолет! Значит, нас услышали, ищут!

Его не было видно за облаками, и, судя по затихающему звуку, он удалялся.

— Константин Игоревич, давайте ракетницу! — заорал я не в переговорную трубку, а прямо в шахту рубки.

Базанов подал мне ракетницу.

Я зажал ее обеими руками и спустил курок, целясь вслед затихающему за облаками гулу мотора.

Вспышки ракеты я не увидел, ее скрыли нависшие облака. Тут же снова нажал курок...

Потом выпустил третью ракету, четвертую...

Базанов что-то крикнул мне снизу. Но я снова нажал курок... И вместо гулкового выстрела услышал сухой металлический щелчок.

— Осечка?

— Давайте еще ракеты, командир! — закричал я.

— Больше нет... Я же кричал тебе, чтобы поберечь, — глухо донеслось снизу.

— Забавно, — пробормотал Михаил.

Я прислушался, вертя во все стороны головой и сняв шапку.

Было совсем тихо.

Самолет улетел, не заметив сигналов. А ракет больше нет, и рация не работает.

Вздохнув, я уже начал спускаться по лесенке, в душе кляня себя последними словами за такую промашку...

— Он возвращается! — схватил меня за плечо Михаил. — Слышите?

Да, это слабый рокот мотора. Теперь он приближается!

Но что толку? Ведь он не увидит нас из-за облаков.

И тут самолет вдруг вынырнул из облаков — совсем не там, куда мы смотрели, ошибочно ориентируясь по звуку.

Он мчался к нам совсем низко, почти касаясь воды. Значит, летчик видел ракеты.

Мы спасены!

ТАК ДЕРЖАТЫ

1

Вечером в кают-компании «Богатыря» по настоянию начальника экспедиции кандидат биологических наук Михаил Андреевич Агеев сделал краткое предварительное сообщение о наблюдениях над поведением некоторых микроорганизмов планктона и о своей гипотезе по этому поводу.

Он был в черном костюме, тщательно побрился и даже причесал непокорные вихры. Но поскольку докладчик то и дело ерошил волосы, прическа его скоро приняла обычный вид.

Михаил уже заканчивал свое сообщение, когда в кают-компанию вошел дежурный акустик. Пробравшись к начальнику экспедиции, он молча протянул ему какую-то бумажку.

«Дед» свирепо глянул на него, громко засопел, но сдер-

жался и полез за очками. Прочитав то, что было написано на бумажке, он вдруг громко, на всю кают-компанию, крикнул и посмотрел на докладчика.

Михаил остановился на полуслове.

— Скажите, Агеев... — начал старик, но, не докончив фразы, махнул рукой. — Ладно, продолжайте.

Михаил стал неуверенно продолжать, но «дед» тут же перебил его снова:

— Агеев, когда вы последний раз наблюдали за своими микробами?

— Последний раз? Перед тем, как идти сюда.

— Это около часа тому назад?

— Да. А что, Григорий Семенович?

— И как они себя вели?

— Нормально. Держались, как и прежде, примерно в центре пробирки. А что такое?

— А то, уважаемый исследователь, что ваша гипотеза яйца выеденного не стоит! — рявкнул старик, размахивая загадочной бумажкой. — Вы тут поете соловьем, мы все развесили уши, а именно в этот момент, всего пять минут назад, в сорока милях отсюда произошло очередное землетрясение. Вот мне только что принесли копию сейсмограммы.

Наступившая немая сцена выглядела весьма живописно. Докладчик стремительно бросился к двери...

2

— Они погибли, — мрачно сказал Михаил.

Он стоял посреди каюты, зажав в кулаке пробирку.

— Все погибли. Никаких признаков жизни. Забавно...

Базанов и Сергей сочувственно смотрели на него.

— Когда же это произошло? — продолжал бормотать Михаил, рассматривая пробирку на свет. — Надо было мне почаще менять воду. Как только нарушился приток свежей забортной воды, среда, конечно, изменилась. Как же я этого не учел?

— Ладно, не расстраивайся, — сказал Базанов. — Завтра же нырнем и наловим тебе новых.

— Точно, — поддержал его Сергей. — Главное, ты же прав. Даже неудача доказывает твою правоту. Твои козявки не смогли предсказать этого землетрясения именно потому, что погибли. Отличное доказательство!

Он осторожно, словно опасную игрушку у ребенка, отобрал у Михаила пробирку и задумчиво начал рассматривать мутноватую воду.

— Слушай, старик, а ты биохимический анализ проводил? — спросил он.

— Не успел.

— Надо этим заняться. Букашки стоящие. Но надо попробовать обойтись без них, раз они такие нежные и капризные.

— Как без них?

— Смоделировать, старик, смоделировать. На что они там нужны, сами микробы? Не будешь же ты все время сидеть

возле них, чтобы не пропустить момент землетрясения, да еще непрерывно омывать их свежей морской водой? Мы их создадим искусственно. Впрочем, именно их я вовсе сотворять не собираюсь. Ведь, чтобы создать робота, совсем не обязательно делать ему глаза, руки, ноги и прочие лишние детали, подражая человеку. Смоделировать химизм — вот все, что нам нужно. А я думаю, что общими силами мы сумеем подобрать биохимическую среду, которая точно так же станет реагировать на приближающееся землетрясение, как и эти букашки.

— Правильная идея! — Базанов хлопнул по плечу одной рукой Михаила, а другой — Сергея, словно скрепляя этот союз. — А я вам подсоединю к будущему прибору-предсказателю такой ревун или звонок, что о грозящем землетрясении сразу полмира услышит!..

3

«18 июня сего года в соответствии с намеченной программой было произведено заключительное испытание прибора «АПЗ-2» (автоматический предсказатель землетрясений конструкции М. А. Агеева, К. И. Базанова и С. Н. Ветрова).

Землетрясение силой в четыре балла с эпицентром в районе острова Парамушир на глубине примерно 60—70 километров прибор предсказал за 14 часов 16 минут.

Учитывая результаты предыдущих испытаний на специальном судне «Вулканолог» в различных районах земного шара, сводные таблицы которых прилагаются, можно с уверенностью считать, что прибор «АПЗ-2» вполне надежен как автоматический предсказатель даже слабых землетрясений в радиусе до пятисот километров не менее чем за двенадцать часов до начала колебаний и сдвигов почвы...»

— Нет, так не пойдет, — решительно сказал Базанов, отбирая у Ветрова ручку. — Никуда не годится. Отчеты надо писать драматически. И побольше обещать, понимаешь? Есть такой загадочный финансовый закон: чем больше обещаешь, тем больше начальство денег даст на новые опыты.

— А что еще проверять — результаты отличные.

— Это тебе кажется. А вон Михаил уже явно задумал что-то новенькое, верно? Миша, о чем задумался?

— О том, как бы теперь научиться предупреждать землетрясения, чтобы их не было вовсе.

— Ого! У него губа не дура, командир.

— Appetit приходит во время еды, — засмеялся Базанов и, обнимая товарищей за плечи, добавил: — Признаться, я сам об этом думаю. И кажется, есть у меня одна идея... Но ее надо еще раз сто проверить. А пока молчок. Так держать!

— Есть так держать, командир!

ГЛАВА 1,

в которой Мегрэ опаздывает к завтраку, а один из приглашенных отсутствует на званом обеде...

Когда впоследствии Мегрэ вспоминал это необычное дело, оно заставляло его думать о болезнях, которые подкрадываются исподтишка, начинаясь не бурно, а с легкого недомогания, с ломоты — симптомов слишком безобидных.

Не было вызова на место преступления, не было жалобы в уголовную полицию, не поступало тревожных сигналов и анонимных доносов; началом этого дела, если вспомнить все по порядку, был просто телефонный звонок мадам Мегрэ.

Черные мраморные часы на камине в кабинете Мегрэ показывали без двадцати двенадцать, он ясно помнит стрелки, образующие тупой угол на циферблате. Стоял уже июнь, в широко открытое окно вливался нагретый солнцем летний запах Парижа...

— Это ты?

Жена, конечно, узнала его голос, но она всегда переспрашивала, не потому, что сомневалась, а просто чувствовала себя неловко, говоря по телефону. Наверное, окна на бульвар Ришар-Ленуар сейчас тоже широко открыты... Мадам Мегрэ к этому времени обычно уже заканчивала всю основную работу по хозяйству. Она звонила ему редко.

— Слушаю.

— Я хотела только спросить, ты собираешься прийти завтракать?

Она почти никогда не звонила, чтобы задать ему этот вопрос. Он не рассердился, но нахмурил от удивления брови.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто так. А потом тебя здесь ждут.

Ему показалось, что голос у нее виноватый.

— Кто?

— Ты его не знаешь. Ничего особенного. Но если ты не придешь завтракать, я скажу, чтобы не ждали.

— Мужчина?

— Молодой человек.

Конечно, она провела его в гостиную, куда они сами почти не заглядывали. Телефон стоял в столовой. Там они обычно проводили все время и принимали близких друзей. Именно в столовой находились трубки Мегрэ, его кресло и швейная машина мадам Мегрэ. По ее смущенному голосу он догадался, что дверь между двумя комнатами осталась открытой.

— Кто он такой?

— Не знаю.

— Что ему нужно?

— Не знаю. По-видимому, что-то личное.

Его мало интересовал этот посетитель. Если он и расспрашивал, то только из-за смущения жены, она, очевидно, уже взяла этого мальчишку под свое покровительство.

— Я выйду около двенадцати, — сказал Мегрэ.

Ему оставалось принять только женщину, которая уже несколько раз приставала с жалобами на соседку, писавшую ей угрожающие письма.

Он позвонил секретарю.

— Пусть войдет.

Зажег трубку и, покурившись судьбе, откинулся на спинку кресла.

— Итак, сударыня, вы снова получили письмо?

— Целых два, господин комиссар. Я взяла их с собой. В первом, как вы сами увидите, она признается, что отра-

Рисунки С. ПРУСОВА

вила мою кошку. И угрожает, что, если я не перееду на другую квартиру, скоро наступит и моя очередь...

Стрелки на циферблате потихоньку двигались вперед. Нужно было делать вид, что принимаешь эту историю всерьез. Разговор продлился четверть часа. Когда Мегрэ уже поднялся, чтобы взять шляпу, в дверь снова кто-то постучался.

— Вы заняты?

— А ты что делаешь в Париже?

Это оказался Лурти, его бывший инспектор, переведенный в уголовную полицию Ниццы.

— Проездом. Забежал, чтобы подышать здешним воздухом и пожать вам руку. Успею проглотить по стаканчику в пивной у «Дофина»?

— Перехватим на ходу.

Он очень любил Лурти, костлявого парня с голосом церковного певчего. В пивной у стойки они встретили еще нескольких знакомых инспекторов. Потолковали о том, о сем. Аперитив был так же хорош, как этот летний день.

— Я должен бежать. Меня ждут дома.

— Я провожу вас до уголка.

Они перешли вместе через Пон-Неф, дошли до улицы Риволи, где Мегрэ пришлось добрых пять минут искать такси. Было без десяти час, когда он, наконец, поднялся на четвертый этаж дома на бульваре Ришар-Ленуар, и, как обычно, дверь квартиры открылась прежде, чем он успел вынуть ключи из кармана.

Ему сразу бросился в глаза встревоженный вид жены. Понизив голос — дверь в гостиную была открыта, — он спросил:

— Все еще ждет?

— Нет. Он ушел.

— А что ему было нужно?

— Он не сказал.

Если бы не ее взволнованное лицо, Мегрэ, конечно, пожал бы плечами, проворчав: «Одним меньше!»

Но она не вернулась на кухню, а пошла следом за ним в столовую; у нее был вид человека, который собирается просить прощения.

— Ты заходил сегодня утром в гостиную? — спросила она.

— Я? Нет? Зачем?

Действительно, зачем ему было заходить утром в эту гостиную, которую он не переваривал.

— А мне казалось...

— Что?

— Ничего. Я все старалась припомнить. Я заглянула в ящик стола.

— В какой ящик?

— В тот, в который ты убираешь свой револьвер из Америки.

Только теперь он начал подозревать истину. Как-то ему пришлось провести несколько недель в Соединенных Штатах по приглашению из полицейского управления, там много толковали об оружии. Перед отъездом американцы преподнесли ему револьвер, которым они очень гордились, это был «смит-вессон-45», специального образца, с коротким дулом и чрезвычай-

но легким спуском курка. На револьвере было выгравировано его имя.

Он никогда им не пользовался. Но как раз накануне вечером вынул из ящика, чтобы показать одному приятелю. Они сидели в гостиной.

— Почему «Ж — Ж. Мегрэ»?

Он сам задал тот же вопрос, когда ему преподнесли этот револьвер во время прощального коктейля. Американцы предварительно выяснили, как его зовут, у них в обычае сразу называть два имени. Два первых его имени: «Жюль Жозеф. О третьем — Ансельм — он им ничего не сказал.

— Мой револьвер исчез?

— Сейчас я тебе все объясню.

Не слушая ее, он вошел в гостиную, где еще стоял запах сигарет, и взглянул на камин. Там он накануне оставил револьвер. Он помнил точно. А теперь револьвера не было. Но Мегрэ знал, что не прятал его в ящик.

— Кто это был?

— Во-первых, сядь. Я подам завтрак, а то жаркое подгорит. И пожалуйста, не сердись.

Но он уже рассердился.

— Как ты могла впустить незнакомого человека в квартиру и...

Она вышла из комнаты и вернулась с блюдом в руках.

— Если бы ты его видела...

— Сколько ему лет?

— Совсем мальчик. Лет девятнадцати, самое большое двадцати.

— Что ему было нужно?

— Я была на кухне. Услышала звонок. Подумала, что принесли счет за газ, и пошла открывать. Увидела его. Он спросил: «Это квартира комиссара Мегрэ?» Я поняла по тону, что он принимает меня за прислугу. Он страшно нервничал, у него был такой испуганный вид.

— И ты сразу его провела в гостиную?

— Да, потому что он сказал, что ему совершенно необходимо тебя видеть и посоветоваться с тобой. Идти к тебе в управление он отказался.

Вид у Мегрэ все еще был мрачный, но ему уже хотелось смеяться — он ясно представлял эту сцену: перепуганный мальчишка и жалеющая его мадам Мегрэ.

— Как он выглядел?

— Очень воспитанный мальчик. Не знаю, как описать. Не из богатых, но очень приличный. Я уверена, что он плакал. Он вынул сигареты из кармана и сразу же попросил у меня прощения. Тогда я ему сказала: «Можете курить. Я привыкла». Потом я пообещала, что позволю и узнаю, когда ты вернешься.

— Револьвер все время лежал на камине?

— Конечно. Правда, я не видела его в эту самую минуту, но ясно помню, что он там лежал, когда я вытирала пыль, около девяти часов утра. А больше ведь никто к нам не приходил.

Мегрэ знал, что сама она не могла переложить револьвер

в ящик. Его жена так и не сумела привыкнуть к огнестрельному оружию и ни за что на свете не прикоснулась бы даже к незаряженному револьверу.

Он ясно представил себе, как это было. Жена прошла в столовую, поговорила вполголоса с ним по телефону, затем вернулась и объявила мальчишке: «Он будет здесь самое позднее через полчаса».

Мегрэ спросил:

— Ты оставляла его одного?

— Конечно, должна же я была приготовить завтрак.

— Когда он ушел?

— Вот этого я и не могу сказать. Я начала жарить лук и плотно закрыла дверь на кухню, чтобы запах не разнесся по всей квартире. Потом пошла в спальню немного привести себя в порядок. Я думала, что он ждет, и не хотела входить в гостиную, чтобы его не стеснять. Было примерно половина первого, когда я зашла туда и увидела, что его нет... Ты на меня сердишься?

Сердиться на нее, за что?

— Как ты думаешь, что у него случилось? Он совсем не походил на вора.

Он и не был вором, черт побери! Как бы вор мог догадаться, что именно в это утро на камине в гостиной комиссара Мегрэ лежал револьвер?

— Ты встревожен? Он был заряжен?

— Нет.

— Тогда в чем же дело?

Идиотский вопрос! Оружие обычно похищают, чтобы им воспользоваться. Мегрэ вытер губы, встал из-за стола и проверил, на месте ли патроны. Да, они так и лежали в ящике. Прежде чем опять сесть за стол, он позвонил в полицейское управление.

— Это ты, Торранс? Пожалуйста, немедленно позвони всем владельцам оружейных магазинов. Алло... Да... оружейных... Спроси, не покупал ли кто-нибудь патроны для «смит-вессона» сорок пятого калибра специального образца... В случае если такой покупатель еще не приходил, он появится сегодня днем или завтра. Пусть задержат этого человека и сообщат на ближайший полицейский пост... Да, все... Я приду как обычно.

В половине третьего, когда он вернулся на Кэ-дез-Орфевр, Торранс уже узнал, что какой-то молодой человек заходил в магазин на бульваре Бон-Нувель и спрашивал патроны. Так как этого калибра не было, хозяин направил покупателя в магазин Гастинн-Ренетта, и тот продал ему целую коробку.

— Мальчишка показывал оружие?

— Нет. Он протянул клочок бумаги, на котором были написаны марка и калибр.

...В этот день у Мегрэ было много других дел. Около пяти часов он поднялся в лабораторию к доктору Жоссе, который сразу спросил его:

— Вы сегодня вечером будете у Пардона?

— Я уже знаю. Треска по-провансальски, — ответил Мегрэ. — Пардон мне звонил позавчера.

— Мне тоже. Боюсь, что доктор Поль не сможет прийти.

Бывает так, что две семьи почему-то сближаются и начинают

проводить время вместе, а потом без всяких причин теряют друг друга из виду. Вот уже около года раз в месяц Мегрэ с женой посещали обеды Пардона, или, как их называли, обеды Тубибов *. Именно Жюссье, директор лаборатории криминалистики, однажды вечером затащил комиссара к доктору Пардону на бульвар Вольтера.

«Вот увидите, он вам понравится. Стоящий парень! Мог бы стать одним из самых выдающихся специалистов, и, заметьте, в любой области медицины. Он был стажером в Валь де Грас и ассистентом у самого Лебраза, а потом еще пять лет стажировал в больнице Святой Анны».

«А что он сейчас делает?»

«Занялся практикой в своем квартале. Работает по двенадцать-пятнадцать часов в сутки, не заботясь о том, заплатят ему или нет, и частенько забывает послать счет пациенту. У него есть еще одна страсть — кулинария».

Дня через два после этого разговора Жюссье позвонил Мегрэ:

«Вы любите рагу из утки с бобами?»

«Почему вас это интересует?»

«Пардон приглашает нас завтра на обед. У него подают только одно блюдо — обычно национальное, и он желает узнать заранее, придется ли оно по вкусу его гостям».

«Согласен на утку с бобами!»

С тех пор было еще много обедов, на которых подавали то петуха в вине, то турецкий плов, то камбалу по-днепски и многое другое.

На этот раз дело шло о треске по-провансальски. Да, кстати, на этом обеде Мегрэ должен был с кем-то познакомиться. Накануне Пардон позвонил ему:

«Вы свободны послезавтра? Вы любите треску по-провансальски? Вы за трюфели или против?»

«За».

У них вошло в привычку называть друг друга по фамилиям, а жены, наоборот, называли друг друга по имени. Обе супружеские пары были примерно одного возраста, Жюссье был лет на десять моложе. Доктор Поль — судебно-медицинский эксперт, который часто присоединялся к их компании, был старше.

«Скажите, Мегрэ, вам не будет неприятно познакомиться с одним из моих старых приятелей?»

«Почему неприятно?»

«Честно говоря, я бы его не пригласил, если бы он не попросил меня познакомить его с вами. Только что он был у меня на приеме, так как я его лечу, и настойчиво допытывался, будете ли вы у меня завтра».

Вечером, в половине восьмого, мадам Мегрэ в легком платье в цветах и веселой соломенной шляпке натягивала белые перчатки.

— Ты готов?

— Пошли.

— Ты все еще думаешь об этом молодом человеке?

* Арго: Тубиб — лекарь.

— Нет.

Было приятно, что Пардоны жили в пяти минутах ходьбы. В окнах верхних этажей отражались лучи заходящего солнца. Улицы пахли нагретой за день пылью. Повсюду еще играли дети, а родители вышли подышать свежим воздухом и расселись на стульях прямо на тротуаре.

— Не спеши.

Он слишком быстро ходил, по ее мнению.

— Ты уверен, что это он купил патроны?

С самого утра у нее была тяжесть на сердце, которая усилилась после разговора Мегрэ о Гастин-Реннете.

— Тебе не кажется, что он покончит жизнь самоубийством?

— Может быть, поговорим о чем-нибудь другом?

— Он так ужасно нервничал. Окурки в пепельнице были совершенно измяты.

Было очень тепло, Мегрэ снял шляпу и нес ее в руках, как горожанин на воскресной прогулке. Они дошли до бульвара Вольтера и на углу площади вошли в дом, где жил Пардон. Старый узкий лифт, как обычно, громко заскрипел, трогаясь с места, и мадам Мегрэ слегка вздрогнула.

— Входите. Муж вернется через несколько минут. Его срочно вызвали к больному, но это в двух шагах отсюда, — приветствовала их мадам Пардон.

Почти каждый раз, когда Мегрэ обедали у Пардона, доктора срочно вызывали к больному.

«Не ждите меня», — говорил он, уходя.

Часто случалось, что гости расходились, так и не дождавшись его возвращения.

Жюссье уже пришел и сидел один в гостиной. Там стоял большой рояль и повсюду лежали вышивки. Через несколько минут вихрем влетел Пардон и сразу же скрылся в глубине кухни.

— Лагранжа еще нет?

Пардон был маленького роста, довольно толстый, с очень большой головой и выпуклыми глазами.

— Погодите, сейчас я угощу вас одной штукой, пальчики оближете.

Доктор любил сюрпризы и всегда удивлял гостей то каким-то необыкновенным вином, то старым ликером; на этот раз он поразил их белым вином Шаранты, которое ему прислал один винодел из Жюнзака.

— Мне не наливайте, — запротестовала мадам Мегрэ, которая пьянела от одной рюмки.

Окна были открыты. Золотистое вечернее небо постепенно темнело. Толпа людей медленно текла по бульвару.

— Интересно, куда девался Лагранж?

— Кто он такой?

— Я когда-то учился с ним вместе в лицее Генриха Четвертого. Если не путаю, ему пришлось уйти, когда мы были в последних классах. Он жил тогда на улице Кювье против Ботанического сада, а его отец казался мне очень важным господином, потому что он был бароном или выдавал себя за такового. Я давно потерял Лагранжа из виду, уже лет двадцать,

а несколько месяцев назад он вдруг вошел в мой кабинет, терпеливо дождавшись очереди в приемной. Я его сразу же узнал.

Пардон взглянул на часы и сверил их со стенными:

— Меня удивляет, что его до сих пор нет... Он так хотел прийти... Ждем еще пять минут, если не появится, сядем за стол без него.

Он снова наполнил стаканы.

Мадам Мегрэ и мадам Пардон упорно молчали. Мадам Пардон была худой, а жена комиссара пухленькой, они отличались одинаковой скромностью и в присутствии мужей неизменно держались в тени. Дамы редко разговаривали во время обеда, но потом уединялись, чтобы пошептать о своих делах.

У мадам Пардон был очень длинный нос, слишком длинный, к нему приходилось привыкать. Вначале было даже как-то неудобно смотреть ей в лицо. Не из-за этого ли носа, над которым, наверное, смеялись ее школьные подруги, она стала такой скромной и смотрела на своего мужа такими благодарными глазами?

— Держу пари, — говорил Пардон, — что у каждого из здесь присутствующих был в школе товарищ или подруга типа Лагранжа. На двадцать или тридцать мальчиков обязательно найдется хоть один, который в тринадцать лет бывает краснощеким толстяком с толстыми розовыми ногами.

— В нашем классе такой девочкой была я, — сказала мадам Мегрэ.

Но Пардон галантно возразил:

— Девочки почти всегда выравниваются. Частенько бывает, что такие толстушки становятся самыми хорошенькими. Мы прозвали Лагранжа «Бебе-Кадум». Наверное, в те времена во французских школах было много ребят, которых товарищи называли так же. Я был школьником в эпоху, когда все улицы были заклеены рекламами с изображением этого чудовищного младенца.

— Ваш приятель изменился?

— Конечно, пропорции другие. Но он так и остался рыхлым толстячком. Садимся за стол! Тем хуже для него.

— Почему вы не позвоните ему?

— У него нет телефона.

— Он живет в этом районе?

— В двух шагах отсюда, на улице Попинкур. Не представляю, зачем вы ему были нужны. Прошлый раз в моем кабинете валялась газета с вашей фотографией на первой странице... — Пардон взглянул на Мегрэ. — Простите, страница. Не знаю как, но я проговорился, что знаком с вами. Кажется, я добавил, что мы друзья. «Он действительно такой, как о нем рассказывают?» — спросил Лагранж. Я ответил, что вы человек, который...

— Который что?

— Неважно. Я сказал все, что о вас думаю, пока осматривал его. Он диабетик. У него плохо с обменом веществ. Он ходит ко мне на прием два раза в неделю, очень озабочен своим здоровьем. В следующий приход он снова заговорил о вас, хотел узнать, часто ли мы видимся, и я ответил, что мы обедаем каждый месяц вместе. Вот тогда он и стал на-

ставать, чтобы я его тоже пригласил. Честно говоря, я удивился, потому что со времен лица встречался с ним только в своем врачебном кабинете... Итак, прошу к столу...

Треска по-провансальски оказалась кулинарным шедевром, к тому же Пардон где-то отыскал сухое вино из окрестностей Ниццы, которое удивительно гармонировало с треской. После разговора о толстяках перешли на рыжих.

— В каждом классе всегда был хотя бы один рыжий мальчишка!

Затем разговор перешел на теорию генов. Все эти обеды обычно кончались разговорами на медицинские темы. Мадам Мегрэ знала, что это очень нравится ее мужу.

— Лагранж женат?

За кофе бог знает почему снова вернулись к Лагранжу.

Темная синевя ночь, глубокая и бархатистая, постепенно поглотила яркие краски заката, но света еще не зажигали. Через открытую дверь виднелась балюстрада балкона, чугунные арабески казались нарисованными тушью. Издалека доносились звуки аккордеона, и на соседнем балконе какая-то пара приглушенно смеялась.

— Он говорил, что был женат, но жена давно умерла.

— А чем он занимается?

— Делами. Довольно неопределенными. На его визитной карточке значится: «Директор акционерных обществ» и адрес: «Улица Тронше». Я как-то звонил по этому адресу, чтобы отменить назначенную с ним встречу, но мне ответили, что фирма давно не существует.

— Дети есть?

— Двое или трое. Дочь, если не ошибаюсь, и сын, которого он очень хочет устроить на хорошее место.

Затем разговор снова перешел на медицинские темы. Жюссье, который когда-то работал в больнице Святой Анны, вспомнил все, что ему приходилось слышать о Шарко. Мадам Пардон вязала, объясняя мадам Мегрэ какой-то сложный узор. Зажгли свет. В комнату залетело несколько ночных бабочек. Было уже одиннадцать часов, когда Мегрэ поднялся.

На углу бульвара распрощались с доктором Жюссье, который спустился в метро на площади Вольтера. Мегрэ немножко отяжелел после обеда, а возможно — и от южного вина.

Жена взяла его под руку, она делала это только по вечерам, когда они возвращались домой. Она явно хотела что-то сказать. Почему он это почувствовал?

— О чем ты думаешь? — проворчал он, наконец.

— Ты не рассердишься?

Он пожал плечами.

— Я все время думаю о молодом человеке, котсрый приходил утром. Может быть, ты позвонишь — узнать, не случилось ли чего-нибудь.

Он понял. Она хотела сказать... «надо узнать, не покончил ли он самоубийством».

Странная вещь, Мегрэ не думал о возможности самоубийства. Он только ощущал непонятную смутную тревогу, но не хотел в этом признаваться.

— Как он был одет?

— Я не обратила внимания на его костюм. Мне кажется, он был в темном, по-видимому, в темно-синем,

— Цвет волос?

— Светлый. Скорее белокурый.

— Худой?

— Да.

— Красивый мальчик?

— Пожалуй, да. Кажется.

Он готов был держать пари, что она покраснела.

— Ты знаешь, я его плохо разглядела. Я помню только его руки, очень нервные. Он все время теребил поля шляпы. Даже не посмел сесть. Мне пришлось пододвинуть ему стул.

Вернувшись домой, Мегрэ позвонил дежурному полицейского управления, к которому поступали все сведения с сигнальных постов.

— Говорит Мегрэ. Есть новости?

— Только из Берси, патрон.

Это означало — ничего нового, кроме пьяных, подобранных около винного рынка на набережной Берси.

— Больше ничего?

— Драка в Шарантоне. Минутку. Да, еще. Под вечер вытащили утопленницу из канала Сент-Мартен.

— Оpoznана?

— Да. Проститутка.

— Самоубийства не было?

Этот вопрос он задал, чтобы доставить удовольствие жене, которая слушала, остановившись в дверях спальни со шляпкой в руках.

— Нет. Пока ничего нет. Я позвоню, если будут новости.

Мегрэ заколебался. Ему не хотелось казаться заинтересованным этим делом, в особенности в присутствии жены.

— Ладно. Позвоните...

Ночью никто не звонил. Мадам Мегрэ разбудила его утром. Пахло свежим кофе. Окна в спальне были открыты, и слышно было, как рабочие грузят ящики у склада напротив.

— Ну видишь, он не застрелился, — сказал Мегрэ как бы в отместку.

— Может быть, еще не стало известно, — ответила жена.

Он пришел на Кэ-дез-Орфевр в девять часов и встретил всех своих товарищей на докладе в кабинете начальника управления. Ничего интересного. Несколько обычных происшествий. Париж был спокоен. Стали известны приметы убийцы той женщины, которую вытащили из канала. По-видимому, к вечеру его уже найдут мертвецки пьяным в каком-нибудь бистро.

Около одиннадцати Мегрэ вызвали к телефону.

— Кто просит?

— Доктор Пардон.

Мегрэ показалось, что доктор на другом конце провода чем-то явно смущен.

— Простите, что я звоню вам в бюро. Вчера я рассказывал вам о Лагранже, который хотел быть на нашем обеде. Сегодня утром, обходя больных, я проходил мимо его дома на улице Попинкур и зашел наобум, решив, что, возможно, он заболел. Алло! Вы слушаете?

— Слушаю.
— Я бы вам не позвонил, если бы после вашего ухода моя жена не рассказала мне об этом молодом человеке.

— О каком молодом человеке?

— Молодом человеке с револьвером. По-видимому, мадам Мегрэ рассказала моей жене, что вчера утром...

— Ну, и что дальше?

— Лагранж придет в бешенство, если узнает, что я вас тревожил из-за него. Я нашел его в странном состоянии. Во-первых, он заставил меня долго звонить и не открывал дверь. Я уже стал волноваться, ведь консьержка сказала, что он дома. Наконец он меня впустил. Он был босиком, в одной рубашке, в растерзанном виде и вздохнул с облегчением, увидев, что это я.

«Я извиняюсь за вчерашний вечер... — сказал он, укладываясь снова в постель. — Я себя неважно чувствовал. И сейчас еще нездоров. Вы говорили обо мне комиссару?»

— Что вы ответили? — спросил Мегрэ.

— Не помню точно. Я проверил пульс, измерил давление. Он плохо выглядел. Знаете, как человек, который пережил сильное потрясение. В квартире царил ужасный беспорядок. Он ничего не ел, даже не пил кофе. Я спросил его, почему он один, и это его встревожило. «Вы думаете, что у меня будет сердечный приступ? Скажите правду...»

«Нет! Я только удивлен...»

«Чему?»

«Разве дети не живут с вами?»

«Только младший сын. Моя дочь ушла, когда ей исполнился двадцать один год. Старший сын женат.»

«А ваш младший работает?»

Тогда он начал плакать, и мне показалось, что этот несчастный толстяк на глазах худеет!

«Я не знаю, где он, — пробормотал Лагранж. — Его здесь нет. Он не вернулся домой.»

«А когда он ушел?»

«Не знаю. Ничего не знаю. Я совсем один. Я умру в совершенном одиночестве.»

«А где работает ваш сын?»

«Я даже не знаю, работает ли он: он мне ничего не рассказывает. Он ушел...»

Мегрэ внимательно слушал, лицо его стало серьезным.

— Это все?

— Почти. Я постарался его ободрить. Он был таким жалким. Обычно он хорошо держится, во всяком случае, может еще произвести впечатление. Грустно было видеть его в этой жалкой квартире, в постели, которую не убирали несколько дней...

— Его сын часто не ночует дома?

— Нет, насколько я мог понять. Конечно, это просто совпадение, что речь идет опять о молодом человеке, который...

— Да?

— Что вы об этом думаете?

— Пока ничего. Отец действительно болен?

— Как я вам уже говорил, он перенес сильное потрясение.

Сердце неважное. Вот он и лежит в постели, обливаясь холодным потом, и умирает от страха.

— Вы хорошо сделали, что позвонили, Пардон.

— Я боялся, что вы станете смеяться надо мной.

— Я не знал, что моя жена рассказала историю с револьвером.

— Кажется, я совершил промах.

— Ничуть.

Мегрэ нажал кнопку звонка и вызвал секретаря.

— Меня никто не ждет?

— Нет, господин комиссар, там никого нет, кроме «нашего сумасшедшего».

— Передай его Мокасу.

Этот безобидный сумасшедший был постоянным посетителем. Он являлся аккуратно раз в неделю, чтобы предложить полицию свои услуги.

Мегрэ все еще колебался. Скорее всего из-за боязни быть смешным. Вся эта история, если взглянуть на нее со стороны, была достаточно нелепой.

На набережной он сначала хотел сесть в служебную машину, но потом решил отправиться на улицу Попинкур в такси. Так его никто не заметит. Что бы ни случилось, никто не смеет посмеяться над ним.

ГЛАВА 2,

в которой рассказывается о нелюбопытной консьержке и о господине средних лет, подсматривавшем в замочную скважину

Швейцарская, расположенная налево под аркой, была похожа на пещеру и освещалась тусклым светом лампы, горевшей весь день. Небольшое помещение было тесно заставлено вещами: печка, очень высокая кровать, покрытая красной периной, круглый стол под клеенкой, кресло, на котором спала жирная рыжая кошка.

Не открывая двери, консьержка долго разглядывала Мегрэ через стекло и, наконец, решила открыть окошечко. Ее голова, обрамленная двумя створками, казалась увеличенной ярмарочной фотографией, дешевой и вылинявшей от времени. Черные волосы ее были выкрашены, а все остальное было бесцветным и бесформенным. Она молча ждала. Мегрэ сказал:

— Как пройти к господину Лагранжу?

Консьержка ответила не сразу, можно было подумать, что она глухая. Наконец уронила с безнадежной тоской:

— Третий этаж налево, в глубине двора.

— Он дома?

В ее голосе звучала не скука, а равнодушие, возможно, презрение, может быть, даже ненависть ко всему, что существовало вне ее комнаты-аквариума. Она сказала медленно, тягучим голосом:

— Раз доктор навещал его сегодня утром, значит дома.

— Никто не заходил к нему после доктора Пардона?

Мегрэ упомянул это имя, чтобы казаться осведомленным.

— Он сказал, чтобы я туда пошла.

— Кто?

— Доктор. Он хотел дать мне денег, чтобы я там прибрала и приготовила поесть.

— Вы там были?

Консьержка отрицательно качнула головой.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Вы не ладите с господином Лагранжем?

— Я здесь всего два месяца.

— А прежняя консьержка живет еще в этом районе?

— Она умерла.

Он почувствовал, что бесполезно пытаться вытянуть из нее еще что-то. Этот шестиэтажный дом, выходящий на улицу, и

трехэтажная пристройка в глубине двора со всеми обитателями, спящими взад и вперед, мастеровыми, детьми, посетительницами — все было ей ненавистно, — все были врагами, единственная цель жизни которых — нарушать ее спокойствие.

После сумрака и прохлады швейцарской двор казался почти веселым, между каменными плитами кое-где даже пробивалась травка. Солнце ярко освещало желтую штукатурку фасада в глубине двора, стоялар в мастерской строгал доски, они пахли свежестью, а в коляске спал ребенок, за которым смотрела мать, выглядывая время от времени из окна второго этажа.

Мегрэ хорошо знал этот район, потому что жил на соседней улице, где было много таких же домов. Во дворе его дома на бульваре Ришар-Ленуар тоже еще сохранилась уборная без сиденья, дверь которой всегда была полуоткрыта, как в деревне.

Он медленно поднялся на четвертый этаж, нажал кнопку и услышал, как в глубине квартиры прозвучал звонок. Так же, как доктор Пардон, он долго ждал. Так же, как и доктор, Мегрэ услышал легкий шум, шлепанье босых ног по паркету, острый шорох, и, наконец, он мог бы в этом поклясться, тяжелое дыхание совсем рядом за дверью. Никто не открывал. Он позвонил снова. На этот раз ни шороха, ни звука. Нагнувшись, он различил в замочной скважине блестящий глаз.

Мегрэ кашлянул, не зная, назвать ли себя, но в тот момент, когда он уже раскрыл рот, чей-то голос произнес:

— Минутку подождите.

Снова шаги, человек за дверью отошел и вернулся, затем щелкнул замок, скрипнула задвижка. Из полуоткрытой двери на Мегрэ смотрел высокий мужчина в халате.

— Вам рассказал доктор Пардон? — пробормотал он.

Халат на нем был старый, поношенный, так же как и ночные туфли.

— Я комиссар Мегрэ.

Человек кивнул, показав, что он его узнал.

— Входите! Прошу извинить...

Он не уточнил за что.

Они вошли прямо в большую неприбранную комнату, где Лагранж остановился в нерешительности, а Мегрэ, указывая на открытую дверь в спальню, произнес:

— Ложитесь снова.

— Спасибо. Охотно.

Солнце заливало ярким светом это помещение, непохожее на квартиру. Скорее оно почему-то напоминало цыганский табак.

— Простите, — повторял мужчина, ложась в неприбранную постель.

Он тяжело дышал. Его лицо блестело от пота, а круглые большие глаза бегали по сторонам. В сущности, Мегрэ чувствовал себя тоже неловко.

— Садитесь сюда...

И, увидев, что на этом стуле лежат брюки, Лагранж снова повторил:

— Простите...

Комиссар не знал, куда переложить брюки, и в конце концов повесил их на спинку кровати, сказав решительно:

— Вчера доктор Пардон сообщил нам, что мы будем иметь удовольствие познакомиться с вами...

— Я тоже предполагал...

— Вы были уже больны?

Он заметил, что его собеседник замялся.

— Да, я лежал в постели.

— А когда вы почувствовали себя больным?

— Не знаю... Вчера.

— Вчера утром?

— Кажется...

— Сердце?

— Все... Меня уже давно лечит доктор Пардон... И сердце... тоже...

— Вы волнуетесь за сына?

Он смотрел на Мегрэ, как некогда толстый школьник Лагранж смотрел на учителя, когда не знал урока.

— Ваш сын еще не вернулся?

Снова колебание.

— Нет... Пока нет...

— Вы хотели меня видеть?

Мегрэ старался говорить спокойно, как человек, пришедший в гости. Лагранж, со своей стороны, попытался изобразить на лице слабую вежливую улыбку.

— Да. Я говорил доктору...

— Из-за вашего сына?

Он, казалось, удивился и повторил:

— Из-за сына?

И сразу же отрицательно покачал головой.

— Нет... Я еще не знал...

— Вы не знали, что он уйдет?

Лагранж поправил его, как бы считая это выражение слишком категоричным:

— Он не возвращался.

— С каких пор? Несколько дней?

— Нет.

— Со вчерашнего утра?

— Да.

— Вы поссорились?

Лагранж страдал от этих вопросов, но Мегрэ хотел добиться своего.

— С Алэном мы никогда не ссорились.

Он произнес это с гордостью, которая не ускользнула от внимания комиссара.

— А с другими детьми?

— Они больше не живут со мной.

— А раньше, пока они были с вами?

— С ними было совсем иначе...

— Я думаю, вы обрадуетесь, если мы найдем вашего сына?

Лагранж с ужасом взглянул на него.

— Что вы собираетесь сделать? — спросил он.

Он резко поднялся, как здоровый человек, и вдруг снова упал на подушки, сразу обессилев.

— Нет... не надо. Я думаю, лучше не надо...

— Вы волнуетесь?

— Не знаю.

— Вы боитесь смерти?

— Я болен. У меня больше нет сил. Я... — Он положил руку на грудь, как будто бы с беспокойством прислушиваясь к биению своего сердца.

— Вы знаете, где работает ваш сын?

— Я не хотел, чтобы доктор рассказывал вам. В последнее время — нет.

— Однако два дня тому назад вы настаивали, чтобы доктор познакомил нас.

— Я настаивал?

— Вы хотели мне что-то сообщить. Не так ли?

— Мне было любопытно увидеть вас.

— И только?

— Простите.

Он извинялся по крайней мере пятый раз.

— Я болен, очень болен. Все дело в этом.

— Однако ваш сын исчез.

Лагранж забеспокоился.

— Может быть, он поступил, как его сестра?

— А что сделала его сестра?

— Когда ей исполнилось двадцать один год, в самый день рождения, она ушла, не сказав ни слова, со всеми вещами.

— Мужчина?

— Нет. Она работает в бельевом магазине, в пассаже на Елисейских полях и живет с подругой.

— Почему?

— Не знаю.

— У вас есть старший сын?

— Да, Филипп. Он женат.

— А вы не думаете, что Алэн у него?

— Они не встречаются. Ничего не случилось, уверяю вас, кроме того, что я болен и остался один. Мне стыдно, что вы побеспокоились. Доктор не должен был... Не знаю, зачем я сказал ему про Алэна. Наверное, у меня была высокая температура. Может быть, и сейчас. Не нужно оставаться здесь. Такой беспорядок! Очень душно. Не могу предложить вам даже стакан вина.

Мегрэ не решился спросить, есть ли у него деньги. В комнате было жарко, удушливо жарко, воздух тяжелый, спертый.

— Не открыть ли окно?

— Нет. Слишком шумно. У меня болит голова. Все болит.

— Может быть, лучше отправить вас в больницу?

Это его испугало.

— Только не это! Я хочу остаться здесь.

— Чтобы дождаться сына?

— Не знаю.

Странно. Временами Мегрэ охватывала жалость, и сразу же он раздражался, чувствуя, что перед ним играют комедию.

Возможно, этот человек был действительно болен, но не настолько, чтобы распластываться на постели, как жирный червяк, не настолько, чтобы в глазах у него стояли слезы, а толстые губы складывались в гримасу плачущего ребенка.

— Скажите, Лагранж...

Мегрэ замолчал и вдруг поймал взгляд Лагранжа, ставший неожиданно твердым, один из тех пронзительных взглядов, который на вас украдкой бросают женщины, когда им кажется, что вы разгадали их тайну.

— Что?

— Вы уверены, что, когда просили доктора пригласить вас на обед для встречи со мной, вам нечего было мне рассказать?

— Клянусь, я его просил просто так...

Он лгал: именно поэтому и клялся. Опять же как женщина.

— Не хотите дать никаких указаний, которые помогут нам найти вашего сына?

В углу комнаты стоял комод. Мегрэ подошел к нему, все время чувствуя на себе взгляд Лагранжа.

— Все же я попрошу у вас его фотографию.

Лагранж собирался ответить, что у него ее нет.

Мегрэ был настолько в этом уверен, что как бы машинально выдвинул один из ящиков комода.

— Здесь?

В ящике были ключи, старый бумажник, картонная коробка с пуговицами, какие-то бумаги, счета на газ и электричество.

— Дайте мне его.

— Что?

— Бумажник.

Опасаясь, что комиссар сам раскроет бумажник, он нашел в себе силы приподняться на локте.

— Дайте... Кажется, там есть прошлогодняя фотография.

Его лихорадило. Толстые, похожие на сосиски пальцы дрожали. Из маленького кармашка, явно зная, что она там, он вынул фотографию.

— Раз вы так настаиваете... Я уверен, что ничего не случилось. Не нужно ее давать в газеты. Ничего не надо делать.

— Я вам верну ее сегодня вечером. Или завтра.

Он снова испугался.

— Это не к спеху.

— А что вы будете есть?

— Я не хочу есть. Мне ничего не нужно.

— А сегодня вечером?

— Мне, наверное, будет лучше, и я смогу выйти.

— А если вам не станет лучше?

Лагранж готов был зарыдать от раздражения и нетерпения, и у Мегрэ не хватило жестокости спрашивать дальше.

— Последний вопрос. Где работал ваш сын Алэн?

— Я не знаю названия... В какой-то конторе на улице Реомюр.

— Какая контора?

— Рекламная... Да... Должно быть, рекламная.

Он сделал вид, что поднимается проводить гостя.

— Не беспокойтесь. До свидания, господин Лагранж.

— До свидания, господин комиссар, не сердитесь на меня.

Мегрэ чуть не спросил: «За что?» Но зачем было спрашивать? Он остановился на минуту на площадке, чтобы разжечь трубку, и услышал шлепанье босых ног по паркету, шелканье ключа в замке, скрип задвижки и, конечно, вздох облегчения. Проходя мимо швейцарской, он увидел голову консьержки в раме окошка и, поколебавшись, остановился.

— Будет лучше, если вы, как просил доктор Пардон, будете время от времени подниматься и узнавать, не нужно ли ему чего-нибудь. Он действительно болен.

— А сегодня ночью он был здоров, я даже подумала, хочет переехать с квартиры потихоньку, не заплатив.

Мегрэ, совсем собравшийся уходить, нахмурился и подошел ближе.

- Он выходил сегодня ночью?
— И был настолько здоров, что даже вынес вместе с шофером такси свой огромный чемодан.
— Вы говорили с ним?
— Нет.
— А в котором часу это было?
— Около десяти часов. Я надеялась, что квартира освободится.
— Вы слышали, как он вернулся?
Она пожала плечами.
— Конечно, раз он наверху.
— Он вернулся с чемоданом?
— Нет.

Мегрэ жил слишком близко, чтобы брать такси. Проходя мимо быстро, он вспомнил о вчерашнем аперитиве, который так хорошо гармонировал с летним днем. Он подошел к стойке и выпил один аперитив, глядя невидящим взглядом на рабочих в белых блузах, они чокались друг с другом.

Переходя бульвар, он поднял голову и заметил в открытом окне мадам Мегрэ. Она, должно быть, тоже его заметила. Во всяком случае, узнала шаги на лестнице — дверь открылась.

- С ним еще ничего не произошло?
Мегрэ вынул из кармана фотографию Алэна и протянул ей.
— Он?
— Откуда ты достал?
— Это он?
— Конечно, это он! Разве...
Она вообразила, что Алэн умер, и была потрясена.
— Да нет. Он все еще в бегах. Я только что был у его отца.
— Того самого, о котором вчера говорил доктор?
— Да. Лагранжа.
— Что он говорит?
— Ничего.
— Значит, ты так и не знаешь, зачем он взял твой револьвер?

— Вероятно, чтобы им воспользоваться.
Он быстро позавтракал, взял такси и, доехав до Кэ-дез-Орфевр, поднялся в фотолaborаторию.

— Сделайте столько экземпляров, чтобы разослать во все полицейские участки Парижа...

Мегрэ подумал, не разослать ли эту фотографию по всей Франции, но он все еще не хотел придавать слишком большое значение этой истории. Его смущало, что, по существу, ничего не случилось, если не считать кражи револьвера.

Немного позже он вызвал к себе инспектора Люкаса.

— Я хочу, чтобы ты прощупал шоферов такси, которые дежурят в районе улицы Попинкур. Знаешь стоянку на площади Вольтера? Конечно, речь идет о ней. А сейчас ты застанешь всех ночных шоферов по домам.

Мегрэ снял пиджак и закурил свою самую большую трубку.
— Что спрашивать?

— Кто из них вчера, около десяти часов вечера, погрузил в машину большой чемодан во дворе дома на улице Попинкур. Я хотел бы знать, куда его отвезли.

— Все?

— Спроси еще, он ли отвез этого клиента обратно на улицу Попинкур.

— Хорошо, патрон.

В три часа дня полицейские радиомашинны были уже снабжены фотографиями Алэна Лагранжа: в четыре часа эти фотографии поступили в комиссариаты и полицейские посты с надписью: «Внимание!» В шесть часов все полицейские агенты, заступившие на дежурство, положат ее в карман.

А Мегрэ не знал, что делать. Какая-то внутренняя стыдливость мешала ему принимать эту историю всерьез, но в кабинете не сиделось, и было такое чувство, что он теряет время, когда необходимо действовать.

Ему хотелось бы подробно побеседовать с доктором Пардонном о Лагранже, однако в этот час приемная врача обычно переполнена больными. Мегрэ стеснялся помешать доктору. А кстати, он даже не знал, о чем будет спрашивать.

Перелистав телефонный справочник и найдя на улице Реомюр три рекламных агентства, он почти машинально списал их номера в записную книжку.

Если бы немного спустя в кабинет не вошел инспектор Торранс и не спросил: «Нет ли поручений, патрон?», Мегрэ не послал бы никого в рекламные агентства.

— Позвони во все три и узнай, в котором из них работал юноша, по имени Алэн Лагранж. Если найдешь, походи туда и собери, какие удастся, сведения. Только не разговаривай с начальством, расспроси служащих.

Он протянул еще полчаса, занимаясь мелкими делами. Затем принял викария, тот жаловался, что у него украли деньги из кружки для пожертвований. Принимая викария, он снова натянул пиджак. После ухода посетителя Мегрэ сразу вышел на улицу и сел в полицейскую машину.

— На Елисейские поля!

Улицы были переполнены. У входа в пассаж встречалось больше туристов, чем французов. Мегрэ не часто бывал здесь. Он был поражен, увидев на протяжении ста метров пять бельевых магазинов. Ему стало неловко, когда он туда входил, и казалось, что продавщицы насмешливо разглядывают его.

— У вас не работает здесь некая девица Лагранж?

— Вы по личному вопросу?

— Да. Так сказать...

— У нас работает Лажони, Берта Лажони, но она в отпуске.

В третьем по счету магазине хорошенькая девушка быстро подняла голову и сказала, сразу насторожившись:

— Это я. Что вам надо?

Она не походила на отца, скорее на своего брата Алэна, но у нее было совсем другое выражение лица, и, сам не зная почему, Мегрэ мысленно пожалел того, кто в нее влюбится. На первый взгляд она действительно казалась миловидной, в особен-

ности, когда демонстрировала свою профессиональную улыбку, но за этой приветливостью угадывалась жестокость и необычное самообладание.

— Вы видели в последние дни вашего брата?

— Почему вы меня об этом спрашиваете?

Она бросила взгляд в глубину магазина, где в примерочной хозяйка разговаривала с клиенткой. Не желая лишних разговоров, он сразу показал ей свой значок.

— Он сделал что-то плохое? — спросила она, понизив голос.

— Вы спрашиваете об Алэне?

— А кто вам сказал, что я работаю здесь?

— Ваш отец.

Она не раздумывала долго.

— Подождите меня где-нибудь полчаса.

— Я буду ждать вас на террасе кафе «Ле франсе».

Нахмурив брови, она смотрела ему вслед.

Мегрэ ровно тридцать пять минут наблюдал за потоком людей и подбирал под себя ноги каждый раз, когда приближался официант или новый посетитель.

Она вошла с решительным видом. На ней был светлый костюм. Мегрэ знал, что она придет, — она из тех девушек, которые не заставляют ждать зря, а когда приходят, держатся уверенно.

Она села на стул, который он для нее занял.

— Что будете пить?

— Портвейн.

Девушка поправила волосы, выбившиеся из-под белой соломенной шляпки, и скрестила свои красивые ноги.

— Вы знаете, что ваш отец болен?

— Он всегда был болен.

В ее голосе не было ни малейшей жалости или тревоги.

— Он лежит в постели.

— Возможно.

Мегрэ заметил, как она вздрогнула.

— Вы не удивляетесь?

— Меня больше ничего не удивляет.

— Почему?

— Потому, что я слишком много видела. Что вам в конце концов от меня нужно?

Было трудно ответить сразу, а она, вынув из портсигара сигарету, совершенно спокойно произнесла:

— У вас есть зажигалка?

Он протянул ей зажженную спичку.

— Я жду, — сказала она.

— Сколько вам лет?

— Я полагаю, что вы потрудились приехать сюда не для того, чтобы узнать мой возраст. Судя по значку, вы не просто инспектор, а персона поважнее, может быть, комиссар?

И, более внимательно рассмотрев его, она спросила:

— А не вы ли знаменитый Мегрэ?

— Да. Я комиссар Мегрэ.

— Алэн убил кого-нибудь?

— Почему вам это пришло в голову?

— Потому что, раз вы занялись этим делом, оно должно быть серьезным.

— Но ваш брат мог оказаться и жертвой.

— Его действительно убили?

По-прежнему полное спокойствие. Правда, она, кажется, в это не поверила.

— Он бродит неизвестно где по Парижу с заряженным револьвером в кармане.

— По-видимому, не один Алэн находится в таком положении.

— Он украл этот револьвер вчера утром.

— Где?

— У меня.

— Он был у вас дома?

— Да.

— Когда никого не было в квартире? Вы хотите сказать, что он взломал дверь.

Это предположение, очевидно, ее забавляло, она иронически улыбнулась.

— Вы не питаете нежных чувств ни к Алэну, ни к отцу?

— Я ни к кому не питаю нежных чувств, даже к себе самой.

— Сколько вам лет?

— Двадцать один год и семь месяцев.

— Значит, вот уже семь месяцев, как вы покинули дом отца?

— Вы там были? И называете это домом?

— Вы считаете, что ваш брат способен на убийство?

Может быть, чтобы произвести впечатление, она ответила вызывающе.

— А почему нет? Все люди на это способны. Не так ли?

Если бы они сидели не в кафе, где уже начали прислушиваться к их разговору, он бы попросту отчитал ее, настолько она его раздражала.

- Вы помните свою мать, мадемуазель?
- Смутно, мне было три года, когда она умерла, сразу после рождения Алэна.
- Кто вас воспитывал?
- Отец.
- Он один воспитывал троих детей?
- Приходилось иногда.
- Когда?
- Когда у него не хватало денег, чтобы платить няне. Иногда у нас было целых две, но недолго. Иногда за нами смотрела приходящая прислуга или соседка. Вы, кажется, недостаточно знаете нашу семью?
- Вы всегда жили на улице Попинкур?
- Мы жили во многих местах, даже около Булонского леса. Мы то поднимались по общественной лестнице, то спускались, снова поднимались на несколько ступенек и, наконец, окончательно скатились вниз. Теперь, если у вас нет ко мне более серьезных вопросов, я должна бежать, меня ждет подруга.
- Где вы живете?
- В двух шагах отсюда. Улица Берри.
- В гостинице?
- Нет. Мы снимаем две комнаты в частном доме. Предполагаю, что вы хотите знать номер этого дома?

И она его дала.

— Все-таки мне было интересно с вами познакомиться. Все мы имеем склонность воображать, как на самом деле выглядят некоторые знаменитости.

Он не решился спросить, каким она его себе представляла и что думает о нем теперь.

Она стояла перед ним в плотно обтягивающем костюме, сидящие за столиками разглядывали ее, затем смотрели на Мегрэ, думая, наверное, что ему повезло.

Он тоже поднялся и простился посреди улицы.

— Благодарю вас, — сказал он нехотя.

— Не за что. Не тревожьтесь за Алэна.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Просто так. Мне кажется, что, хотя вы и Мегрэ, вам еще многому надо поучиться.

И удалилась по направлению к улице Берри быстро, ни разу не оглянувшись.

Мегрэ давно отпустил служебную машину, ему пришлось ехать в метро, в вагоне, набитом битком; это еще усилило дурное настроение комиссара. Он был недоволен всем, и в том числе самим собой. Если бы ему сейчас встретился доктор Пардон, Мегрэ упрекнул бы его за рассказы о Лагранже, этом толстяке, похожем на жирного призрака. Мегрэ имел зуб против жены за историю с револьвером, он был готов считать ее виновницей этой кражи.

Но в общем все это его не касалось.

В метро было душно, как в прачечной, рекламы на станциях вызывали у него отвращение. Наверху он снова увидел жаркое солнце и рассердился на солнце, заставлявшее его потеть. Когда он проходил к себе в кабинет, секретарь сразу заметил, что

комиссар в дурном настроении, и ограничился молчаливым поклоном. На письменном столе Мегрэ на самом виду лежала записка, прижатая вместо пресс-папье одной из его трубок.

«Просьба срочно позвонить в железнодорожное отделение полиции Северного вокзала. Люкас».

Не снимая шляпы, Мегрэ набрал номер и, зажав телефонную трубку между плечом и щекой, закурил.

— Люкас еще у вас?

Два самых тоскливых года Мегрэ провел в полицейском отделении Северного вокзала и хорошо знал все его закоулки. Он услышал голос инспектора, говорившего Люкасу:

— Тебя. Твой патрон.

И сразу раздался голос Люкаса:

— Алло! Я не знал, вернетесь ли вы в бюро. Я звонил к вам домой.

— Ты нашел шофера?

— Сразу повезло. Он рассказал, что вчера вечером сидел в баре на улице Волтера, когда туда заявился высокий толстяк важного вида и велел отвезти его на Северный вокзал.

— Чтобы сдать на хранение чемодан?

— Так точно. Вы угадали. Чемодан еще здесь.

— Ты его открыл?

— Они не разрешают.

— Кто?

— Железнодорожники. Они требуют квитанцию или ордер.

— Никаких особых примет?

— Есть. Запах. Тяжелый.

— Ты думаешь?

— То же самое, что и вы. Если в нем не мертвец, то, значит, он набит до краев тухлым мясом. Мне вас ждать?

— Буду через полчаса.

Мегрэ направился в кабинет шефа. Тот позвонил в прокуратуру. Прокурор уже уехал, но один из его помощников в конце концов взял на себя ответственность.

Когда Мегрэ проходил через инспекторскую, он заметил, что Торранс еще не вернулся. Жанвье строчил рапорт.

— Возьми с собой кого-нибудь. Отправляйся на улицу Попинкур и следи за номером 37-б. В глубине двора налево, на четвертом этаже, Франсуа Лагранж... Не стойте на виду. Этот тип высокий и толстый, болезненного вида. Возьми фотографию сына.

— Что с ней делать?

— Ничего. Если случайно он вернется, а потом выйдет из дома, незаметно следите за ним. Осторожней, он вооружен. Если появится отец, что меня весьма удивило бы, следите и за ним...

Несколько минут спустя Мегрэ ехал к Северному вокзалу. Он вспомнил, как в кафе на Елисейских полях дочь Лагранжа сказала: «Все люди на это способны. Не так ли?»

Нечто подобное, во всяком случае, она сказала.

Он пробрался через толпу, нашел Люкаса, тот мирно болтал с инспектором железнодорожной полиции.

— Вы с ордером, патрон? Сразу предупреждаю, что тип в камере хранения очень упорный и полиция не производит на него никакого впечатления.

Люкас говорил правду. Этот тип тщательно проверил документы, долго переворачивал их в разные стороны, надел очки, чтобы изучить подписи и печать.

— Поскольку с меня снимается всякая ответственность...

Он неодобрительно указал на большой серый старомодный чемодан с изорванным чехлом, обвязанный веревками. Люкас преувеличивал, но все же от чемодана шел слабый тошнотворный запах, хорошо знакомый Мегрэ.

— Надеюсь, вы не станете здесь его открывать?

Был конец рабочего дня. Люди толпились у билетных касс.

— Кто-нибудь нам поможет? — спросил Мегрэ у хмурого служащего.

— Существуют носильщики. Надеюсь, вы не хотите, чтобы я его собственноручно тащил?

Чемодан не входил в маленькую служебную машину полицейского управления. Люкас погрузил его в такси. Все это было, конечно, не по инструкции. Но Мегрэ спешил.

— Куда его везти, патрон?

— В лабораторию. Самое верное. Возможно, Жюссье еще там. На лестнице он встретил Торранса.

— Вы знаете, патрон...

— Ты его нашел?

— Кого?

— Юношу?

— Нет. Но я...

— Тогда до скорого...

Жюссье действительно еще не ушел. Они стояли четвером вокруг чемодана, фотографировали его со всех сторон, прежде чем открыть.

Полчаса спустя Мегрэ вызвал по телефону начальника полиции.

— Шеф только что вышел, — ответили ему.

Он позвонил к нему домой и узнал, что шеф обедает в одном из ресторанов на левом берегу. В ресторане его еще не было. Пришлось ждать минут десять.

— Простите за беспокойство, шеф. Это Мегрэ, по делу, о котором я вам докладывал. Люкас был прав. Мне кажется, вам нужно приехать, так как дело касается известного лица и может получить нежелательную огласку.

Пауза.

— Андрэ Дельтей, депутат... Да... Я совершенно уверен... Хорошо. Жду вас.

(Продолжение следует)

„ТЕНЬ“

Маленький рассказ

Пашка знал, что после шторма хорошо берет кефаль. Он проснулся в пять часов утра, увидел спокойное море и стал собирать спиннинг.

Шлюпка стояла под брезентом в нескольких шагах от моря. Пашка поставил ее на попу, подлез под нее. Банка гребца пришлось как раз на плечи. Утопая в прохладном после штормовой ночи песке, Пашка зашагал к морю со шлюпкой на плечах. Потом сходил за веслами, спиннингом и одеждой. Его голой спины коснулись первые лучи солнца: оно вставало из-за вишневых деревьев на территории лагеря и еще не грело. Пашка почувствовал скорее прикосновение света, чем тепло. Он стоял и смотрел на море.

Море отдыхало. Плети глубоководных водорослей, расплюснутые медузы, мелкие ракушки и древесная щепка усеяли широкую полосу утрамбованного волнами сырого песка.

Пашка постоял еще минуту. Потом вошел в воду и повел шлюпку в море, толкая перед собой. Двигался не спеша, обдумывая, у какой вехи лучше привязаться. Когда вода дошла ему до пояса, по днищу что-то ударило и заскрежетало. «Коряга, — решил Пашка, замедляя движение, — а может, камень штормом прикатило». Он чуть отвел шлюпку и склонился над водой.

На дне не было ничего. Дно было чисто. Только крошечный рак-отшельник, быстро-быстро перебирая лапками, засеменял из тени от Пашкиной головы под солнце.

Он обошел вокруг лодки. Ничего! Он опустил руку в воду и стал ощупывать днище лодки. Ага, вот! Кажется, нашел.

Пашка достал из лодки маску и, поеживаясь, медленно опустился в воду. Чтобы подлезть под днище шлюпки, пришлось лечь на спину. Справа от киля царापина, будто стесано углом топора. Пашка приблизил лицо в маске к самому днищу. Глубина царापины — миллиметров пять.

— Черт знает что! — пробурчал Пашка, вынырнув и стянув маску с лица. Потом он снова надел маску и, согнувшись в три погибели, стал кружиться на одном месте, придерживая шлюпку рукой.

Дно было чисто.

...Кефаль не клевала. На дне шлюпки изредка всплескивали две зеленухи. Пашка услышал звук горна из лагеря и погреб к берегу. Вытащил шлюпку на песок и пошел завтракать.

Завтрак был в разгаре. Между четвертым и шестым столами шла ожесточенная перестрелка черешневыми косточками. Пашка срочно организовал перемирие. Он нагнулся, молниеносно ухватил под столом руку Витьки Семечкина с зажатым в ней метательным орудием — ложкой. «Крупный калибр» дал осечку.

— Шумишь? — безразлично спросил Пашка.

— Ага! — радостно подтвердил Семечкин и попытался вырваться.

Пашка забрал у него ложку и пошел к раздаточной.

— Будешь есть руками.

— Они у меня не стерильные, — ухмыльнулся Витька, — и к тому же это непедагогично.

— А я не педагог. Я — спасатель, — бросил на ходу Пашка.

Столовая опустела. За столом только Пашка. Да еще в окне раздаточной подперла щеку кулаком Марта Васильевна, шеф вздыхает, глядя на спасателя. Ей любви мужчины вообще, а особенно те, кто помногу ест и ростом вышел.

— Может, мясца подбросить, студент? А? — вздыхает Марта Васильевна.

Минут через тридцать Пашка уже развозил на шлюпке флажки. А вскоре шумная орава ребят, поднимая брызги, плескалась вокруг лодки. В борт вцепились чьи-то руки.

— А я веслом! — гаркнул спасатель.

Над кормой показалась мокрая мордочка Витьки Семечкина.

— Держись, переверну! — закричал Витька и навалился грудью на борт.

— Попробуй, — засмеялся Пашка, налегая на весла.

Вдруг Пашка заметил: улыбка сползла с лица мальчишки, и сквозь загар проступила серая бледность. Тихонько охнув, Витька разжал пальцы.

— Ты не тонуть ли собрался?

Пашка перегнулся через борт и ухватил Витьку под мышки. Глаза мальчика были закрыты, голова свесилась набок.

— Витька! Витька!.. Ты что? — завопил Пашка.

Он рывком втянул мальчишку в лодку. На правой Витькиной ноге через всю икру тянулась глубокая рана. По щиколотке густо стекала кровь. На секунду Пашка ошел. Затем, придерживая одной рукой безжизненно обвисшее тело, дернул что было сил якорный конец. Веревка выскочила вместе с кольцом. Раздрав подол рубахи, Пашка скатал жгут и перетянул Витькину ногу выше колена. Потом взялся за весла. Шлюпка медленно развизнулась.

— Дорогу! Все на берег! Ребята, на берег!

Завизжали девчонки. Лидочка, вожатая Витькиного отряда, утопая в песке, размахивая руками, бежала к лагерю.

Испуганный начальник лагеря приказал:

— Вот что, спасатель! Бери маску и немедленно осмотри дно в купальном загоне. Только повнимательней гляди.

— Есть!

У дверей изолятора стояла заплаканная Лидочка.

— Как он? — спросил Пашка.

— Зашили.

— А я к нему.

— Что ты, туда нельзя.

Пашка взял ее под локти, поднял и отнес от двери.

— Не скучай.

Витька лежал и глядел на дверь.

— Ну, как дела, старик? — спросил Пашка и положил на подушку смятую конфету «Мишка».

— Дерет, — сказал Витька, — йодом помазали, вот и дерет.

— Как же это ты?

— Не знаю. Не заметил.

— Вспомни, Витька, как все было. А то ты на моей совести. Очень прошу, вспомни.

— А чего вспоминать-то? — упрямо твердил Витька.

— Вспоминай! Вспоминай!

Витька наморщил лоб гармошкой.

— Сперва, когда по дну бежали, я вроде на что-то скользкое наступил. Потом к шляпке подбежал. Потом уцепился. Потом ты говоришь: «А я веслом». И тут чего-то худо мне стало, а дальше не помню.

— Совсем не помнишь?

— Ничего.

— Ну, поправляйся, — сказал Пашка.

— Ладно, — согласился Витька.

Второй час Пашка болтался в загоне, обозначенном красными флажками. Глубина — один метр. Пашкино длинное ружье для подводной охоты касается трезубцем песчаного дна. Дно ровное и очень гладкое. Резиновый загубник дыхательной трубки режет десны, маска протекает, и Пашке каждые пятнадцать минут приходится выливать из нее воду.

Под Пашкой чистый песок. Он встал на ноги. Вода доходит до пояса. Подумалось: «Хватит метаться, как амебе в каплях воды. Нужно распланировать поиск». Он сдвинул маску на лоб и стал глубоко и спокойно дышать. Дыхательная трубка съехала на ухо, на манер плотницкого карандаша. С берега девичий голос закричал: «Эгей, охотничек!» Пашка быстро натянул маску и нырнул. Отлежался на дне, потом поднялся и продул трубку. Поплыл к флажкам. Решил двигаться концентрическими кругами в пределах загона. Точно в середине надеялся закончить поиск. Но на первом же витке ему пришлось утюжить песок животом, в пяти шагах от берега глубина была сантиметров на сорок, не больше. Пашка сознавал нелепость своего положения. Спину припекало солнце, поднявшееся уже к зениту. Больше того, он чувствовал, как морская вода, пощипывая, испаряется у него на спине. Он выругался про себя, оттолкнулся ногами от песка и торпедой выплыл на более глубокий участок.

Для того чтобы пройти весь загон, потребовалось не больше часа.

В центре загона еще издали Пашка приметил что-то черное, зловещее, колышущееся от слабой волны. Он приготовил ружье и, работая одними ногами, стал осторожно приближаться.

Это были рваные сатиновые трусы. Пашка нажал спусковой крючок, ружье дрогнуло, и трезубец, воткнувшись в дно, поднял песчаное облако. Пашка, не оглядываясь, поплыл к берегу. Потом встал на ноги, стянул маску и широко зашагал по воде. Трезубец гарпуна тянулся за ним по дну на лине.

— Нашел что-нибудь? — спросила Лида.

Пашка молча кивнул. Лида и девчонки из первого отряда стали смотреть в воду, ожидая его добычу. Глаза у них горели. Пашка вышел на берег и вытянул стрелу с трусами. Девчонки захихикали. А Лида тихо спросила:

— Что же это, Паша?

— Трусы мужские. Размер сорок восемь примерно.

— Там что? — Лида показала на море.

Пашка устало пожал плечами. Подумал: «Хорошо еще, что они не знают про шлюпку».

— Я обедать.

По дороге в столовую он встретил начальника лагеря.

— Как осмотр? — спросил тот.

— Ничего не нашел. Дно чистое. Но я советую не разрешать купание, пока все не выяснится.

— Что же еще может выясниться?

— Не знаю.

Пашка доел суп, когда в столовую вошел Алик, дружок Витьки Семечкина.

— Дядя Паша!

— Что случилось?

— Там женщина... Нога... То же самое...

— Где?

— На диком пляже, возле флажков.

— Где она?

— У нас в изоляторе.

Пашка оставил недоеденный суп и вышел из столовой. Они направились в изолятор. Пашка шагом, Алик бегом.

К раненой их не пустили. Около дверей стоял ее представительный муж в соломенной шляпе. Он был растерян.

— Ерунда какая-то. Она плавала рядом со мной. Мы, знаете, купаемся, где помельче. Вдруг говорит: «За что-то зацепила ногой...» Нет, нет, она не стояла. Там мелко, но она плыла. И тут я увидел кровь, бурое, мутное пятно в воде. — Он зябно передернул плечами. — И вот мизинец и фалангу соседнего пальца как топором!.. Понимаете, приехали отдыхать. Весь год собирались — и на тебе...

— В море ничего не заметили? — спросил Пашка.

— Где уж, — мужчина махнул рукой и снова передернул плечами, — не до того, знаете, было.

Пашка зашел к себе, взял снаряжение и гарпунное ружье.

— Дядя Паша, можно с вами? — безнадежным голосом спросил Алик.

— Можно.

— Ура-а-а!

— Будьешь в шлюпке за мной грести. Справишься? — Он отлично знал, что Алик справится. Он знал, что во время тихого часа четвертый стол катается в его шлюпке. Но пацаны с четвертого стола не знали, что, загорая на дином пляже, Пашка следит за ними.

Они спустили шлюпку. Пашка надел ласты и, взбурлив воду, поплыл вдоль берега, немного мористее ограничительных флажков. Пройдя метров двести, взял еще круче в море, затем повернул обратно. Проходя мимо шлюпки, поднял голову, крикнул Алику:

— Грести туда! — и показал на море.

— К камням? — спросил Алик.

— Точно.

Камни начинались метрах в пятидесяти от берега. В воде стало темнее. Солнце уже не отражалось в светлом песке, его поглощали валуны, обросшие водорослями и усыпанные мидиями. Между камнями колыхались бесформенные массы разбитых о камни медуз. Их пригнал сюда недавний шторм. Суетились зеленухи. Из-под камней торчали тупые, как носки сапог, головы сонных бычков. В прогалинах над колышущимися полосками водорослей маленькими стадами паслись султанки. Изредка проскальзывали стайки кефали, сверху похожей на торпеды. Пашка не удержался, выстрелил. Килограммовая рыбина встрепенулась и повисла на трезубце. Пашка высунул голову из воды. Шлюпка была рядом. Он крикнул Алику и бросил добычу в шлюпку. Алик испустил торжествующий вопль. Спустя полчаса, поймав руками двух злующих крабов-краснюков и конька, Пашка подплыл к шлюпке, взобрался в нее и приказал:

— Иди на нос и дай полотенце. — Он вытер руки и губы. Закурил.

— А что ты ищешь, дядя Паша?

— Не знаю.

Пашка выкурил сигарету, опустил маску на глаза и нырнул. Маска больно врезалась в лицо и сразу наполнилась водой. Он заработал ногами и поплыл кверху вылить воду из маски. Уже у поверхности заметил под собой круглое пятно на песчаной прогалине. Пятно вдруг сдвинулось с места. Не успев вылить воду из маски, Пашка снова нырнул. Внизу под ним быстро двигалось большое и расплывчатое, меняющее очертания черное пятно, двигалось в сторону моря. Пашка бешено заработал ластами. Пятно тоже прибавило скорость. Зажав ружье в левой руке, Пашка заребал правой рукой, делая длинные и сильные гребки. Пятно остановилось. Пашка настиг его.

На глубине метров пятнадцати под ним неподвижно стоял морской кот. Он показался Пашке огромным, метра два в диаметре, не меньше. Прямой острый хвост кота у основания был потолще Пашкиной руки. Пашка знал, что кончается этот хвост зубьями, как у пилы. Знал, что такой кот мо-

жет перешибить ему позвоночник одним ударом. И еще Пашка знал, что не должен, не имеет права выпустить кота живым в море.

Линь гарпуна пятиметровой длины. Значит, к коту можно приблизиться на пять метров. Линь из трехмиллиметровой жилы, он выдержит. Если, конечно, кот не перерубит его хвостом.

Пашка набрал воздух и стал медленно опускаться на дно.

«Подойду метра на два и ударю в голову, иначе гарпун потеряет силу». Пашка знал: вода изменяет очертания и увеличивает предметы. Втайне он надеялся, что стоит опуститься ниже, и кот окажется обыкновенных размеров.

Пашка погрузился на несколько метров. Но кот не стал меньше. Наоборот, показался еще больше. Огромная грозная тварь.

Вода стала холоднее, Пашка опустился еще ниже. Ружье держал в вытянутых, напрягшихся руках. От кончика гарпуна до головы кота было не больше метра. Пашка мог различить близко посаженные глазные впадины. Бока кота медленно колыхались, то раздуваясь, то опадая. Хвост был вытянут и неподвижен.

Пашка осторожно шевельнул ружьем. Прорезь прицела и мушка сошлись на бугре между глазными впадинами. Он нажал на спусковой крючок, и в то же мгновение кот метнулся вперед к нему. Трезубец впился в широкую блестящую спину. Кот взмахнул хвостом, и Пашка почувствовал, даже услышал резкий и сильный удар по стальному трезубцу. Кот рвался вперед. Пашка изменил положение — стал вертикально и заработал ластами. Спустя секунду он убедился, что и на метр не сдвинулся с места. Воздуха уже не хватало...

Черноморские коты — рыба донная. У них нет плавников на лепешкообразном теле: передвигаются они, шевеля боками, тоненькими и эластичными, словно резиновыми. Двигаясь только по прямой, они не могут повернуть вверх или вниз. Их тело-лепешка всегда параллельно дну, и поднимаются они, постепенно набирая высоту, подобно тяжелому самолету на взлете. «Хорошо еще, что он не может утянуть меня вниз», — подумал Пашка.

В ушах начало звенеть. Ноги онемели в икрах. В метре от поверхности Пашка подумал, что можно было давно бросить ружье и тянуть кота двумя руками. Так было бы легче. Вода посветлела и стала теплой. Еще одно усилие, и он, собрав остатки воздуха, продул трубку и вдохнул свежего воздуха.

«Ну-ка, вылезай, голубчик!» — пробурчал про себя Пашка.

Кота почти не было видно: его скрывало бурое облако расплывшейся по воде крови. Пашка потянул на себя линь и вдруг почувствовал резкий рывок. Пустой гарпун свободно болтался под ним. Кот опускался медленно, как сорванный ветром с дерева лист. Нервно подергивая тонкими боками, встал на дне. Он и не собирался удирать. Он ждал врага.

Пашка вставил гарпун в ружье и, упершись рукояткой в живот, натянул боевую резину. Высунул голову из воды. Шлепая веслами по воде, шлюпка быстро шла к нему. Алик

спешил. «Бить только в глаза, — решил Пашка. — Если его тяжело ранить и сразу поднять кверху голову, будет легче вытаскивать. Да и гарпун из башки не выскочит, там хрящи». Он медлил. Вентиляровал легкие. Отдышавшись, снова нырнул. На этот раз спокойнее, увереннее.

Кот не двигался с места. Только бока его колыхались да кончик хвоста вздрагивал.

Точно нацеленный гарпун вонзился в глаз. Пашка резко дернул за линь, и громадная лепешка кота встала вертикально. Пашка устремился вверх. На этот раз он поднимался легко. Кот бил хвостом, работал боками, но только помогал Пашке. Когда Пашка вынырнул, кот перестал биться. Алик греб во весь дух, и скоро шлюпка была рядом. Пашка навалился на корму и, не выпуская ружья, влез в лодку. Потом, пересадив Алика на нос, стал вытаскивать линь. Кот был тяжел даже в воде. Алик сидел с раскрытым ртом и молча смотрел на Пашкину спину. Когда голова кота показалась над кормой, Пашка перешел ближе к носу и втащил кота в шлюпку.

— Ух-х ты! — закричал Алик.

Пашка снял ласты. Правый был рассечен вдоль, почти до ноги. Наверное, это случилось, когда Пашка поднимался наверх и его ноги оказались в опасной близости от кота.

Пашка покрутил ласт в руках, хмыкнул и протянул его Алику.

На берегу их встречал весь лагерь. Кот не уместился в лодке, хвост его свешивался в воду. Он был около метра в диаметре, и хвостике не меньшей длины. По всему видать, это был редчайший экземпляр. Такого огромного чудища не видывали даже местные жители. Из черной, холодной глубины моря его, наверное, выгнал недавний шторм. Прогретые солнцем и насыщенные кислородом воды побережья, видно, понравились ему, и кот стал выплывать погреться. Кто знает, скольких людей покалечил бы он!

На берегу Пашка взял у Марты Васильевны кухонный топор и отрубил коту хвост. Подождя, откуда сойдет кровь, он ополоснул свой трофей в море и отправился в изолятор. Витька уже все знал. Он встретил Пашку радостным воплем.

— Держи, инвалид, — сказал Пашка, — на память.

— Гляди-ка! — крикнул Алик. Он схватил метровый хвост и провел им по подоконнику. Посыпалась деревянная стружка.

— Ну, дела! — ахнул Витька. — В наш музей!

Позади багажно-посылочной конторы Междугородной компании экспрессов в Весткоте кипела работа. Весткотское земельное мелиоративное общество купило вершину Сейдерского холма и засыпало этим грунтом болотистые низины.

В свободное время Майк Фланнери любил посидеть у задней двери своей конторы, поглядывая на бесконечную цепь вагонеток, доверху наполненных песком и землей. Болото превращалось в огромное поле, покрытое еще колмиками и ложбинами. Скоро здесь начнется разбивка участков и прокладка улиц.

Вместе с этим, вероятно, прибавится и работы для Фланнери, но это его мало беспокоит; компания разрешила ему взять помощника, и Фланнери надеется, что к тому времени, когда болото начнет заселяться, Тимми сможет приносить пользу. Правда, Майк сомневается в этом, но надежды не теряет.

Подкатил поезд 4.32, и Тимми пошел встречать его с багажной тележкой. Теперь он, возвращаясь, лениво катил ее за собой. Ему-то все равно, дойдет ли он до конторы когда-нибудь или нет. Фланнери возмутился:

— Разве ты не можешь двигаться побыстрее? Поторапливайся! Ты на службе у Компании экспрессов, а не на кладбище. Можно подумать, что это похоронная процессия.

— Верно! — подтвердил Тимми. — Вы правильно сказали: совсем как похоронная процессия.

— Что у тебя там? — рявкнул Фланнери.

— Мертвое тело.

Тимми, ухмыляясь, поднял ящик, отнес в контору и поставил на пол.

Ящик был не слишком велик и не слишком тяжел, самый обыкновенный ящик с проволочной решеткой вместо крышки, — и в нем ангорская кошка. Большая красивая ангорская кошка, но дохлая.

Майк взглянул на ярлык:

— Я думаю, Тимми, тебе следует отправиться с похоронной процессией к миссис Уорман. Не такая теперь погода, чтобы держать в конторе скоропортящиеся продукты. И не вступай с ней в споры, если она будет настаивать, что товар прибыл в несколько поврежденном состоянии!

Через полчаса Тимми вернулся и с грохотом опустил ящик на пол.

Э. П. БАТЛЕР

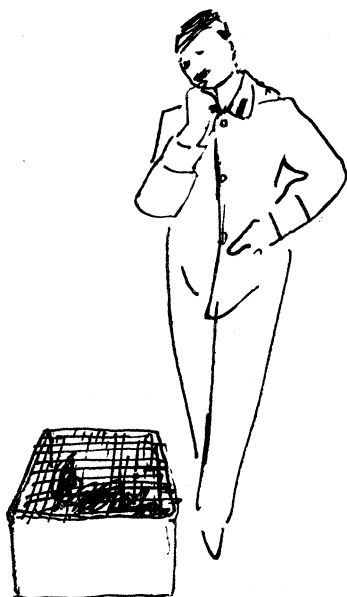
Совсем

как

живая

Рисунки С. ПРУСОВА

Рассказ Э. П. Батлера был напечатан в журнале «30 дней» в 1927 году.

— Скончалась — не совсем подходящее слово. Слишком уж торжественно. А впрочем...

Майк обмакнул перо и написал:

«...кошка больна*. Сообщите, что мне делать. Фланнери».

* Майк делает грамматическую ошибку: вместо слова „deseased“ (скончалась) пишет „discased“ (больна), отчего и возникают в дальнейшем недоразумения. (Прим. переводчика.)

— Она отказывается принять кошку, — коротко заявил он.

Майк Фланнери положил перо и с презрительным сожалением посмотрел на юнца. Потом не спеша сполз с табуретки, медленно взял шляпу и молча надел ее. С видом Геркулеса, направляющегося на совершение очередного подвига, он поднял ящик и, крепко стиснув зубы, весьма решительно вышел из конторы под палящие лучи солнца. Тимми с любопытством смотрел ему вслед.

Меньше чем через полчаса Майк так же торжественно вернулся и молча опустил ящик на пол. Он повесил шляпу на гвоздь над конторкой, опустился на табурет, долго, пристально разглядывал белую стену конторы, потом взял перо и стал писать рапорт.

«Междугородной к-о экспрессов», Франклин.

Товарополучатель миссис Урман отказывается получить кошку по накладной № 23645. Отправители Хибберт и Джонс, а кошка...»

— Как бы это получше выразиться, Тимми? Я, видишь ли, пишу в Нью-Йорк этим клеркам, которые всегда потешаются над моими письмами. Мне нужно сообщить им, что эта самая кошка подохла...

— Скончалась, — посоветовал Тимми.

В главной конторе Междугородной компании экспрессов, получив письмо Майка Фланнери, поспешили связаться по телефону с фирмой «Хибберт и Джонс». Это было крупное предприятие, один из лучших клиентов Компании экспрессов, поэтому компания всегда старалась оказать ей услугу. Клерк, звонивший по телефону, понимал, что везти кошку назад неудобно, особенно если она больна.

— Насколько мне известно, — ответил заведующий отделом животных фирм «Хибберт и Джонс», — кошка находилась в момент отправки в отличном состоянии. Если с ней что-нибудь случилось, это дело не наше. Миссис Уорман заходила к нам и лично выбрала именно эту кошку среди других и уплатила за нее полностью. Кошка принадлежит ей и нас больше не интересует.

Весткот — почти пригород Нью-Йорка, как и Франклин, почта сюда приходит часто. На следующее утро, открыв контору, Майк Фланнери нашел письмо правления. Оно было весьма кратким:

«Относительно кошки (накладная № 23645).

Груз был послан на риск владельца. По-видимому, владельцем является миссис Уорман. Кошка должна быть ей вручена. Мы посылаем ей соответствующее уведомление, но до выдачи вы должны тщательно хранить груз в конторе. Лучше всего предложить ветеринару осмотреть кошку. Кормите ее регулярно».

Майк Фланнери медленно сложил письмо и вопросительно посмотрел на кошку.

— Ха! Кормите ее! — сказал он. — Вероятно, они хотят сказать — окуривать ее, чтобы она хорошо пахла? Что, в самом деле, эти щеголи в правлении думают, что кошка упала в обморок, что ли? Они полагают, что встревоженный Майк Фланнери сидит у кошачьего изголовья и машет на нее веером, чтобы привести ее в чувство?.. Кормите ее. Это мне нравится!

Он еще раз перечитал письмо, нахмурился и стукнул кулаком по столу:

«Вы должны тщательно хранить груз в своей конторе...» Так прямо и написано! А что же станет с беднягой Фланнери?

Вошел Тимми и, проходя мимо ящика, вызывающе потянул носом воздух; это разозлило Фланнери.

— Довольно! — заорал Майк. — Оставь свои дурацкие выходки! Ее нужно хранить... велено хранить черт знает сколько времени. Так что не спеши, еще успеешь нанюхаться.

— Неужели вы будете держать кошку здесь? — удивился Тимми.

— Буду. Должен. Им, видишь ли, угодно держать дохлую кошку. Майк Фланнери — только агент Компании экспрессов в этой самой конторе, Тимми, и, если его заставляют думать, что интересы компании требуют хранения дохлой кошки, он будет ее хранить. Эх, Тимми, тебе еще нужно многому учиться, прежде чем освоишь наше дело и научишься правильному обращению с доверенными тебе грузами.

— Я и так знаю, что кошка дохлая.

— Может быть, — кротко ответил Майк. — Может быть, и знаешь. А может быть, и нет. Где сейчас доктор Помрой? Поди позови его.

Проходя мимо ящика, Тимми посмотрел на него с некоторым уважением. У него появилось легкое сомнение в своем умении распознавать дохлых кошек. Не зря же Фланнери зовет ветеринара осмотреть ее?

Ветеринар Помрой — высокий, нескладный мужчина, нервно дергающий плечом. Голос у него тихий, но неприятный: глухой, замогильный бас.

— Мальчик сказал, что вы звали меня осмотреть кошку, — скорбно загудел он. — Где же кошка?

Майк Фланнери стал по одну сторону ящика, доктор Помрой — по другую. Он даже не наклонился:

— Она сдохла.

— Понятное дело, сдохла, — ответил Фланнери. — Она была дохлой еще тогда, когда я ее впервые увидел.

— Мальчик сказал, что вы зовете меня осмотреть кошку.

— Ну, правильно. Конечно, я звал вас именно для этого. Вот вам кошка. Я прошу вас осмотреть ее. Какое ваше мнение о ней?

— Чего вы, собственно, хотите? — спросил врач.

— Осмотрите кошку, — любезно предложил Майк. — Только осмотрите, и больше ничего. Так мне приказано. «Предложите ветеринару осмотреть кошку». А я вот смотрю на вас и наперед знаю, что вы скажете — кошка дохлая.

— Эта кошка, — сказал ветеринар, — пожалуй, самая дохлая из всех дохлых, которых я видел в своей жизни. Ни одна кошка не может быть дохлее ее.

— Правильно, — подтвердил Фланнери. — Благодарю вас за любезное посещение, — сказал Фланнери. — Достаточно ли внимательно вы ее осмотрели? Может быть, вы для верности хотите осмотреть ее еще раз?

Ветеринар отказался и ушел.

В этот день Фланнери и Тимми, проходя мимо ящика, отворачивались и ускоряли шаги, а вечером, когда Фланнери должен был засесть за отчеты, он вышел во двор и писал на крышке стула. Самым серьезным и ответственным делом было составление рапорта в правление компании.

Майк писал:

«Насчет накладной № 23645.

Ветеринар осмотрел кошку, и она никуда не годится. Он так говорит. Никаких признаков, миссис Уорман. Я буду держать кошку в конторе, куда смогу выдержать. Но как я могу ее кормить? Мне еще никогда не доводилось кормить таких кошек. Фланнери».

На следующее утро Фланнери по обыкновению отпер дверь конторы, но тут же захлопнул ее и запер на замок. Тимми, как обычно, запоздал. Фланнери присел на кучу щебня и стал ждать помощника.

Через некоторое время показался Тимми.

— Что случилось? — спросил он. — Вы потеряли ключ?

Фланнери решительно поднялся и вытащил ключ.

— Тимми, — сказал он мягко, почти ласково, — у меня есть неотложное дело в другом конце города. Я доверяю тебе, Тимми, я разрешаю тебе открыть контору. Это будет тебе хорошим испытанием, юноша.

Он задумчиво смотрел вдоль улицы, где трамвайная линия сворачивала за угол. Трамвайные провода слегка дрожали.

— Слушай, — медленно продолжал он. — Отпирать дверь следует так: сперва нужно всунуть ключ в скважину. Смело всунь его в скважину, Тимми, потом сейчас же поверни его налево. Повертывай ключ налево, а не направо. И когда ты откроешь таким образом дверь... (трамвай показался из-за угла, и Фланнери отступил шага на два), когда ты откроешь дверь... откроешь самую дверь... (вагон приближался к Фланнери)... вытащи кошку из конторы и закопай ее где хочешь, а если не закопашь, я тебя выгоню в три шеи!

Фланнери вскочил в трамвай.

Когда он вернулся, в конторе не было ни кошки, ни Тимми. сосед лавочник передал ему ключи. Майк побагровел от ярости. Он открыл дверь конторы, и с минуту ему казалось, что кошка еще там, хотя ящика не было. Он зажал нос и бросился к задней двери. На сквозняке с его бюро слетела какая-то бумажка. Фланнери подобрал ее и прочел. Писал Тимми:

«Майку Фланнери, эсквайру.

Вы управляйтесь сами. Я устал от такой службы. Слишком много возни с кошкой и миссис Уорман. Поеду в Нью-Йорк, поищу более подходящей работы. Я похоронил кошку, только жалея вас.

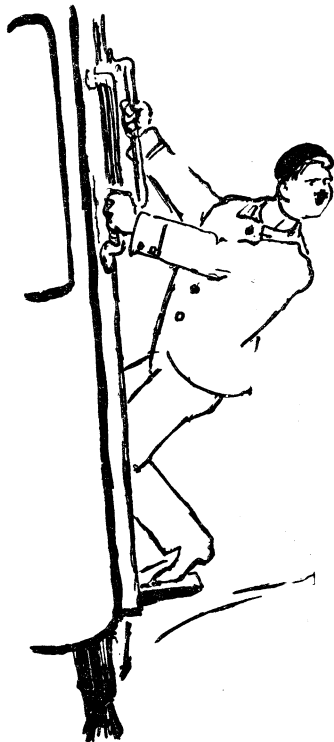
С почтением».

Фланнери улыбнулся. Потеря Тимми не очень огорчила его, поскольку вместе с ним исчезла кошка. Он с легким сердцем принялся за обычную работу.

После полудня пришло письмо из правления компании.

«Относительно гакладной 23645 и в ответ на ваше вчерашнее письмо.

В нашей прежней переписке мы ясно указали вам на необходимость подвергнуть кошку ветеринарному осмотру. Из вашего письма заключаем, что вы пренебрегли нашим требованием, иначе ветеринар, наверно, сообщил бы вам, чем следует кормить животное. Немедленно повидайтесь с ветеринаром и спросите его, чем кормить означенную кошку. Мы полагаем, что с нашей стороны будет нелишним напоминание, что кошку следует также и купать».

Фланнери только крикнул.

— Ну и шутники! — сказал он. — Эти прилизанные щеголи насмеются над старым Фланнери. Повидайтесь с ветеринаром... Спросите его, чем кормить кошку... Нет, это прямо здорово!

Он повертел в руках письмо.

— И, кроме того, напоминают мне, что кошку нужно купать... Доверяют старому, глупому Фланнери такое ответственное дело.

В тот день миссис Уорман была очень удивлена, получив письмо. Прочитав его, она еще больше удивилась.

«Милостивая государыня!

Относительно известной вам кошки, отправленной в ваш адрес через посредство нашей компании фирмой «Хибберт и Джонс» в Нью-Йорке, сообщаем вам, что наша фирма считает себя безусловно свободной от всякой ответственности в этом деле, поскольку все животные принимаются нами к отправке исключительно на риск владельца. Кошка находится в нашей конторе в Весткоте в болезненном состоянии. Письмо нашего агента ставит нас в известность, что кошка больше не может рассчитывать на хороший уход с его стороны. Считая, что ее следует хорошо кормить и окружать заботами, мы надеемся, что вы сообразовите получить вышеупомянутую кошку из нашей местной конторы хотя бы условно, до того, как вы урегулируете с фирмой «Хибберт и Джонс» вопрос о том, кто является ее владельцем. Мы просим вас взять кошку во избежание лишних расходов по ее содержанию в конторе, у вас она будет пользоваться лучшим уходом. Фирма «Хибберт и Джонс» уверяет нас, что кошка является вашей собственностью, и поэтому, пока мы не убедимся в противном, мы должны записать на ваш счет все расходы по перевозке и уходу, производимые за время пребывания вышеупомянутой кошки в нашей конторе.

С совершенным почтением...»

Миссис Уорман разволновалась. Она рассердилась и на Компанию экспрессов и еще больше на фирму «Хибберт и Джонс». У нее сложилось свое мнение о служащих компании и особенно о деловых методах фирмы «Хибберт и Джонс». И это свое мнение она изложила, как умела, в письме, которое и отправила «Хибберту и Джонсу» с ближайшей почтой.

На следующее утро Фланнери чувствовал себя прекрасно. Он насвистывал, встречая поезд в 9.20, насвистывал и возвращаясь в контору с ручной тележкой, наполненной посылками, а в кармане у него лежал большой пакет от компании, запечатанный сургучом. Он вскрыл конверт и перестал весело насвистывать.

«Агенту, Весткот.

Касательно накладной 23645.

«Хибберт и Джонс», отправители кошки, которая находится у вас на сохранении, сообщают нам о жалобе покупателя на то, что кошка, хранящаяся у вас, не является животным, посланным отправителем. С первым же поездом верните кошку в глав-

ную контору. Если кошка недостаточно окрепла, чтобы совершить переезд самостоятельно, попросите ветеринара сопроводить ее.

С почтением
Междугородная компания экспрессов».

Майк мрачно усмехнулся.

— Верните кошку... — пробормотал он, выходя на мягкую, еще не утрамбованную дорогу. — Верните кошку... — повторял он, внимательно рассматривая почву. Он ходил взад и вперед, но площадка за конторой выглядела совершенно ровной. Здесь хватило бы места на погребение десяти тысяч дохлых кошек, и, значит, эта кошка зарыта в одном из этих десяти тысяч мест.

Фланнери нахмурился. Приказ не шутка. Он вернулся обратно в контору, запер двери, взял у соседа-лавочника угольную лопату и стал перекапывать песок и щебень. Он копал прилежно и яростно. Никогда, вероятно, в мировой истории не работал человек с такой энергией, чтобы выкопать дохлую кошку.

К полудню Фланнери прикинул на глаз, сколько осталось еще не вскопанной площади. Осталось еще много. Он вздохнул.

Когда он мыл руки перед уходом из конторы, посыльный вручил ему телеграмму. Фланнери хмуро распечатал ее:

«Кошка не получена. Должна прибыть ночным. Отсрочка недопустима».

Фланнери аккуратно сложил телеграмму и положил в карман, вымыл руки более тщательно, чем когда либо, старательно натянул куртку, стряхнул с нее пыль и с большим достоинством проследовал домой, в меблированные комнаты миссис Мелдун. Он знал, что произойдет завтра утром: придет инспектор из главной конторы, и Фланнери, вероятно, придется искать новое место.

Наутро он встал рано и держался с достоинством. Он не надел формы, а нарядился в праздничный костюм и черный галстук с красными крапинками. Инспектора обычно грубияны, но с человеком в хорошем костюме ни один из них не посмеет быть резким.

Переходя через вскопанную площадку, Майк часто останавливался и носком сапога прощупывал рыхлую землю, но безуспешно.

Вдруг дома за три впереди он увидел Тимми. Майк бросился

в погоню. Он бежал так быстро, как может бежать по рыхлой почве человек в праздничном костюме, начинающий немного полнеть. Но Тимми сразу заметил его. Когда Фланнери выбрался на твердую почву, Тимми уже исчез. Задыхаясь от бега, Фланнери свернул на главную улицу. У дверей конторы стоял инспектор. Ну, конечно, инспектор, кто же еще? Фланнери растерял все свое с трудом накопленное достоинство и разозлился:

— Вот ключ, если вам нужно войти в контору, и, пожалуйста, располагайтесь там как дома, потому что я не желаю больше быть агентом Компании экспрессов, которая посылает дохлую длинношерстую кошку в ящике и требует, чтобы я поливал ее теплой водой с одеколоном! Я не умею ни кормить, ни купать дохлых кошек и не хочу жить с ними, но хоронить их, пожалуйста, сумею. Однако у служащего компании найдутся и другие дела, кроме перекапывания сорока семи акров почвы в поисках давно зарытой кошки.

— Что вы говорите? — удивился инспектор. — Разве кошка сдохла?

— Да о чем же я толковал все время этим щеголям из главной конторы? — завопил Фланнери. — Ведь я же им только и долбил, что кошка сдохла! Вот ключ. Будьте здоровы.

— Погодите, — сказал инспектор, ловя его за полу. — Я вас еще не могу отпустить. Сперва покажите мне вашу кассу и счета. Может быть, и правда все, что вы говорите, но я должен в этом удостовериться. Это была дорогая ангорская кошка, настоящая ангорская. Вы должны мне ее предъявить, а потом мы поговорим о вашей отставке.

— Показать кошку? — сердито ответил Фланнери. — Она в целости и сохранности там, за задней дверью, только она зарыта. Я вам дарю ее вместе с участком!

Инспектор отпер дверь и вошел в контору. Здесь было душно, как в комнате, всю ночь простоявшей без проветривания. Инспектор подозрительно понюхал воздух. Ни в одной конторе Компании экспрессов не было такого скверного запаха.

— Одну минуту! — воскликнул Фланнери. — У меня предчувствие, что наша длинношерстая где-то поблизости. Если вам хоть раз приходилось нюхать такую ангорскую кошку, вы никогда не ошибетесь!

Майк заглянул за дверь. Конечно, кошка тут. Немного более дохлая, чем прежде, может быть, но с той же длинной шерстью.

— Ур-ра! — закричал Фланнери. — А я-то думал, что никогда ее больше не увижу! Вы хотели доказательства, мистер инспектор? Не угодно ли понюхать эти доказательства? Не угодно ли вам посмотреть ее поближе? Совсем как живая!

Перевод с английского

Е. ТОЛКАЧЕВА

На 1-й стр. обложки:
«Рейхстаг взят». Рисунок А. Гусева.

На 2-й стр. обложки:
иллюстрация А. Владимирова
к очерку Н. Павлова.

На 4-й стр. обложки:
«Первый шаг». Фото Ф. Чабан.

В следующем номере — фантастические рассказы И. Росоховатского, Р. Хейнлейна, В. Михановского.

Редакционная коллегия: А. П. ДНЕПРОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, В. И. ЗЫСЛИН, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

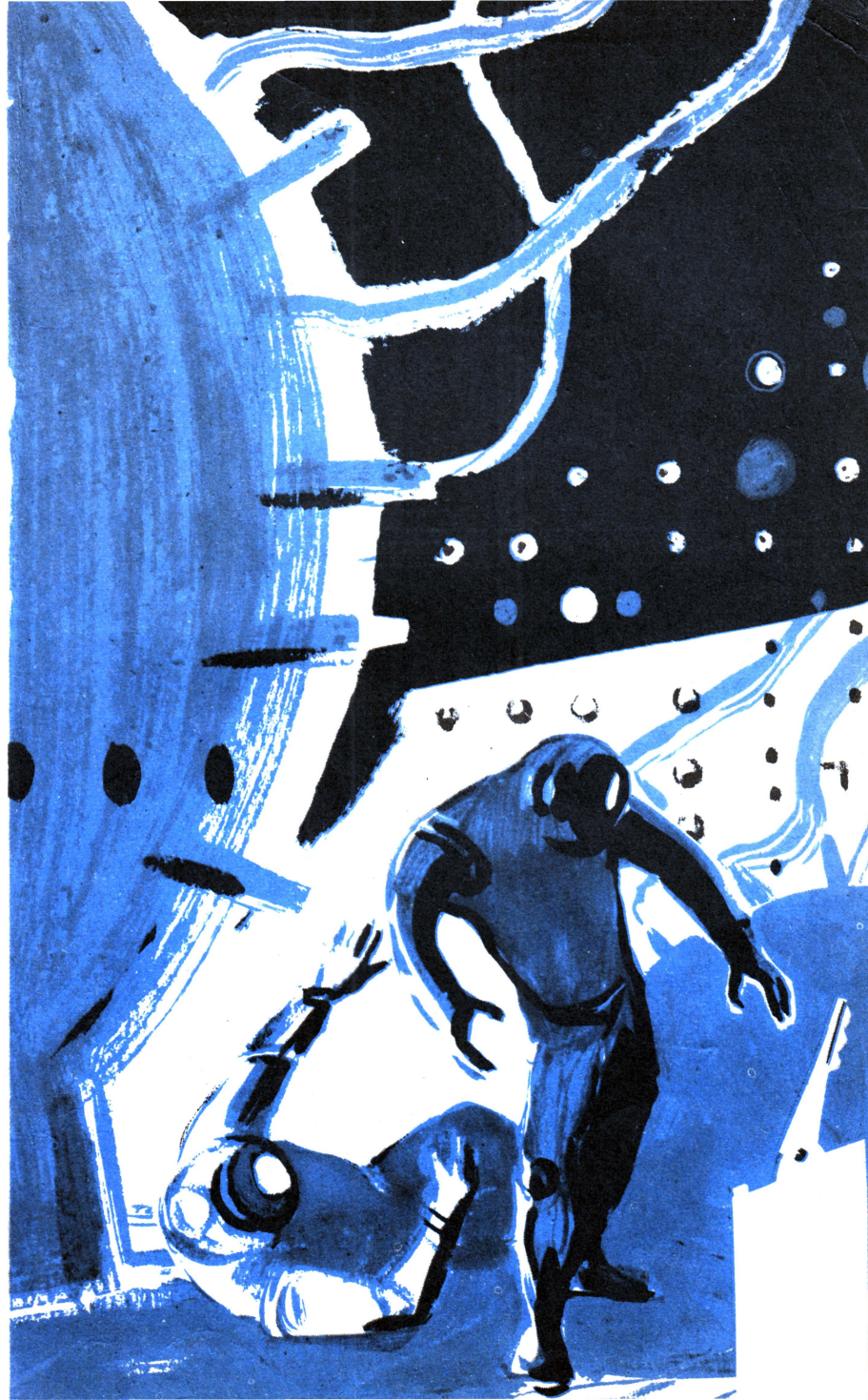
Художник-оформитель А. ГУСЕВ

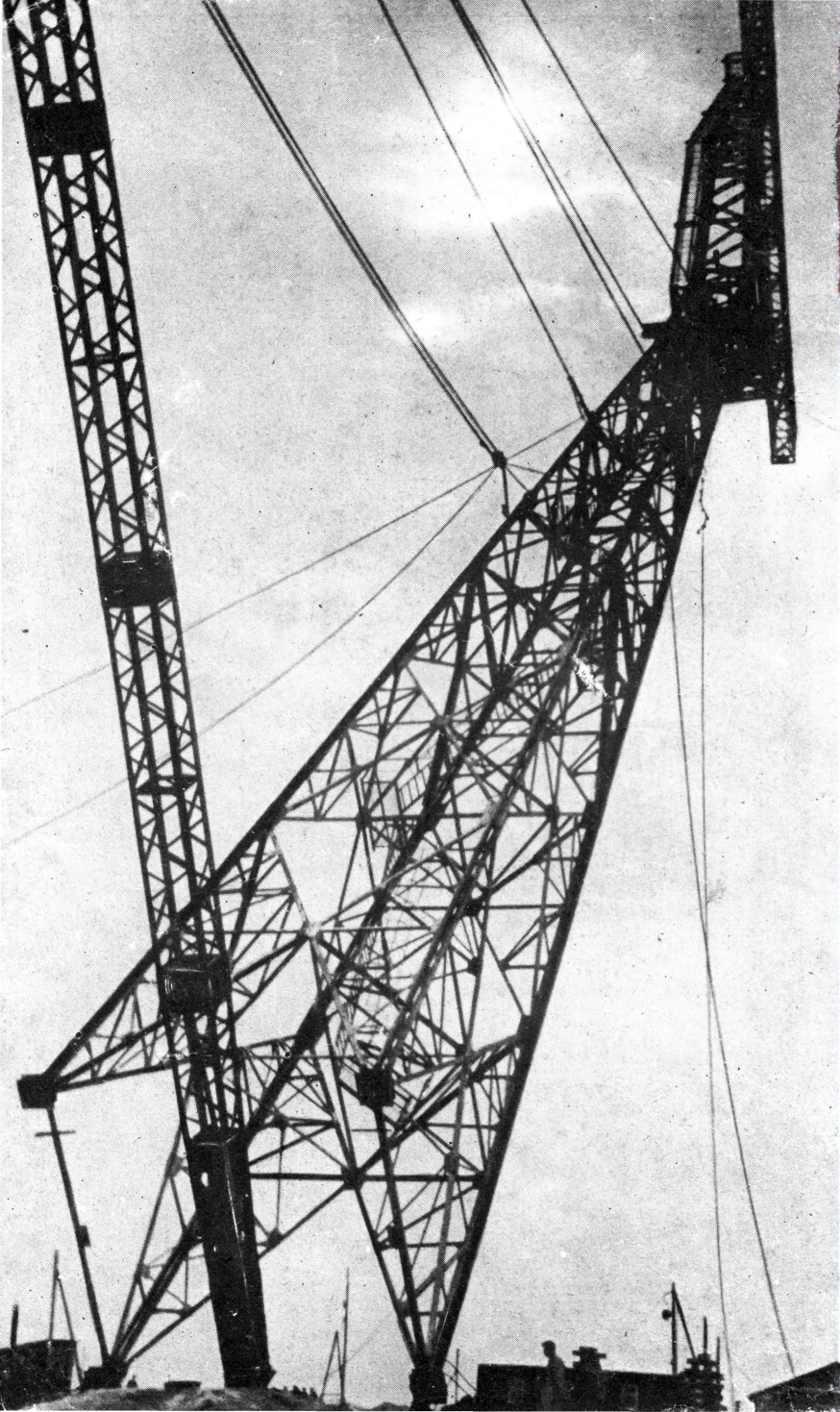
Рукописи не возвращаются
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.

А08815. Подп. к печ. 12/V 1965 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 476.

Отпечатано с матриц в типографии изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.